

ЭДУАРД КОЧЕРГИН

**РОССИЯ,
КТО ЗДЕСЬ
КРАЙНИЙ?**

© Э. С. Кочергин, 2017

© Б. А. Заборов, изображение на обложке, 2017

© ООО «Вита Нова», художественное оформление, 2017

ISBN 978-5-93898-630-5

ЭДУАРД КОЧЕРГИН

РОССИЯ,
КТО ЗДЕСЬ КРАЙНИЙ?

ВИТА НОВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2017

ПРЕДИСЛОВИЕ

Всё, что мне удалось написать, вышло из первой книги — «Ангеловой куклы». В ней заложено было пять тем. Собиралась «Кукла» из рассказов, печатавшихся в «Петербургском театральном журнале», журналах «Знамя», «Звезда», «Нева». Заварив одну книгу, думал закрыть эту сферу моей деятельности. Но неожиданно оказалось, что мною сочинённые рассказы привлекли внимание профессиональных литераторов, филологов, объявивших эти писания «открытием».

Пришлось мне продолжить писательский эксперимент, и я сварганил ряд объединённых друг с другом новелл из моего «нехорошего» детства для книги «Крещённые крестами», позднее названной специалистами романом. В «Крещённые крестами» вставил три рассказа из «Ангеловой куклы», прописав их более обстоятельно. Рассказы эти по теме, времени, местам действия вышли из моей «казённой» детской житухи и органично вписались в «Крещённых». Получилось, что тему второй книги я отчасти вынул из «Куклы».

Третью книгу, посвящённую моему кормильцу, театру, — «Записки Планшетной крысы» — также

обогадил несколькими театральными новеллами, взятыми оттуда же, включая и саму тему сборника.

В четвёртую книгу — «Россия, кто здесь крайний?» — по художественной необходимости опять же перекочевали три рассказа из «Ангеловой куклы».

Осталась ещё одна тема в «Кукле». Тема, посвящённая знаменитой бурсе художников — Средней художественной школе при Институте имени Репина. Даст Бог, сделаю и её.

«Ангелова кукла», писавшаяся с незнанием литературных правил, стала источником четырёх книг. В ремесле художника — вспомните десять знаменитых «Подсолнухов» Ван Гога — повторы не считаются зазорными и встречаются часто. Издание нескольких тиражей моих книг издательством «Вита Нова» даёт мне возможность поставить всё на свои места.

РОССИЯ,
КТО ЗДЕСЬ КРАЙНИЙ?

Кто ты, Россия? Мираж? Наваждение?
Была ли ты? есть? или нет?
Омут... стремнина... головокруженье...
Бездна... безумие... бред...

Максимилиан Волошин. «Неопалимая купина»

РОССИЙСКИЕ БЫВАЛЬЩИНЫ

МА-КА-РО-НЫ

От наших пацаньих глазищ ничего и ничто не могло укрыться — видели всё, что видится. Однажды во двор детприёмника въехала наша полуторка, в которой возили всё подряд, в том числе и жратву. Из неё церберы в кладовку кухни стали сгружать какие-то, симпатичного картона, коробки с неизвестными надписями ненашенского языка. Коробок таких до этого мы не видели никогда. Естественно, нас всех это событие страшно взволновало. Что же может быть такое в этих чужих коробках? Старшаки решили: раз их вносят в кладовку кухни — значит, там содержится съестное. Во, интересно узнать, какое такое съестное в этих коробках! А я положил глаз на сами коробки — уж больно добротные, почти белые, гладкого картона. Коли добыть их для моих цветух, товарный вид возрос бы, как говаривал мастеровой грек дяденька Фемис, да и склеивать ничего не надо — рисуй себе прямо, и всё. Мне аж снилось, как я буду картишки ладные из них мастерить.

Всё, что было живого в детприёмнике, — всё ждало вскрытия этих прибывших картонных коробок. Наконец дождались. 7 ноября 1944 года в энкавэдэшном приёмнике под городом Омском, в столовке за

праздничным великооктябрьским обедом на второе нам выдали какие-то варёные скользкие трубочки. На вопрос шоблы к столовским тёткам: «А что это такое?» — они нам обозвали их американскими макаронами. Во, слово-то какое, незнакомое — ма-ка-ро-ны, да ещё американские.

Никто из пацанвы не знал, как эту иноземную фигню едят. Попробовали захватить ложками — соскальзывали. Вилка в ДЭПэ* у нас не водилось, да и знакомы мы с ними не были. Пришлось есть руками, дождавшись, пока трубчатая невидаль остынет. Рыжий вшивый гад Зюзя окрестил её вдруг твёрдыми соплями, надеясь, что кто-то откажется от новья. Но в тиши нашей хавалки раздавалось только смачное чавканье. Никто даже не гугукнул в его сторону, пока не съел последнюю твёрдую американскую соплю. Так мы познакомились с этим вкусным заморским продуктом.

Машка Коровья нога — посудомойка, донесла нам, что эти трубочки присланы из Америки в помощь воюющей стране — союзнице по ленд-лизу**. Всю весну 1945 года нам по выходным и праздничным дням выдавали на обед эту американскую помощь. Всю весну мы учились есть эту аппетитную скользкую соплю. Так мы полюбили Америку.

---

* Детприёмник.

** Ленд-лиз — государственная программа, по которой США во время Второй мировой войны поставляли союзникам боевые припасы, технику, продовольствие.

Из стибренных на кухне упаковок – глянцевых картонных коробок – я изготовил свои самые лучшие игральные карты, по-нашему – цветухи. Дэпэшный пацаний пахан Толя Волк даже продал или обменял две мои колоды ВОХРе* на что-то ценное. За такую ремеслуху я в ДэПэ стал неприкасаемым. Всей нашей пацанве велено было меня не трогать, а охранять и беречь как художественного творилу самых красивых цветух в бериевском энкавэдэшном околотке.

---

* ВОХР – Военизированной охрана мест заключения.

БЕЛОЗЕРСКИЙ МУНДИКАТОР

С древнейших времён существовал обычай подражания слабых — сильному, нижестоящих на лестнице бытия — вышестоящим. Французский двор Людовика XIII стал одеваться как их малолетний король. Во что одет король, в то одета вся Франция. Поначалу изменилась мода во Франции, затем — во всей Европе.

При Александре II все чиновные люди России носили бакенбарды, как царь; при Николае II мужское население страны высшего и среднего классов отрицало усы и бородки «а-ля Николай». Даже сам рыжий Владимир Ильич Ленин не обошёл этой моды. Деяния императоров, царей, королей в столицах — в провинциях повторялись уже в искажённых видах, иной раз даже в сюрреальных.

В России такое происходило множество раз. Один из последних случаев, запечатлённых памятью, относится к славным годам первого секретарства в Коммунистической партии СССР «нашего дорогого» Никиты Сергеевича Хрущёва. Сейчас уже можно обозвать времена Хрущёва эпохой диких экспериментов. Этот великий свинопас, ставший первочеловеком огромной державы, чего только не сотворял

с подчинённой ему страной и её насельниками. Однажды все министерства в стране заменил многочисленными совнарками, увеличив во много раз аппарат чиновников. Ликвидировал военный статус железнодорожного ведомства, приравненного ещё Николаем I к армии и сохранявшего долгое время армейскую дисциплину, необходимую на наших огромных территориях. Приписал половину Российского Алтая с невероятными запасами природных ископаемых Казахстану. Подарил отвоёванный у турко-татар князем Потёмкиным и русским воинством Крым Украине. Объявил очередную борьбу с церковью и религией. Взорвал и разобрал массу храмов, ещё оставшихся от тридцатых годов. В числе них в Петербурге-Ленинграде Греческую церковь на Лиговском проспекте и знаменитый Спас-на-Сенной. Запретил гомеопатию, народную медицину, начал преследование травников.

А что он проделывал с нашим сельским хозяйством — уму непостижимо. Русскую деревню опустил донельзя. Страна, которая при царях торговала зерном, при нём вынуждена была ввозить его с Запада. Чего только стоит его знаменитый кукурузный эксперимент?! На лугах, с которых два раза за лето скашивали сочной траву, по его приказу стали сажать кукурузу для силоса. Чёрт-те что в нашем климате да на наших землях. А укрупнение колхозов, опять же на Севере, где это невозможно и нельзя было делать из-за бесчисленных болот, рек, озёр! А обобществление

личного рогатого и нерогатого скота, после чего полуголодный народ побежал из разорённых деревень и оголился наш Север! О Господи, какими только способами он не разрушал нас в борьбе за светлое будущее. А сколько возникло у него подражателей-полотёров в городах и весях и что они в своих околотках творили, не пересказать.

Одним из таких мест был небольшой районный город Вологодской области, Белозерск, когда-то столица древнего Белозерского княжества. В те годы хрущёвской оттепели, как тогда обзывали этот период, в Белозерске властвовал первым секретарём райкома партии один из ярких приверженцев экспериментальных подвигов нашего свинопаса. Он точно следовал всем установкам партии и правительства и лично Н. С. Хрущёва в наведении и улучшении порядка, в построении мечты человечества — коммунизма. Районный секретарь подражал всесоюзному секретарю. Даже свою буйную растительность на голове в честь хрущёвской лысины стриг под ёжика.

Все действия Никиты Сергеевича местный партийный царёк повторял в своей вотчине старательно и неукоснительно, но, естественно, в собственном понимании задач.

После объявления Никитой Сергеевичем борьбы с излишествами архитектуры белозерский начальник сразу пустился в поиски излишеств у себя в городе. Домов сталинского ренессанса в нём не водилось,

кроме трёх двухэтажных послевоенной постройки, имеющих на фасадах пилястры всего в один кирпич — для районно-исполкомовских чиновников. В одном из них — в центральном, секретарь сам владел трёхкомнатной квартирой с балконом. Единственными белозерскими архитектурными сооружениями с излишествами, с его точки зрения, имеющими колонны, карнизы, портики и прочее, были главные торговые ряды в центре города, то есть старинные гостиные дворы, построенные ещё в XIX веке для своих купцов и гостей города. Они с двух сторон окаймляли главную торговую площадь вблизи средневекового земляного вала. Этими рядами гордились местные жители. Под ними в былые времена вырыли и создали уникальные холодильные хранилища, где белозерские купцы держали знаменитую белорыбицу, выловленную в родном Белом озере. С этой площади они и отправляли свой драгоценный товар, обложенный льдом и опилками, в Петербург к царскому столу. На этих-то замечательных гостинодворских зданиях наш партайский борзой, обнаружив излишества, велел срубить все колонны, карнизы и прочее. Его варварские действия вызвали возмущение жителей города — это-то и спасло вторую половину гостиного от дальнейшего разорения. Но главная площадь города потерялась — стала производить порушенное странное впечатление. Напротив старинного купеческого корпуса теперь стоит побелённый кирпичный барак, вызывая недоумение приезжих.

Не успел он расправиться с гостинодворскими строениями, как вышло новое хрущёвское постановление — о вреде гомеопатических лечебниц, а также аптек и закрытии их. Народные лекари, травники и травницы объявлялись вне закона, их стали гнобить и преследовать. Наш славный потрясователь сразу же присоединился к этим атакам, организовав в бывшем княжестве и его столице масштабные гонения на травниц и знахарей. К ним в дома среди белого дня врывалась милиция, отбирала все заготовки лечебных сушёных трав и прямо во дворах сжигала их. А известную в районе старуху Василиху, успешно кормившуюся заговорами, объявив колдуньей, причиняющей вред трудящемуся населению, схватили и посадили на пятнадцать суток в белозерскую каталажку. После чего она попала в больницу.

Следующим деянием хрущёвского подражателя стала реставрация главного памятника города — памятника Ленину, к столетию рождения вождя.

Памятник, поставленный неизвестно кем и когда на берегу Обводного канала вокруг Белого озера, находился точно по центру спускавшейся к нему главной улицы города — Дзержинской. Изготовлен Ильич был из гипса, к моменту, о котором идёт речь, множество раз подновлялся, и от этого представлял из себя довольно жалкое бугристое зрелище. Часть правой руки, указующей вверх и в сторону торговой площади, в области локтя давно отвалилась, обнажив ржавую катанку скульптурного скелета. От кепарушки,

которую гипсовый вождь держал когда-то в левой руке, остался только кусочек. Часть правой ноги вместе с брючиной куда-то исчезла. Пьедестал, сложенный из кирпича, оштукатуренный и крашенный голубой краской, местами рассыпался.

Против спины Владимира Ильича на высокой каменной гряде, отделявшей Обводной канал от озера, возвышалась огромная, раз в пять больше Ленина, бронзовая стела. Стояла она на мощном чугунном кубе-пьедестале, по сторонам которого намертво болтами прикреплены были литые в давние времена бронзовые доски со знаменательными надписями в честь сооружения Обводного канала. На одной стороне красовалась надпись: «Белозерский каналъ сооружень повелениемъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА в 1846 году». А на другой: «Каналь сей сооружень въ управление путями сообщения и публичными зданиями Генерал-Адъютанта Графа Клейнмихеля».

По сравнению с николаевской бронзовой стелой гипсовый памятник пролетарскому вождю казался жалким временным явлением. Естественно, что в юбилейный год Ильича необходимо было его отремонтировать. Неизвестно под чьим руководством и чьими руками производилась реставрация, но после неё памятник стал выглядеть, мягко говоря, странновато. На непокрытую и повреждённую в прошлом голову вождя надели кепарушку, хотя в левой руке он держал тоже что-то вроде кепки. Кирпичный

пьедестал восстановили, заново оштукатурили и выкрасили ярким густым голубцом. Самого вождя осеребрили, как полагалось в ту номенклатурную пору. (Лениных серебрили, а Сталиных красили бронзой.) Восстановленные части памятника покрыли серебрянкой без грунтовки, и оттого они сильно отличались от основного тулова. Пьедестал украсила надпись: «В. И. Ленин. 1870–1924 гг.», сварганенная на десятимиллиметровой крашенной бронзой фанере.

Ещё одним грандиозным деянием царствующего Никиты Хрущёва после посещения им Америки явилась кукурузная эпопея, принёсшая множество бед нашему северному краю, разорив окончательно его деревню. Естественно, новая идея не прошла мимо белозерского героя. Он, вслед за многочисленными начальниками хрущёвского призыва, активно встрял в борьбу за изобильное выращивание силосных кормов, то есть кукурузы, в своей вотчине. На землях, где с древнейших времён традиционно культивировались рожь, ячмень, пшеница и, главное, превосходный лён, по приказу начальственного барбоса вынуждены были сажать и взращивать незнакомую местному народу какую-то кукурузу, да ещё квадратно-гнездовым способом, требующим огромного ручного труда. Осенью, убрав её и заложив в силосные ямы, обнаружили, что масса скошенной сочной белозерской травы при гораздо меньших затратах труда намного превышает массу выросшей на Севере кукурузы. Да и бурёнки наши

свою сочную, витаминную траву предпочитали грубой заморской залётке.

Белозерская страна — травяная, за лето траву там косят дважды. Первый раз — под сено, второй, к осени, — для силоса. После сбора урожая оказалось, что выращивание на нашем Севере кукурузы — колоссальный убыток. В районе, поставлявшем первоклассный лён отечественной промышленности, перестали производить его из-за «царицы полей». Колхозы разорились. Народ из них побежал, деревни опустошились. Но зато на крышу ободранного от архитектурных излишеств бывшего торгового дома водрузили огромный красочный плакат, заказанный за хорошие гроши не то в Питере, не то в Череповце, с оригинальным двусмысленным текстом. Над золотистой кукурузной красавицей в русском сарафане и платке с васильками красовалась надпись: «Кукуруза — царица полей!» А под сарафаном красавицы находился другой текст-призыв: «Славу Родины умножь — что посеял, то пожнёшь!» Местный народец спрашивал друг дружку и приезжих: что сие такое значит? И кто эти вирши сотворил?

Плакат много раз сдувало ветром с озера, но его упорно, как знатную реликвию, снова взгромождали на крышу. На несколько лет он пережил кукурузную экспансию на Белозерщине.

Но пожалуй, одним из самых мерзких негодяйств хрущёвского полотёра было уничтожение им древнейшей, уникальной церкви в земляном городище

Белозерска. Известно, что во времена татарского нашествия на Руси почти ничего культового не строили. До белозерщины татары не добрались, и там этими годами в земляной крепости было сооружено два замечательных храма — Василия Великого и Николая Чудотворца. Эти редчайшие памятники архитектуры с тридцатых годов уже находились под охраной государства и Юнеско. Но потрясателя, к тому времени ставшего лысым, охранные грамоты никак не остановили. Он под хрущёвские лозунги борьбы с религией и мракобесием взорвал один из них, самый древний в Белозерщине — храм Василия Великого. Из храмового кирпича начальник задумал соорудить триумфальную арку при въезде в город, на главной дороге Череповец—Белозерск, мечтая о приезде самого Никиты Сергеевича в его отчину. Но оказалось, что ни одного кирпича отделить от разорванных стен церкви невозможно. Секретарь райкома не ведал, что скрепляющий состав церковной кирпичной кладки замешивался на натуральных куриных яйцах и оттого не разделялся.

Город был потрясён таким преступлением. Учителя, врачи, библиотекари — немногочисленная интеллигенция города написала письмо в разные высокие инстанции в Москву о вопиющем безобразии в Белозерске. Москва, не торопясь, только через несколько месяцев, осенью, при новом генсеке Леониде Брежневле откликнулась на «телеги» из древнего города Северо-Западной Руси и послала в это забытое

Богом место специально созданную комиссию для выяснения на месте происшедших событий.

Пока московская комиссия разбиралась со всеми непотребными действиями местного столоначальника, сам он торопился осуществить мечту всей своей жизни – водрузить Триумфальную арку на «череповецкой» дороге. Для её сооружения секретарь реквизировал силикатный кирпич, предназначавшийся для строительства новой электроподстанции, несмотря на то что уже давно завезённое оборудование мокло под дождями.

По начальственному проекту Триумфальную арку возвели четверо каменщиков-забудыг, пропив половину цемента. К открытию арки из Череповца привезли отлитый из гипса и крашенный маслом герб города Белозерска с двумя перекрещенными белорыбцами, прославившими и кормившими город в былые времена, а ныне торчащими только на гербе. Накануне открытия щит с гербом взгромодили на силикатный фронтон.

Утром за два часа до торжественного акта произошло жуткое несчастье – в дупель пьяный тракторист Василий Прохов, по рабочей надобности выезжая из города привычной череповецкой дорогой, не заметил нового сооружения и наехал на него гусеницами своего тяжёлого механизма. Арка рухнула буквально в секунду. Местные свидетели происшествия рассказывали, что сильно помятый Василий Степанович, выбравшийся из-под завала, стоял на коленях в куче

кирпича и рьяно крестился. Ранее за ним такого религиозного рвения не наблюдали.

Московская комиссия, проверив все деяния белозерского сотрясателя и обстоятельно побеседовав с жителями города, наградившего своего начальника за эксперименты и подражания Хрущёву кликухой Мундикатор*, пришла к выводу о невозможности пребывания такого рода гражданина на столь важном государственном посту ввиду его абсолютной неменяемости и психической болезни. Вскоре из Вологды пришёл приказ о снятии начальника с работы в связи с переходом на пенсию по болезни. Секретарь в изумлении не понял происшедшего с ним и накатал жалобу уже снятому Никите Сергеевичу, своему учителю и вождю, о несправедливом увольнении навеки верного коммуниста, о травле и преследовании его очкастыми залётками — агентами империализма, антисоциалистическими выблядками. Самое интересное, что послание уже не существующему первому секретарю написано было виршами. Свыше велено было установить точный диагноз заболевшего экс-секретаря. Три психиатра из Череповца подтвердили давнишнюю абсолютную сдвинутость бывшего начальника древнерусского города.

С тех пор белозерский потрясатель, имея в собственной номенклатурной квартире балкон, каждый божий день, кроме выходных, ровно в полдень

---

* Слово, выдуманное народом-богатырём.

появлялся на нём, как на трибуне, и произносил с него политинформативную газетную смесь, переложенную на вирши. Внизу, в разбитом подле начальственных домов сквере, несколько совсем незначительных местных полупролетариев, забивая козла, комментировали выступления своего бывшего партийного князя, представляя его любопытным приезжим как местный сувенир: «Сродники ежедневно проповедчика нашего на балкон выпускают. Так он с него вирши газетные чешет, работает, значит. А первоглавным коммунистом значился у нас, много чего расшаршил в городе. Долго нами с затемнённым умишком правил. Уже год, как вошью стал, а всё из себя вождя корчит, шарабурду несёт, хренотень лопочет. Одним словом, чудит Мундикатор белозерский».

СУХОНСКИЕ БЫВАЛЬЩИНЫ

*Наместнику Спасо-Прилуцкого Димитриева монастыря
игумену Игнатию (Молчанову)*

В шестидесятые годы прошлого столетия попасть в Великий Устюг, расположенный на северо-востоке Вологодской области, было не так-то просто. Железки, как тогда называли железную дорогу местные жители, в тех краях не водилось. Железнодорожная станция Котлас, самая близкая к Устюгу с северо-западной стороны, нам напрочь не подходила. Мы, художники из Питера, волею судеб прибыли в саму Вологду, на юг области. Из неё попасть на Устюжский север можно было двояко: водою по реке Вологде, затем по Сухоне, или самолётом, который, к сожалению, летал три раза в неделю и на борт брал всего двенадцать человек. Билеты на него с бухты-барахты было не купить, необходимо заказывать загодя.

В результате мы решили плыть пароходом, тем более что знающие вологодские люди соблазнили нас потрясающими видами Сухонского края. Они же посоветовали спешиться в Нюксеницах и заглянуть по пути в Устюг и в местные деревни, где обитали

в недавние времена интересовавшие нас срушнёе, умелые ремесленные народы, возможно, от них там что-то осталось.

Загрузив свои два рюкзака снедью, мы от речного вокзала Вологды по одноимённой реке отчалили от берега и двинулись на северо-восток Вологодчины. На пароходике по случаю разговорились с дедом-попутчиком, военным пенсионером, старшиной, возвращавшимся со службы из Сибири на родину в Нюксеницы. От него много чего интересного узнали про сухонские земли.

В мастеровых деревнях находился он много лет назад, сразу после немецкой войны — невестился* там к своей первой жене. Про былое в тех местах рассказывал нам с восторгом. В избах у них русские печи, да и вся мебель стояла чудно расписанная. По местным преданиям, жильцы из этих деревень в оные хорошие времена ходили в сам Великий Устюг малевать церкви. По берегам их речушек цветные глины вытарчивают. Из них они издавна краски тёрли и пигменты изготавливали. На заработок в Устюг с собственными красителями ходили. Землёй одной в здешних местах не прокормишься, она у них жилистая да глинистая. Оттого подрабатывать приходилось ремёслами.

Много всякого они делали: деревянные прядильные машины — красна́, просто прялки, швейки, поставцы, сундуки, люльки и другое. Почти все изделия

---

* На Вологодчине — выбирать невесту.

покрывали цветочной росписью. В одной из тамошних деревень кузнецы знатные жили — Сухону своими изделиями украсили.

— В доме моём дверные ручки кручёные, замки, щеколды, петли ворот — всё от них, внуков переживёт. Для себя ведь работали, красивые вещи из их рук выходили. Плохо-то делать не полагалось: засмеют да не купят. А сейчас-то что, в магазинах наших шаром покати, пусто, в большой город надобно ехать за всем. Вот так-то... Сходите, ребятки, туда, сходите, я вам с лодкою пособлю. До порогов лодкою доставят вас, а там рукой подать. Травы у них замечательные, и цветов полно разных дивных. Откуда они взялись — загадка. У нас в Нюксеницах такие не водятся. Оттого, наверное, что под землёй у них древнее горячее море. Тёплых ручьёв и ключей много. Толкового хозяйственного начальника бы им — озолотились. Пока я в армии служил, хрущёвское разорение на Вологодчину нашло, народ от него бежал из деревень. Возможно, что в них кто-то остался, но вряд ли.

ПУТЕВОДИТЕЛЬНИЦА

Долго ли, коротко ли, оказались мы в заповедных сухонских местах, точнее на её притоках. По заросшей дороге вдоль нижней Ерги набрали мы на две брошенные деревни, стоявшие по разным берегам речки. Знакомство с ними началось с окраинной

избушки с заваленной вперёд крышей. Отделённая оврагом от ближайшей деревни, она казалась как бы неким хуторком в былой бытности. Вокруг избушки оставались следы порушенных хозяйственных построек. Поначалу мы хотели пройти мимо этой брошенности, но какое-то Провидение остановило нас подле этих останков пребывания людской жизни.

Все строения вместе с избёнкой окружала изгородь из плотно разросшегося кустарника и высокой жгучей крапивы. Проход к срубам в природной ограде пришлось прорубать финками и топорами. Сама разрушенная изба произвела на нас странное впечатление. Передняя стенка с двумя оконными переплётками, вырванная из сруба каким-то мощным механизмом, валялась подле дома на земле. Боковые бревенчатые стены дома раздались в разные стороны, пропустив между собой рухнувшую лицевым краем крышу с потолком и маточной балкой, но не достигшую пола благодаря какой-то широкой торцевой доске, случайно попавшей под балку. Эта доска в момент падения и стала опорой для всей тяжести перекрытия.

Но самое фантастическое открытие для нас при ближайшем рассмотрении происшедшего в полутьме завала — этот дощатый щит-опора оказался иконой Тихвинской Божией Матери!

Вот тебе на, не случайно нас остановило что-то подле разломанной клетки. Но как же всё произошло? Прямо чудо какое-то! Поначалу нам показалось, что кто-то специально подставил икону с точным

расчётом падения балки. Но такого не могло быть. Так что же всё-таки? Возможно, икона в доме висела между окнами вырванной и упавшей стенки прямо под маточной балкой. Балка в момент обрушения дома попала на торец иконной доски и, сорвав её со стены, прижала к полу своей тяжестью. Думаю, что такое могло произойти только при вмешательстве Провидения.

Для вызволения иконы из-под балки мы срубили хороший кругляк такой же высоты, как доска, и, не торопясь, вбили его топорами под балку перед иконой. Делать такую работу пришлось довольно долго и осторожно, так как при любом неловком движении на нас мог свалиться весь потолок с оставшейся крышей. В конце концов нам удалось вынуть икону из-под балки и вынести её на свет Божий. При внимательном рассмотрении икона оказалась монастырским списком девятнадцатого века довольно приличной сохранности. Возможно, в своё время она принадлежала какому-то знатному храму в сухонских краях или монастырю.

Вероятно, в тридцатые годы, во время порушения церковей и православной религии обитатели нашей избухи спасли большую икону от сожжения или порубки, припрятав в собственной усадьбе, со временем же повесили её в родном домишке между окнами на торцевой стене под маточной балкой. Там, в простенке, икона пережила своих первых набожных хозяев. Их потомки в годы хрущёвского нашествия на

Русский Север с разорительными экспериментами вроде сеяния кукурузы квадратно-гнездовым способом, объединения колхозов и обобществления всей личной живности, кроме собак и кошек, не выдержали этих безобразий и бежали. Бежали от угрозы голода на большую Русь, бросив обжитые веками земли.

Произошла трагедия. Хозяева в отчаянии безверия во что бы то ни было разрушили дом собственных предков вместе с иконою Тихвинской Божией Матери, оставив следы полного разорения своей жизни в родных краях. Развалили дом с помощью мощного трактора, вмятины троса остались от него на облицовках оконных проёмов. А образ Тихвинской Божией Матери — Одигитрии Путеводительницы сохранился невредим, как в средневековые времена, когда деревянная церковь, построенная специально для неё в городе Тихвине, трижды горела, а сама святая икона оставалась целой, нетронутой огнём. Что это такое, ежели не чудо! Воистину и наш образ Тихвинской Божией Матери — образ чудотворный. Мы стали свидетелями, вернее, обнаружили ещё одно свершившееся чудо нашей северной реликвии.

ПОМПЕИ НИЖНЕЙ ЕРГИ

Заночевали мы в палатке на берегу реки, под стоявшей на угорье брошенной деревней. Поутру, сварив на костерке кашу и чай, позавтракали в охотку

и поднялись по густо заросшему травой берегу в деревню. И вдруг оказались перед абсолютно сюрреалистической картиной. Представьте себе прилично-го пространства площадку, заросшую всем, чем Бог дал, зелёным: травами, цветами, кустарником, берёзинами, лопухами, крапивою, окаймлённую пятью когда-то хорошо срубленными избами, украшенными замечательный резьбой, но уже какое-то время бесхозными и оттого потерявшими жилой вид. Часть из них стояла без окон, с тёмными пустыми глазницами, они негостеприимно топорщились на нас, залёток. Внутри этого колумбария-цветника с торчащими молодыми берёзками вдруг обнаружилась целая экспозиция крашенной в разные цвета расписной деревянной мебели. Поначалу мы не поняли какой-либо закономерности в расстановке экспонатов, но, повторно обойдя площадку, разобрались в её логике.

По центру пространства, среди буйной поросли возвышались пять деревянных столов с подстольными ящиками, образуя что-то вроде полукруга. Подле них стояли деревянные скамьи с перекидными спинками. За двумя центральными столами торчали вертикалями два роскошно расписанных шкафа-поставца. Кроме того, среди трав и цветов находилось несколько стульев из сосны местной хорошей работы, по рисунку чем-то напоминавших наши павловские, времён классицизма. Пара замечательно расписанных в духе Великого Устюга сундуков красовалась по бокам этого странного мебельного стойбища.

Всё увиденное было настолько неожиданным и загадочным, что мы не ведали, что и думать. Какая-то покинутая киношная съёмочная площадка, что ли, с оставленными по неизвестным причинам мебелью и реквизитом, прямо на натуре? Но какой же фильм снимали здесь? И почему съёмщики не взяли с собой, а бросили на произвол судьбы под открытым небом мебель, которой гордились бы наши музеи?

Брошенные избы, окружавшие выставочную поляну, оказались почти пустые. Но в каждой из них русские печи, двери и притолоки были украшены потрясающими росписями: тюльпанами, кустами с ягодами, деревьями с многоярусными кронами, разнообразными птицами, фигурами крестьян и крестьянок — фантастика какая-то! Всё, что осталось в избах за ненадобностью покинувшим их хозяевам, могло стать экспонатами приличного музея народного искусства: детские люльки, красна́, прялки-самопряхи, расписные настенные шкафы, бураки, туеса и многое другое было знатно покрашено и расписано. Очевидно, в этой деревне жили высокого уровня профессиональные мастера, кормившиеся не только сельским трудом, но и ремеслом. Вероятно, про них нам рассказывал старшина-дед в Ньюксеницах как о малевальщиках, ходивших по зимам с собственными пигментами на расписные работы в сам Великий Устюг.

По второму заходу на нежданную выставку мы обнаружили три разновеликих чугуна. Самый крупный

из них стоял на земле у центрального стола, два других — на боковых столах. Кроме чугунов в траве нашли несколько побитых глиняных мисок с солярными знаками, явно старой работы, и солонку, сплетённую из корня. Интересно, что в чугунах поселились птицы и были страшно недовольны нашим появлением на их территории.

Обнаруженные столово-кухонные предметы навели нас на простую разгадку случившегося ранее в наших зелёных Помпеях. Народ из этой деревни, из её домов перед окончательным уходом, бегством, отплытием, покидая свою Родину, справлял на этой замечательной поляне последнюю тризну по прошлой жизни, по своим дедам-прадедам, по родным чурам. Вынес из всех оставшихся домов столы, скамьи, стулья, шкафы-буфеты, сундуки. Расставил всю эту крашеную красоту на поляне перед домами. Накрыв в складчину столы нехитрой снедью — картошкой, запечённой в чугунах в русской печи, солёными грибами, огурцами, капустой, хлебом. Выставил на столы старые царские бутылки с самогоном и открыл последнюю гульбу-прощание на отчине, в окружении натуральной и рисованной божией красоты.

За время стояния под небом оставшейся экспозиции земля вокруг мебели проросла молодыми берёзками, кустами ольшаника, цветами, травами. Травный орнамент с многоцветием на столах, зелёный фон-покров с розовыми и красными фантастическими цветами и птицами на шкафах-сундуках

соединились с окружающей природой. Более гениальной экспозиции народного интерьера, народного искусства я не встречал и не видел нигде и никогда. Да и не мог видеть такой фантастически красивой беды с пением пернатых певцов, поселившихся в оставленных экспонатах: чугунках, ящиках столов, глиняных горшках.

Однако от всего увиденного возникло впечатление до слёз потрясающего, на Бога брошенного людского обиталища, со следами накопленной веками культуры, лирическое ощущение восторга перед природой и единения с нею.

Люди бросили своё богатство из-за невозможности более жить на родной земле. Воистину трагедия народа со щемящим прощанием и трапезой среди родных купелей, с тоской по бывшему прекрасному и естественному, по собственным корням.

Что эти талантливые человеки будут делать там, в большой России, оставив здесь, под родным небом, основу жизни? Там они пришлые залётки, не имеющие за душой ничего, кроме тоски. Печально всё это, хочется крикнуть: «Россия, остановись! Что ты делаешь со своими народами! Доколе надобно топтать и уничтожать созданное дедами и прадедами?! До каких пор сие возможно?! Мы и так давно потерянные. Россия, остановись!»

ПЛАТОН И ПЛАТОНИДА

*Михаилу Гавриловичу Николаеву,
свидетелю, посвящаю*

Горе горькое по свету шлялося...
Из старинной песни

В годы хождения по Русскому Северу довелось нам попасть в дивные места южной части Северо-Двинской возвышенности. Один из примечательных местных стариков-луней Николенька из деревеньки Верхний Перелесок похвалялся нам, бродячим художникам:

— Живём мы на грудях матушки-земли — вон, гляньте: все деревеньки осели на горках. С моей горки-деревни посчитай, скоко их видно. В сказках наших отец сыновей посылает за тридевять земель, в тридевятое царство, в тридесятое государство искать счастье-спасение — это про нас. Воно, смотри на даль — там видно четыре горки, пятая в воздухе исчезает. Доберёшься до четвёртой горки-деревни — пред тобой восьмая, девятая откроются, а там ещё и ещё. Так Иван-дурак в тридешатую даль ходил, по дороге горки считал. Пораньше-то через две на третьей горке церкви стояли, красота была колокольная. Каждая

деревня свой престольный праздник имела. По праздникам все деревни разодетым народом украшались — смотри, любуйся — никакой тебе писаной картины не надобно — красота натуральная. А теперича оголились груди наши насовсем, народ молодой отсюда бежал, лепота исчезла, а нас, старых, отпевают.

Теперь в моей деревне весь народ у одних ворот собрать можно, а нынешний царь-чудесник, кукурузный бабай, объединить девять горок хочет в одну, чтоб разрушить всех под корень. Поля в одно не соединишь, а трактор с девятой в нашу по низинам да болотам не пройдёт.

В прошлые времена цари наши настоящими хозяевами были, всё по земле своей знали — своими руками её собирали. А теперешние, с какого места выпали, сами не ведают. Вон, в восемнадцатом веке Олонецкой губернией учёный дед писателя Пушкина — Державин — правил, а не случайная мурёхля, как сейчас.

Царь от нашего Олонецкого краю специально унтер-офицеров в русскую армию набирал, а от поморских земель — боцманов на корабли во флот, оттого что не имелось здесь никогда никакой крепости на людей и рабства в головах. И ещё скажу, народ знал цену честности, понимал, что честностью заработать можно больше, чем обманом. Старообрядческие купеческие люди, сговорившись меж собой, без всяких бумаг — напрямую — били по рукам. К примеру, наш северный старообрядец с южным одесским

купцом иудейского рода били по рукам — и всё чинчинарём — без печатей с юга на север цельные составы по железке двигались, гружённые товарами, и всё только на доверии. Да, я много чего про былое знаю, но в головы не ложится никому. В конце тока скажу: всё, что было, — под откос ушло.

В этих почти забытых, но прекрасных землях «северорусской Швейцарии» мы неожиданно для себя встретились с осколками прошлого бытия. С двумя старыми слепыми человечками, последними профессионалами по части отпевания, исполнителями древнего русского ритуального плача по умершим. Промысел в старой России когда-то обычный, а в совдеповской системе небывалый.

Поднимаясь по песчаной дороге вдоль соснового бора из деревни Нижний Перелесок в Верхний — деревню замечательного местного рассказчика Николенки, мы ещё издали услышали какое-то странное протяжное гудение, доносившееся из-за хвойного леса, куда поворачивала дорога. Мы даже остановились и стали прислушиваться. Что-то неземное, прямо ангелы гудят-поют, только больно уж печально. Прибавили шагу, нам хотелось скорее увидеть тех, кто издаёт такие почти нереальные звуки, незнакомые нашим осквернённым советскими маршами ушам.

За рощей, куда завернула нас дорога, разглядели деревенское кладбище, а за ним — на макушке горы — старое сельцо, увенчанное покосившейся деревянной церковью. Подойдя к кладбищу, мы поняли —

ангельские звуки доносятся оттуда. На нём совершались похороны: подхоранивали жену к мужу, ушедшему в иной мир до неё. В ногах открытого соснового гроба, украшенного самодельными бумажными кружевами, вырезанными из школьных тетрадных листов в линейку, и поднятого на козлы, среди стариков и старух, держась за руки, стояли две фигуры слепцов в чёрной одежде: одна сильно большая, мужская, другая малая — женская. Они-то и пели-плакали в унисон абсолютно одинаковыми, очень высокими голосами, что-то дивное церковно-народное, совершенно не сравнимое с чем-либо слышанным в теперешней жизни.

— Смотри-ка, никак здесь вся деревня собралась и слушает человекуву музыку!

Действительно, более тридцати жителей, от мала до велика, застыли подле могилы, околдованные плачем слепцов. Немного на отлёте торчал недобежавший, застигнутый врасплох неземными звуками пацанёнок, на губе его открытого рта висела семечка. Нас никто не заметил, все слушали пение, подняв головы к небу вослед поднимающимся звукам.

Что-то завораживающе древнее было в этом действии. Страшная печаль по исходящему и одновременно мечта о свято-светлом рае. Такое не забыть. Толпа ещё долго стояла молча, переживая слышимое.

Контртенор мужского слепца и женский голос, соединяясь, действовали на кожу спины. И ещё что

поражало и гипнотизировало слушателей — это подлинность сопереживания певцов. Они соединяли собой народный плач с мощью тысячелетней веры...

После заупокойной, которую прочли слепцы, и прощания родственников и деревенских с усопшей Анной Фадеевной четыре мужика под руководством старого Николеньки, покрыв крышкой гроб, на расшитых полотенцах опустили его в могилу, поставив рядом с мужним. Вся деревня, и взрослые, и дети, не торопясь, побросала на домовину горсти земли и, отойдя чуток в сторону, стала смотреть, как дядьки с лопатами закапывают и устраивают над могилой холм. Конечным действием печального события была установка животворящего деревянного креста, сработанного знатно, с крышей и дощечкой из липы, на которой под двумя профилями — мужским и женским, была вырезана надпись, в разных падежах: «Вечная память потомственному крестьянину Ивану Семёновичу Капустину и его супруге. Мать-героиня. Анна Фадеевна». Земляной холмик украсили выкопанными с корнями ромашками.

Закончив ритуальную часть, хоронившие обратили внимание на пришельцев со стороны. Узнав, что мы из Питера, деревня пригласила нас, блокадников, на тризну в избу усопших потомственных архангелогородских крестьян. Я говорю — деревня, так как на кладбище находилась она вся, и за поминальным столом присутствовали все её жители. Во главе стола бережно посадили слепцов, видать, их

здесь давно знали и уважали. Трizza по хозяйке дома прошла, как положено на Руси, поначалу в печали по ушедшей, а затем в живости и во хмеле.

За поминальным столом сидели сыновья, дочери, внуки, правнуки усопших, похожие друг на друга и одновременно на те деревянные портреты, что мы видели на кресте. Странное у нас возникло ощущение — будто бы мать-природа напечатала их всех по двум этим матрицам, вырезанным из липы.

От Николеньки на поминках мы узнали, как называют слепцов и как они возникли в здешних краях. Он и она были местными олонецкими туземцами. Платон — случайный остаток ста пяти архангелогородских священников, расстрелянных во времена красно-чекистской борьбы с русской православной духовностью. Его, дьяка, как самого молодого из всех служителей церкви, сатанинская пьянь оставила закапывать убиенных. Затем подвергла испытанию самогонным зельем — сможет ли дьяк перепить их командира. Он перепил, не охмелев. За этот подвиг ему даровали жизнь, правда для забавы, чтобы изменить его голос-бас, кастрировали, а заодно и ослепили. Только ослепили по пьяни не до конца, правым глазом он ещё лет пятнадцать малость видел. Люди добрые выучили его, полуслеплого, вязать малярные кисти, со временем к этому делу он добавил изготовление платяных щёток, швабр, смёток. Этим ремеслом и кормился. У тогдашнего народа на такой товар была нужда, в магазинах этой ерундой не торговали.

Она, слепица, как определяли её деревенские, была настолько ему предана, что звалась тем же именем. Он — Платон, а она — Платонида. Родилась в деревне Шишкино, под городом Шенкурском. Деревня по местным меркам считалась богатой. Люди в ней жили основательные, там во времена извоза проходила дорога из Вятки в Петербург и находилась станция смены лошадей. Девка Платонида была из потомков смотрителя станции. Она рано осиротела и воспитывалась в семье любимого дяди — шишкинского батюшки. Дядька, не имея наследников, в ней души не чаял. Росла она в их семье любимым цветком и выросла красавицей, доброй и набожной. Шишкино пережило революцию, Антанту (французскую оккупацию), не причинившую вреда никому, даже, пожалуй, наоборот, добавившую к славяно-угорской стати галльской пикантности, но не пережило большевистского обезбоживания. Когда пьяная комсомолия из отряда чекистов стала сбрасывать колокола со звонницы их знатной церкви да прилюдно топорами рубить древние образа из иконостаса, народ не сдержался и бросился спасать иконы. Головорезы открыли огонь по толпе, убив нескольких старушек, антирелигиозные начальники обвинили настоятеля собора в подстрекательстве к восстанию против власти. Следующим днём вооружённый отряд революционных борцов с мракобесием явился в дом шишкинского священника, выволок батюшку с матушкой и Платониду на берег реки, туда же вытащил из

горницы стол со скамьями и ковёр со стены. На стол людишко в красных галифе с саблей выставил четверть самогона и кружки, объявив его судейским. Батюшку и матушку скрутили верёвками и, как разбойников, привязали к стволам береговых деревьев подле стола. На их глазах, выпив по чарке зелья, распластали Платониду на ковре и посменно изнасиловали всем отрядом. После чего выжгли ей глаза. Затем оглушили настоятеля, шибанув его головой о ствол дерева, бросили беспмятного в свою тачанку и с частушками Демьяна Бедного умчали в город.

Под Сольвычегодском Платон, не зная о том, стал вынужденным свидетелем казни её дяди — шишкинского батюшки, он же предал его, как и всех других, земле, прочитав про себя заупокойную. Изуродованный безбожниками дьяк через несколько лет встретился и сошёлся с такой же поруганной и ослеплённой, как он, племянницей деревенского священника.

Солнечным утром следующего дня, пока женщины суетились с завтраком, Платон, сидя на завалинке капустинского дома, сам рассказал нам, как повстречался со своей Платонидой:

— Подобрал я её под нашим старинным городом Шенкурском, что стоит на реке Ваге. В июньском месяце, примерно как теперь, иду со своей клюкой полем к реке — вдруг слышу, кто-то поёт тоненьким-тоненьким голоском, да так жалостливо и протяжно-протяжно. Не полёвка ли, думаю, выбралась из

воды в поле и стонет. Как раз время то подходит, скоро русалии начнутся. Осторожно так приближаюсь к пению, боюсь спугнуть. Остатком глаза своего смотрю, в ту пору я ещё что-то видел, и понимаю, что девушка предо мною находится, в травах ручкой шарит да поёт. Странно как-то ручкою водит по цветам и срывает их выборочно. Глаз-то у меня один тогда был, и тот половинный, а понял — она слепая совсем. Цветы выбирает на ощупь своей маленькой ладошкой да пальчиками нежными трогает — во как! Почувствовала меня, встрепенулась, не с испугу, а так, как бы из своего мира в наш вернулась, и спросила вдруг:

— Дяденька, а кто ты такой?

Отчего она поняла, что я дяденька? Она же не видит меня, и я ей ничего ещё не сказал, от колебания воздуха, что ли? Вот, думаю, встречу Бог послал — битого с побитой. Отвечаю ей, что в город иду, кисти несу продавать, кормлюсь я ими, вяжу и продаю. С тропы свернул на твоё пение, больно уж оно жалостливое у тебя получается и красивое, похожее на плач поминальный. Кто обучил тебя так душевно петь?

— Не знаю, сама ли, а может, дяденька мой, я в его церкви с детства пела.

Что-то я в её словах почувствовал, какую-то неладность, что ли. И подумал тогда — неужели судьба меня с нею знакомит. Для простого случая много общего: она церковная, да и я у Боженьки служил.

— А как зовут тебя, дяденька?

— Платоном.

— Имя красивое, греческое. Философ там такой знаменитый был.

— А тебя как зовут?

— Меня никак не зовут, звали когда-то, а сейчас не зовут. Имя моё пропало с моими глазами. Кличут Слепенькой.

— Больно хорошо ты поёшь, Слепенькая. Я про это понимаю, сам пел в былое время, и тоже в храме.

Короче, стали мы с нею встречаться поначалу в поле, под Шенкурском, да слово за слово всё друг дружке и рассказали. Деться некуда — Господь свёл нас вместе.

Кормилась она тем, что в многодетной семье нянчила мелких малюток за кошт и кров. В шенкурские поля ходила целебные травы брать, знала в них толк. У неё травы всегда в заплечной суме — дорогою хворых лечить.

А запели мы за работою. Обучил я её своему ремеслу. Сидим да в четыре руки кисти-щётки вяжем-ладим и поём. Поначалу не шло, а после вспомнили, как на нашем Севере верующие по старому обряду пели в унисон — сразу пошло. Надобность в отпевании усопших у здешних людей осталась. Дело хоть и печальное, но благое, да и нам близкое. А печаль — так это наша жизнь.

Поднявшись из-за стола после завтрака, Платон приказал своей напарнице:

— Поднимай палку, Платонида. Пойдём до Дальнего Заполя, горок семь клюкать придётся, часов девять-десять уйдёт на то. Завтра там поутру надобно горюшко отплакать.

Поблагодарив хозяев за хлеб, соль и признание, вышли они из дома на деревенскую дорогу, взялись за руки, один большой, другая маленькая, и, выставляя свои посохи по правую и левую стороны, тронулись в путь к следующему плачу.

В каком ещё языке, у какого люда горе так уменьшительно-ласково — горюшком зовётся?

ЦЕНА ЖЕМЧУГА

Верхопаденга — небольшой приток реки Ваги. Начинается Вага в вологодских землях, пересекает значительную часть Архангельской области с юга на север и впадает в Северную Двину в районе Двинского Березняка. На юге Ваги стоит старинный город Вельск. Между Вельском и Двинским Березняком, почти по центру, находится ещё один древний город — Шенкурск, бывший ленный* город царя Ивана IV Грозного. Все эти земли колонизированы были предприимчивыми новгородцами ещё в XI–XII веках и принадлежали средневековой республике Господину Великому Новгороду.

Когда-то в бассейне Северной Двины, в реках Новгорода Великого, в том числе и в важских землях, добывали замечательный речной жемчуг. На основании жалованных грамот добычей жемчуга занимались монастыри и частные лица. В 1500-х годах некоторые реки Новгородской республики давали исключительно крупный жемчуг, часть которого Новгород продавал за границу. Жемчуга было настолько много, что он служил заметной статьёй русского экспорта.

---

* Собственный.

Кстати, наиболее крупные жемчужины старатели обязаны были сдавать казне.

На Северо-Западе Руси считалось, что лучший жемчуг находится в реках, богатых сёмгой. Самый крупный жемчуг на севере назывался «огурец», поменьше — «жемчужная зернь», а ещё мельче — «жемчужный бисер».

Жемчуг — любимое украшение русских людей с древнейших времён. В одном ухе князя Святослава висела золотая серьга с подвешенными к ней двумя жемчужинами. Мантия Ивана Грозного была усыпана жемчугом величиной с орех. Царь Фёдор Алексеевич в 1676 году, принимая польское посольство, был облачён в мантию, расшитую жемчугом и алмазами столь богато, что казался убранном солнцем и звёздами.

Русский жемчуг имел серебристо-белый или голубоватый оттенок, в отличие от китайского желтоватого, и очень ценился на Западе. Самородные шарики, образовавшиеся в раковинах, причислялись к драгоценностям. Жемчуг в России добывался из пресноводных устриц — жемчужниц. Не любые моллюски способны породить жемчужины, а лишь те, которые обладают раковиной с перламутровым слоем. Они-то и позволяли вести коммерческую добычу жемчуга в реках. И ещё необходимо отметить одну из особенностей популярной водяной драгоценности у северных славян: жемчуг, по народному поверью, способствовал любви и деторождению.

Добывалось и выращивалось жемчужное богатство в наших водах редкими специальными людьми, знающими секреты и места, в коих этим промыслом можно было жить. В местных деревнях к таким людям относились как к ведунам, с некоторой опаской и подозрительностью, думая, что они знают с нечистой силой и благодаря ей добывают в речушках своё богатство. Секреты этого ремесла по старинному обычаю передавались из поколения в поколение от дедов и прадедов и дожили в Важских краях Архангельской области до пятидесятых годов прошлого века. Последними представителями этого редчайшего промысла была пара верхопадинских «туточных жильцов», по принятому в тех краях величанию, — древних стариков Николая и Николаихи. Совершенно необычную историю про них рассказал мне местный учитель-краевед Шишкин из села Шишкино, что на Ваге, неподалёку от города Шенкурска, славного древнего новгородского форпоста на реке.

Старики жили в абсолютном одиночестве, в давно брошенной деревеньке на берегу притока Ваги, реки Паденги. Жили в прадедовой, рубленной ещё топором до появления пилы в этих краях, избе. Как-либо родственников у них к этим годам уже не осталось. Два сына погибли в последнюю немецкую войну. А сами они практически ни с кем не общались, только летом, раз в месяц, приходили оба из своего становища с длинными посохами странников — защитой от зверья, в магазинную деревню Шишкино,

что на Ваге, отовариться снедью и получить пенсии. Зимой дед преодолевал эти двенадцать километров один на охотничьих лыжах. В деревне они ни с кем не знали. Если в магазине за чем-либо возникала очередь, продавщица отпускала им продовольствие без очереди, как дальним гостям-пришельцам.

В Шишкино в большинстве семей сохранились старинные женские наряды, расшитые жемчугом, добытым ещё предками стариков: кокошники, сороки, оплечья, подвески, бусы.

Дело добычи жемчуга — дело тайное. Разгадать эти тайны пытались многие людишки, но мало у кого получалось. Про Николиху в деревнях поговаривали, что у неё руки заговорённые, и коли она брала по весне в свою малую ручонку жемчужную раковину, то та сама приоткрывалась. Другой ручонкой старушка вкатывала в щель между створок круглую песчинку, заряжая раковину таким образом. За лето песчинка обволакивалась жемчужной массой, таким образом возникал жемчуг. За одну ходку по своим водяным местам Николиха с дедом заряжали до двух-трёх десятков раковин в разных местных речушках, ручьях и протоках. Параллельно с этой работой дед поднимал со дна раковины, уже пожившие положенное время. Старики внимательно их рассматривали и проверяли, жемчужные они или нет, жемчужные складывались в корзину.

Основные сборы происходили осенью. Дед Никола с Николихой, с корзинами и посохами, ходили

за жемчугом как ходят по грибы. Урожай приносили в избу, где при свете керосиновой лампы вынимали выросшие жемчужины из раковин. Только одна сотая раковин дарила им более-менее качественный жемчужный товар. Вскрытие раковин производила Николиха. Делать это необходимо было осторожно, так как жемчуг поначалу очень мягок. И, вынутый из раковины, он твердеет не сразу, а постепенно. Сперва его подвергают замариванию, то есть держат во рту часа два, а потом заворачивают в мокрую тряпку и носят за пазухой, пока он окончательно не затвердеет и не приобретёт лучший цвет.

Как и кому сбывали старики добытый жемчуг, никто не знал. Поговаривали, что в конце лета, к осени, на лодке с мотором приплывали к их избушке на Паденге с низовья Ваги какие-то два здоровенных мужика, вооружённые охотничьими ружьями, но воочию этих мужиков никто никогда не видел. Слухов всяческих вокруг стариков ходило по Ваге множество. Не только в ближайших деревнях, но и в самом районном городе Шенкурске судачили, что Никола с Николихой чуть ли не миллионеры.

Особенно бурные разговоры велись в местном бражном заведении, официально именуемом «Пиво — воды», где собирались знатные питухи-спиртодуи древнего города. Поначалу, взяв на грудь по кружке шенкурского коктейля «Клюковка», местные завсегда и впадали в сильно мечтательное состояние и начинали базаровать. Для «Клюковки» требовалась

пол-литровая бутылка одноимённого креплёного вина, по-местному «граната», стоимостью 99 копеек, и пиво здешнего варения. Две трети пива на пол-литровую кружку плюс одна треть вина составляли шенкурский коктейль. Коктейль распаковывал шарабаны собутыльников, лишал их тормозов, вызывал фантазийные претензии и располагал к действию. Главной идеей этих бесед-базаров, естественно, была добыча денег. За вечер базарования бражники перебирали множество способов всяческого заработка, одним из которых в старинном жемчужном крае был, конечно, сам жемчуг.

Более всех жемчужным промыслом интересовались два опитоха, то есть выпивохи за чужой счёт, недавние выпускники трудовой исправительной колонии. Они расспрашивали с подробностями собутыльников про добытчиков жемчуга, про их жизнь-бытьё. В начале осени опитохи вдруг исчезли-испарились на время из Шенкурска, освободили клубных бухарей от дани. В ноябре снова стали появляться, но нечасто. В питейный клуб пришли прикинутыми и хвастали, что заработали на шмотки в Вельске — частному хозяину подняли дом.

В начале зимы по Ваге прошёл слух: старики пропали. В деревне Шишкино не показывались с сентября.

Местный участковый на лыжах сбегал на Паденгу — избушка тонула в снегу и оказалась пустой. Кругом — белым-бело и нет никого, даже зверья. Что

делать в России зимой в таком случае — ждать и только ждать, правда, чего ждать-то — неизвестно.

После ледохода, по местному в начале июня, к Шенкурским берегам прибило два трупа, в которых пришлые из деревни Шишкино опознали стариков-жемчужников, Николу и его старуху Николиху. У них верёвками перевязаны были ноги и руки. Причём на руках верёвки были с концами метра по полтора. По догадкам шенкурских знатоков, старика и старуху, перед тем как утопить, разбойные тати пытали, приутопливая в реке.

Через неделю после похорон стариков в Шенкурске произошло самое загадочное событие. Два залётных опитоха, переставшие ходить в «Пиво — воды», обнаружили в собственном срубе повешенными на маточной балке один за другим. Повесили их, вдрабадан пьяных, на электропроводке, сорванной с потолка. На столе промеж окон стояло несколько пустых бутылок «Московской» водки с двумя перевернутыми вверх дном гранёными стаканами. Мистика прямо какая-то.

Милиция и следователи ничего явственного обнаружить не смогли ни в том, ни в другом случае.

В важском народе снова заговорили разное, что вроде через день после похорон жемчужных стариков, часа в четыре утра, двое мощных мужиков высадились на шенкурский берег из плоскодонки и двинулись в город. Часа через три плоскодонка с мужиками в защитной спецодежде и резиновых сапогах

отчалила от шенкурского берега и поплыла на другую сторону реки. Кто эти мощаги и что они делали в городе в такую рань, одному Богу известно.

Похоронили стариков в Шишкино. На доске, прибитой к деревянному могильному столбу, было написано: «Последним жемчужникам — они про жемчуг знали всё, за что и погибли».

РОССИЯ, КТО ЗДЕСЬ КРАЙНИЙ?

Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...
Павел Герман. «Марш сталинских соколов»

В начале семидесятых годов, во времена моего хождения по Русскому Северу, попал я со своим напарником-соседом в старинный, вологодской земли город Тотьму. Попал с познавательными целями — для своей рисовальной профессии. В библиотеке моей от дедов сохранилась небольшая книжица, напечатанная в 1924 году в типографии Тотьменского отдела местного хозяйства в количестве шестисот экземпляров. Книга о деревянном зодчестве Тотьменского уезда Вологодской губернии, с недурными гравюрами художника Е. Праведникова. На одной из них был изображён двухэтажный рубленый пятистенок, покрытый тёсом, замечательных пропорций, с высоким крыльцом, красивого рисунка окнами, украшенными резьбой, тяжёлым венчающим коньком, то есть со всей полагающейся русскому северному дому-кораблю атрибутикой.

Эта книжка виновата в том, что мы изменили первоначальный маршрут и вместо Никольского района, куда должны были податься по тем же

рисовальным занятиям, из Вологды на дэдэроновском* пароходике двинули по реке Вологде, затем вверх по Сухоне в Тотьму. Захотелось увидеть так странно названный город, да ещё украшенный замечательной архитектурой.

В тесном ресторане пароходика за «Вологодским» пивом мы провели почти весь путь до Тотьмы. Сосед наш по столику – начальник рыбнадзора города Нюксеницы, большой любитель и потребитель пива, талантливый враль и балагур, моментально ставший нашим приятелем, рассказал чудную легенду про обозвание Тотьмы. Как представитель соседней с Тотьюю Нюксеницы, он знал про Тотьму всё, естественно, с дурной стороны:

– Когда первый Император Всероссийский Пётр Великий, ещё будучи молодым царём, путешествовал по Русскому Северу и объезжал Вологодчину, он на лодках-галерах поднимался вверх из Двины по Сухоне со своими генерал-фельдмаршалами – разными там князьями Меншиковыми да графьями Толстыми. Жители прибрежных городков и деревень приветствовали царское величество на берегах Сухоны, но старательнее всех и совершенно неожиданным способом встречали его поезд жители древней Тотьмы.

Крутые берега реки густыми кругами, как семечками в подсолнухе, были усыпаны низко склонёнными долу человечками. Застывшие, сложенные вдвое

---

* Дэдэроновский – от нем. аббревиатуры DDR – ГДР (разг.).

люди выделялись на зелёных угорьях только задницами, торчавшими с округлых берегов прямо вверх, в небо. Зрелище сие из царской дали было настолько непонятным и впечатляющим, что царь, увидев такую картину со своей главной галерной лодки, повернулся к Алексашке Меншикову и спросил: «То тьма жоп, что ли, Данилыч?» Меншиков посмотрел в свою поднадзорную трубу и ответствовал царю: «Точно, то тьма жоп на горах, ваше величество!» Таким образом сам Пётр Первый подтвердил древнее имя города, да ещё с важным добавлением-причиной, про которую тотьменцы почему-то забыли, а мы в Нюксеницах соседски помним, — заключил рыбнадзорный враль, пообещав угостить стерляжьей ухой, ежели занесёт нас жизнь в Нюксеницы.

Приплыли мы в Тотьму уже к вечеру и, естественно, как русские пиквикисты, страдающие алкогольной недостаточностью наших организмов, оказались прямо с рюкзаками в винно-водочном отделе самого главного магазина Тотьмы. С него-то и начались наши «исторические познания» брошенного под ноги времени и забытого Богом города. В этом важном месте наши целеустремлённые взоры были остановлены невидалью в человеческом обличье. Объект сей был настолько кос глазами, что притягивал внимание окружающих неправдоподобностью этой косины. Глаза его были повернуты в противоположные стороны — левый в левую, а правый в правую, причём настолько сильно, что он этим невозможным

глазным устройством прямо-таки гипнотизировал глядевших на него людей.

В своей правой руке держал он только что выпущенную юбилейную монету с портретом великого вождя революции товарища Ленина и, поглаживая её грязным большим пальцем, приговаривал:

— По лыске, по лыске...

Понять, что он имел в виду, было трудно. Ерунда какая-то! Чего он хочет?

И вдруг держатель рублёвого Ильича повернул к нам свою голову и хриплым, пропитым голосом, глядя мимо нас в разные стороны, проговорил:

— Ну что смотрите, залётки, помогите вылечить-ся. Скиньтесь по лыске, глаза поставьте на место, а то вижу я вас совсем в других местах, чем вы сами себе кажетесь. Болен я — излом зрения у меня. Оттого и пью, а дозу выпью, глаза на место становятся, и снова вы там, где есть. Косой я — наоборот. А теперь давайте-ка по лыске скиньтесь на поправку глазной косины.

— Да скиньтесь же, не жалейте, такого цирку вы нигде не сыщете, да и стоит-то он всего двести грамм... — прохрипел стоящий за нами винно-водочный желатель в потёртой кепке-лондонке.

Мы с напарником скинулись, и косой, наоборот, с некоторым вызовом и гордостью протянув трёху водочной продавальщице, сказал:

— Уважь, целовальница, больных да жаждущих. Не серчай, красавица, — без нас, косых да косящих, что бы ты делала?

Действительно, после принятия двухсот граммов водки глаза его постепенно вернулись на свои места, и он превратился в банального заштатного алкаша. Интересно, знают ли врачи-глазники или доктора-наркологи болезнь под названием «косой наоборот»?

После обустройства на ночлег в местном Доме крестьянина, где одно койко-место в общей комнате стоило всего семьдесят копеек, спустились мы на берег Сухоны варить свой супчик. В городской столовой подавали только макароны с тушёной, а когда по вечерам она превращалась в ресторан, к этому блюду добавляли пиво за приличные деньги, но зато в графинах. А у нас всё было своё. На берегу, достав снесь из малого рюкзака, развели «воровской» костерок, на котором быстро приготовили ужин, и только успели отметить прибытие в славную Тотьму, как к нашему костру подковылял из-за кустов костыль с лицом тяжело пожившего человека и вежливо попросил дать ему всего-то консервную банку из-под тушёнки. Мы дали, думая, что нужна она ему для червей или ещё для чего-нибудь хозяйственного. Но он здесь же у костра вынул из своего бывшего пиджака флакон «Тройного» одеколona и трясущимися от нетерпения руками вылил его в банку, разбавил водою из Сухоны и, чуть поболтав, залил в себя эту белёсую суспензию. Затем, крикнув, произнёс нежно:

– Пошла, хворобушка...

Закусив этими замечательными словами своё душистое питье, он отбыл под ближайший куст.

Некоторое время спустя от куста раздалось невнятное пение вроде «болять мои раны в глыбаке», перемежавшееся храпом. Пора было и нам вернуться под нашу временную крышу и хорошо выспаться.

Утром предстояло на свежую голову обойти город и наметить интересные объекты для запечатления их на бумаге. Но там, в Доме крестьянина, нас ждало третье открытие – местный домкрестьянский сортир-эрмитаж. Построенный в былые крепкие времена из широченного соснового теса в стиле «русского кантри», он представлял экспозицию талантливейших творцов нашего Отечества, которые заполнили его стены незабвенными победно-фаллическими рисунками и виршами, выполненными в разнообразных подручных материалах и техниках. Одна из надписей, самая идейная, резанная искусной «клинописью» перочинным ножичком на тёмно-коричневых досках терпеливым старателем, глубоко запечатлелась в нашей памяти:

Пусть послужит наш сортир
Очагом борьбы за мир.
Поджигатели войны
Срать в сортире не должны.

О пьянствующих земляках домкрестьянский дежурный – глубокий старик – после рюмки угощения говаривал, что пьют они не более и не менее, чем вся Россия, а виденное нами относится в первый черёд к Москве.

— Тотьма издавна назначена была местом для ссылок. Это крест наш, но если при царях да императорах к нам ссылали важных раскольников или революционных потрясателей, то нынче награждают бездельным и пьянским людом. Списанные в столицах со счетов на их начальственном языке называются тунейдцами. Вместо этого народа лучше бы в город солдат поставили. Бабы бы лишние ягорились, толк бы был да приплод, а с этих что — срам один да развращение наших человеков происходит. Вот так-то... — заключил он, оправдываясь перед нами в нехороших городских картинках. И добавил: — Любопытствуйте у нас, конечно, но со своими блокнотиками-то будьте поаккуратнее, не то накинутся на вас, как на свежачок, и оберут. У них своя простая система — днём где-нибудь что-нибудь поднадыбят, вечером отгуляют, а утром лечатся...

После таких наставлений наш романтический настрой на Тотьму стал меняться.

Дом крестьянина своим парадным крыльцом выходил на главную площадь города. Слева от него выделялся среди деревьев старинный храм без куполов, превращённый в клуб, за ним, на бывшем церковном кладбище, была танцплощадка. С правой стороны против храма-клуба находилась трибуна, за которой возвышался на голубом пьедестале серебряно-гипсовый бюст «лыски»-Ленина. Прямо по оси крыльца с другой стороны, ближе к реке, торчал единственный в городе зелёно-бурых пивной ларь.

Поутру, выйдя со сна на крыльцо, мы обалдели от увиденного — вся площадь до краёв была забита безликою молчаливою толпой. Что здесь происходит? Тьма людей в такую рань! Что за демонстрация? Война, что ли, объявлена или новая революция началась? И почему все молчат? Как-то даже тревожно сделалось от этого стояния.

Выползший за нами на крыльцо домовый дед с самокруткой спокойно прокомментировал событие:

— Лечиться стоят, к пивному опохмелку готовятся. «Лекарство», видишь, в одной будке дают, и то приплывает оно на пароходе сверху из Нюксеницы, да бочки с пристани выборные вручную катят. Через полчаса должны прикатить. Вот и ждут, чтобы в себя прийти после вчерашних подвигов. Выборным первым нальют, потом всем по очереди. Пиво в Тотме не варят, а привезённых бочек на всех не хватает. Раньше своим хватало, а после нашествия тунеядцев, понятно дело, недостаёт. У нас же плановое хозяйство. Так что — кто поспел, тот и съел. Этот спектакль каждое утро здесь даётся. Всех тунеядствующих можете посмотреть и ознакомиться — они перед вами.

Мы не сразу разглядели, что толпа образует между храмом и трибуною плотную многоколенную очередь, которая заполняет всю площадь и концом своим уходит в поднимающуюся угорьем улицу деревянных домов. В полчаса, оставшиеся до «спектакля» — приката бочек, мы успели дойти до «Дома

тунеядцев». Собственно, улица упиралась в него. Дом оказался знатным пятистенком из моей книжки, но приведённым в такой непотребный вид, что мог бы в Великую Отечественную войну получить инвалидность первой группы. Глазницы окон разбиты, филёнки дверей проломаны, покосившаяся печная труба наполовину разобрана. Тёс на крыше попорчен, от чердачного полукруглого оконца остался один проём. Контраст серо-бурых брёвен с ярко-грязными ситцевыми подушками и красными стёгаными одеялами, которыми заткнули битые проёмы двухэтажного жилья, был впечатляюще живописным. Когда-то крепкий тотьменский дом зиял своими ситцевыми ранами.

Но всё-таки почему один из старинных домов Тотьмы был отдан столичным тунеядцам? Потому что они столичные? Или по каким-то другим причинам? У дома на лавочке лежал уже зело пьяный тунеядец с недопитой бутылкой в руке. Увидев нас и отпив глоток из бутылки, он признался, что алкогольная болезнь лишила его части сознательности и внутренней температуры, оттого он сам себе неуправляем и свободен во всяческих проявлениях, даже неподходящих. А затем, глотнув снова, напал на нас с требованием предъявить документ на право общения с ним:

— Вы что, журлисты, что зырите здесь кругом, али водочные продаватели, что указ на меня имее-те? А ну, покажь свой ордер на разговор! А так не

поверю — и всё тут! Может, вы шиши карманные, а больше никто! — И, отхлебнув ещё из бутылки, прохрипел: — Наше дело правое... нам что... поднять да бросить, а больше ничего...

Мы представили, что будет в скором времени, когда тьма тунеядцев, приняв утрешнюю дозу, разбредётся по городу. Пора думать об эвакуации, и лучше самолётом, а блокноты свои совсем не вынимать из рюкзаков.

Вернувшись на площадь, у нашего крыльца мы услышали, как опухший тунеядец, обращаясь к побитому, показав на очередь, сказал:

— Вон, глянь, снова Шпынь непотребный на опохмелок опоздал.

— А кто такой Шпынь, в чём его непотребство и чем оно отличается от вашего потребства?

— Да водку он не пьёт, даже на халяву, — в рот не берёт, то есть напрочь не потребляет!

— А откуда же пьян?

— Да болтушки разные делает, например, вино сладкое, «Клюковку» с пивком разболтает — это в лучшем случае, а то и ещё что-нибудь чудное придумает, одним словом, изыскивает всякие тонкости.

— А почему Шпынь?

— Ну, это понятно! Ругательств матерных не терпит, совсем не переносит, шпыняет всех за них — отсюда Шпынь.

— Аристократ он у нас, из большого начальства вышел.

— Да какой он аристократ! — возмутился стоящий рядом откровенный тунеядец. — «Дай под зад и ористо крат» — вот он кто!

— Ты не прав, — возразил битый. — В Москве допития был он при власти, служил в ихней главной академии марксистским толковником, разъяснял, значит, кого по их бороатым законам уесть и порушить необходимо, но по пьяни лишка про что-то болтанул и загремел со всех своих вершин, да через это запил, до ручки дошёл, с семьёй разбежался, опосля его в тунеядцы скинули и сюда к нам перевоспитывать отправили.

— Снова проспал, машину не подали, без пива на сегодня останется, значит, — сказал опухший.

— Ничего, лосьон в универмагской парфюмерии есть, им обойдётся, — успокоил битый.

И вдруг при этих словах мы увидели апофеоз тотменского бытия. С угорья, куда уходил хвост очереди, показался высокий спешащий седой человек, в больших роговых очках, с лицом алкогольного академика. Осмотрев со своего высока всю площадь, уставленную бесконечными тунеядцами, сбавил ход, поняв, что опоздал, и, подойдя к хвосту очереди, хриплым начальственным голосом спросил, обращаясь ко всей площади:

— Россия!.. Кто здесь крайний?

Сосредоточенная очередь повернула свои головы в сторону Шпыня, и что-то похожее на вразумительность мелькнуло в их глазах. Но через малое время

шум катящихся бочек снова вернул всех в состояние ожидания, а через минуту на лицах передовой части очереди уже появилось предчувствие предстоящего блаженства. И вскоре волшебная терапия началась.

Да, Россия, жизнь твоя утрешняя — жизнь expectantная.

ДЕТИ МОСТА
ЛЕЙТЕНАНТА ШМИДТА

АЛКОМУЛЯТОР

Происшествие

В эпоху перестройки, когда на всех углах города торговали техническим спиртом «Рояль» голландского производства, у нас на Васильевском острове между домами 36-м и 42-м по Пятой линии, как раз напротив Городской наркологической больницы, с давнишних советских времён стоял прилепленный к 42-му дому редкий для Питера общественный туалет, очень популярный у прохожих островитян. Во времена перестроечных горбачёвских потрясений какие-то лихие новые люди откупили у города, вернее, у начальников Васильевского острова, общественный нужник, единственный в северо-восточной части района, и, естественно, устроили в нём общественную пивнуху, уважив таким деянием местных питухов.

На другой день после открытия и освящения питейного заведения различными алконапитками на боковой стене только что оштукатуренного каменного ларя-туалета, хорошо просматриваемой со Среднего проспекта и из зарешеченных окон наркологической клиники, проходящие жильцы рано утром прочли огромного размера, зелёным мелом

начертанную надпись – АЛКОМУЛЯТОР. Хозяева пивнухи к десяти утра её стёрли, вернее смыли. Другим днём она снова появилась на той же стене, но чуть изменённой – АЛКОМУДАТОР, и написана была уже не мелом, а медицинской зелёной. Пострадавшие собственники отмывали её очень долго, наконец отмыли, но не совсем – последние четыре буквы можно было прочесть – ...АТОР.

Спустя два дня после ликвидации второй надписи появилась третья, исполненная опять-таки детской зелёной – АЛКОБУХАТОР: остатки прошлой надписи – ...АТОР были подновлены. Два выходных дня до понедельника на радость островным пешеходам и бухарикам с Четвёртой и Пятой линий красовалась ярко-зелёная надпись на стене бывшего туалета, видимая издали. В понедельник надпись закрыли фанерным щитом какой-то старой рекламы. Ларь потерял свою привлекательность. Несколько дней постоянные прохожие ничего интересного на старом щите не наблюдали. Когда освободили стенку туалета-ларя от щита, она оказалась заново выкрашенной. В ночь на очередную субботу снова возобновились писания, причём расписали уже полностью всю стену – АЛКОМУЛЯТОР,
АЛКОМУДАТОР,
АЛКОБУХАТОР.

И всё той же детской зелёной, которая глубоко впивалась в штукатурку, и стереть её было практически невозможно. В конце концов злополучный

пивной ларь в бывшем общественном туалете прекратил своё существование, не выдержав борьбы с борзыми писчиками зелёной по штукатурке — явно идейными трезвенниками. В защиту туалетных настенных писателей надобно сказать, уж больно не к месту случилось это питейное заведение — напротив городской наркологической лечебницы. Но жалко, что островные пешеходы лишились уличной развлекалки, которая малость скрашивала тоскливое хождение по Четвёртой — Пятой линиям Васильевского острова. А местные питухи потеряли «точку», где всегда поутру можно было опохмелиться, а вечером «залить глаза».

ЮККАШНЫЕ «ЛАКОБАРАКИ»

Занимаясь реорганизацией художественного образования в СССР, директор Российской академии художеств Исаак Бродский в тридцатые годы прошлого века создал нашу знаменитую Среднюю художественную школу при Институте имени Репина. Ей же завещал свою прекрасную дачу в красивейшем дачном посёлке под Питером — Юкках, где юные художники школы каждое лето проходили летнюю практику под руководством своих мастеров-преподавателей. Штат работников, обслуживающих дачу, состоял из двух поваров, одной посудомойки, шофёра, старого ингерманландца, и заведующей хозяйством с помоганкой-уборщицей — всё. Шофёр на крытой полуторке возил продукты, бельё в стирку, дрова для кухни. Он же чинил ограду дачи, крышу, полы и всё, что надобно было чинить, в том числе и электрику. За всё такое обзывался нами «дворовым».

Время практикантов на даче Бродского было регламентировано завтраками, обедами и ужинами. Остальные часы принадлежали профессии, то есть были посвящены рисованию. В конце каждого летнего месяца или, как обзывали в соседнем пионерлагере, смены, мы в столовке организовывали отчётную

выставку юккашных работ и получали отметку за практику. Чтобы не ударить лицом в грязь, старались много писать этюдов с натуры и бесконечно рисовать. Благодаря такому режиму за лето сильно поднимались в профессиональном отношении и оттого очень ценили Юкки.

Школа наша подчинялась не какому-то роно или горону, а своей системе — Академии художеств СССР через Институт имени Репина. Администрация института сама нанимала учителей по всем общеобразовательным предметам, приглашала преподавателей — мастеров по искусству, и других необходимых работников. Так происходило все годы и на даче Бродского в Юкках, где мы, школяры-художники, с утра до ночи трудились на природе.

Но в 1953 году произошло неожиданное непотребное событие. Начальники соседних пионерлагерей и присоединившиеся к ним некоторые местные злыдни вроде нашей уличной соседки Цветочной Грымзы взбеленились вдруг и накатали на нас телеги с возмущениями нашей свободой поведения на территории посёлка и растлением дисциплины питомцев местных лагерей, будущих строителей коммунизма. Потребовали категорически прекратить шатания патлатых, испачканных краскою художников-одиночек со своими грязными ящиками по Юккам и запретить им приставать к местным жителям и жительницам с какими-то набросками. Преобразовать дачу Бродского в спецлагерь художников и в нём привести

в порядок неуправляемых сэхэшатиков*, как всех остальных. Создать, наконец, из них на территории дачи отряды рисующих пионеро-комсомольцев, будущих соцреалистов.

Телеги в разных «комах» подействовали, и Обком партии Ленинграда обязал Институт имени Репина организовать порядок на даче художников в Юкках и обратиться в горно для подбора духовно-идеологических кадров — наставников по типу пионервожатых, как в обыкновенных лагерях. Сказано — сделано.

Шестого июня на дачу Бродского высадился десант в составе трёх специально командированных людей: директора лагеря художников, старшего вожатого художников и просто вожатого. На другой день назначено было собрание в клубе-столовой сразу после завтрака, на этюды велено было не ходить. Мы остались сидеть за своими столами и ждать начальство. Наконец троица наставников вошла к нам в зал с кухни — им, оказывается, завтрак подавали прямо там, что нам сразу не понравилось, так как наши преподаватели-художники ели в столовой вместе с нами. Первым вошёл плешивый тип лет тридцати и зычным голосом приказал:

— Всем встать!

Для нас это было настолько необычно, что мы, естественно, не поняли его и сидели сиднем. Он неожиданно закричал, выпучив глаза:

---

* Ученики Средней художественной школы (СХШ) при Институте имени И. Е. Репина.

— Я приказываю вам встать немедленно!

Мы сидели, с удивлением вперившись в него. Что он орёт? Чего хочет? Зачем вставать — пусть говорит, что хотел. Вперёд вышла тётенька средних лет, представившаяся назначенным начальником лагеря художников, и попросила встать перед взрослыми, как в школе положено. С заднего стола Боб Швец-младший вдруг спросил её:

— А почему вы с нами не поздоровались и зачем отменили этюды, ежели это лагерь художников?

Плешивый возопил на него повышенным голосом:

— Как твоя фамилия? Кто ты такой?

— При чём здесь фамилия? Я про этюды, а вы — фамилия!

— Он не мазаный, сухой! — с другой стороны раздался голос его брата, Швеца-старшего.

Вожатка прыснула смехом. Плешивый, брызгая слюной, снова закричал:

— Какое вы имеете право мне хамить, я старший лейтенант МВД! Где ваши преподаватели по рисованию?

Виктор Васильевич Лебедев, человек уже в почтенных годах, не вставая из-за стола, заявил:

— Я здесь, перед вами, а Павел Павлович сегодня захворал.

— Виктор Васильевич, скажите, почему ваши воспитанники не встают перед старшими?

— Извините, пожалуйста, они не воспитанники мои, а ученики-художники. А не встали перед вами

потому, что это не класс, а столовая, и у нас не пионерлагерь, а дача художника Бродского, где главное — пленэр, и думаю ещё потому, что вас никто не представил не только им, но даже мне. Вы появились у нас совершенно неожиданно и сразу требуете, чтобы вам все подчинялись.

Плешивый взъерепенился на старика, его возражения ему не понравились, и он по-наглому спросил Лебедева:

— А кто вы такой, что делаете нам внушения?

— Я художник, член Союза художников РСФСР, лауреат Сталинской премии, преподаватель рисунка и живописи в старших классах школы. Вам ещё нужна какая-нибудь информация? Можете узнать в Институте имени Репина Академии художеств.

— Нет, спасибо! — через паузу ответил ему старлей.

— В таком случае прошу сказать, кто вас к нам назначил и с какими целями? Мы все будем вас внимательно слушать.

Тётенька-директриса ответила Виктору Васильевичу:

— Странно, что вас не предупредил секретариат института, который в курсе нашего назначения в Юкки для преобразования просто дачи художников в организованный лагерь художников с внятной дисциплиной, распорядком дня и уважением к старшим, в том числе и к населению посёлка, недовольного поведением ваших длинноволосых воспитанников.

— Извините, не воспитанников, а учеников, — снова возразил Лебедев.

— Хорошо, пускай — учеников.

— Пожалуйста, расскажите конкретно, что вы собираетесь делать с учениками Средней художественной школы, находящимися на летней практике в посёлке Юкки?

— Мы должны сформировать отряды из ваших учеников, как в соседних пионерских лагерях, только со специализацией по изобразительному искусству, чтобы они ходили рисовать свои этюды строем, а не шатались поодиночке в разных местах посёлка. Мы хотим, чтобы на утренних линейках утверждались маршруты походов на так называемый пленэр, а на вечерних старшие по отрядам отчитывались о проделанной за день работе. Нам велено из учеников-художников создать коллектив во главе с пионерско-комсомольским костяком, помогающим воспитывать будущую смену советских художников. Пока на вашей даче абсолютная анархия, действующая чрезвычайно негативно на питомцев соседних пионерлагерей и на местных жителей.

Теперь давайте знакомиться. Я — директор лагеря художников, Агния Никитична Непробудко. Старший вожатый лагеря художников — Кишкин Пётр Ильич, вожатая — Синичкина Любовь Алексеевна.

— А вы знаете, что нас всего восемнадцать человек? — спросил Швец-младший. — А в нормальных лагерях по сто и более.

— Ничего страшного, мы разделим вас на два отряда: в одном будут старшие — комсомольцы, а в другом младшие — пионеры, — прокомментировала директриса.

— А что, мы все гуртом будем рисовать с одного места, что ли? И кто будет выбирать места наших этюдов? Сейчас каждый из нас выбирает сам понравившийся ему вид, а как это делать строим, Агния Никитична? — встрял Боб Швец-младший.

— Да, получится тоска, доска и треска, как говорят у нас в Архангельске, — добавил старший Швец и продолжил: — Представляете, как выстроенный в две шеренги отряд художников с большими ящиками для красок и холстами с левой ноги под «раз, два, три» шествует по улицам Юкков — это же будет никому непонятно, и ежели не страшно, то смешно.

— Смотрите, какие вы разговорчивые. Такие вопросы должны решать ваши преподаватели! — произнёс старлей.

— А как они решат? Вы желаете, чтобы мы все стали одинаковыми!

— Я хочу дисциплины на вашей даче.

— Всё одно — мы куда-то придём, а затем разойдёмся, по-другому никак, товарищ старший лейтенант.

— Зовите меня по имени-отчеству — Пётр Ильич!

— Бедный Чайковский, — произнёс кто-то тихо с заднего стола.

До обеда эта ватага начальников мурыжила нас всяческими оргделами. Их смутило то, что мы в конце

концов начали делать с них наброски, то есть снимать «позу рожи» под разговор. Агния заверещала:

— Зачем вы нас рисуете?!

— Чтобы не терять времени, мы за неделю должны сделать по 60–70 набросков с натуры — это требование профессии. Мы вас слушаем и не мешаем нас организовывать, — заявил старший Швец.

— Хватит разговоров, давайте работать, — приказал плешивый Ильич. — Пионеры, встаньте!

Встал один малёк-первишка.

— Галстук есть?

— Нет.

— А где он?

— В городе, здесь ведь я его измажу!

— Ещё кто?

— Больше нет, все переростки, — откомментировал Боб Швец.

— Комсомольцы, встаньте!

Встали только четверо.

— Что так мало, не может быть! Вот ты — что, не комсомолец? — он обратился ко мне.

— Нет.

— А что так, почему?

— В детприёмнике не принимали в комсомол.

...Короче, на этом официальном заседалове мы были разбиты на два отряда по девять человек. Начальники потребовали от нас как-то назвать каждый из них. Мы определили один назвать отрядом «Левой руки», а другой — отрядом «Правой руки».

Вожатые нехотя, но согласились. По их настоянию мы выбрали председателей: Евгения Шварца, старшего брата, левшу, — председателем совета отряда «Правой руки», а его младшего брата, Боба Шварца, председателем совета отряда «Левой руки»; в его отряде, кстати, было трое левшей. Надобно вам сказать, что в нашей сэхэшати оба брата слыли отпетыми хулиганами, за что школьной сходкой ещё в прошлом году их удостоили Ордена легендарного Лакобаракки — нашего потрясователя в шапке земли Греческой, вождя и учителя*.

Кроме всего, лагерные начальники обязали нас сочинить девиз, который необходимо будет произносить ежедневно на всех линейках. Саму линейку определили недалеко от клуба-столовки на зелёной поляне, где мы всегда ранее играли в волейбол, натягивая сетку на стоявшие друг против друга деревья. Первую линейку назначили на утро следующего дня. Сегодняшним вечером старый юккашный финн обещал привезти с какого-то склада трибуну. После ужина нас заставили определить размеры и бельевой верёвкой очертить площадку линейки во главе с трибуной и лево-правыми полосами для отрядов. Все работы происходили при активном участии плешивого старшего вожатого и просто вожатки.

---

* Лакобаракка — великий потрясователь рода человеческого в шапке земли Греческой, легендарная фигура в среде сэхэшати в пятидесятые годы прошлого века. Символ вседозволенной свободы, обитал в дымоходах старой Академии художеств.

Точнее, к нашему всеобщему восторгу, большую часть работ сделали они вдвоём. Чувствовалось, что вожатые сработались уже где-то до нас. А мы играли в полные непонимайки и в благодарных зрителей. День этот практически был потерян для рисования на эту киндер-фигню-майню. Никто из сэхэшатикиков не сделал ни одного этюда. Ежели в дальнейшем всё будет происходить таким же образом, придётся рвать когти из любимых Юкков.

Перед сном на чердачном толковище было решено сражаться с десантом вожатых спокойно, рассудительно, не торопясь, с прикидом под абсолютных дурачков, незнакомых с их пионерско-комсомольскими обычаями. Мы хотим стать настоящими художниками, а теперь у нас «худо, и дождь пошёл». В Юкки мы специально приехали рисовать, а не на линейках стоять и девизы придумывать. Родители наши денешки тратят, чтобы их дети осваивали тяжёлое ремесло художников. Всё другое у нас может не получаться из-за головок, повёрнутых не на людские, а на цветковые отношения.

На толковище сообща договорились соблюдать требования начальников, как их понимаем, не возражать и не перечить, а прилагать все последние усилия на выполнение задач, поставленных перед несчастными необученными недотыкомками. В сэхэшово-лакобарачных обычаях — слушать внимательно, но понимать наоборот или совсем ничего не понимать по причине врождённой тупости, руководствуясь

дымоходной мудростью Лакобараки: «Я идиот, и ничего в виду иметь не могу». Главное, делать это старательно и убеждённо, и с полной отдачей неважно чего. Мы все воспитанники Лакобараки, мы его друзья и последователи. «Да здравствует наш вождь и учитель Лакобарака — великий потрясатель устоев и простоев в шапке земли Греческой! Виват!» — вот наш девиз.

Уже на другой день на утренней линейке опробовали лакобарачные приёмы. Плешивый вожатый со своей трибуны велел построиться каждому отряду в две шеренги. Первому отряду, Боба, — с правой руки от трибуны, а второму отряду, его брата, гения-Евгения, — с левой руки. Мы, не зная, где лево, а где право для трибуны, выстроились по нашим лево-правым рукам. Он завопил на нас сверху:

— Вы что, усатые тараканы, что ли, не знаете, где лево, а где право?

— Мы все безусые художники, а не тараканы, — вякнул Михалёв.

— А ну, перестраивайтесь: второй отряд, правый, — по левую руку от меня, а левый отряд, наоборот, — по правую руку от меня! Что вы делаете? Что делаете, волосатики? Куда пошли? — Он отреагировал на то, что мы повернулись одни направо, другие налево и пошли в разные стороны. — Откуда вы взялись, чёрт побрал, срочно вернитесь на место!

Мы остановились, затем спиной попятнулись назад. Он сбежал с трибуны, стал хватать нас за шквар-

ники и оттаскивать на прочерченные места. Возник базар — каждый из нас тряс друг дружку за грудки и на полном серьёзе вопил:

— Ты что, не знаешь, где право, а где лево? Отвечай, негодяй, немедля!

Между нами метались старлей с вожаткой, не понимая, что происходит. А потом, не сговариваясь, оба заорали:

— Хулиганьё, дурдом здесь устроили, негодники!

Они не знали наши обычаи делать «лакобараки» на полном серьёзе.

После труднейшего разгона нас по отрядам начальники обнаружили, что мы не знаем, что такое шеренга. Мы стояли толпами — одна слева от трибуны, другая справа. Вожатые долго объясняли, что это такое, а нам очень хотелось понять, но у нас почему-то никак не получалось. Старлей опять стал орать:

— Откуда вы свалились, кто вас выродил?

Но всё равно не помогло, и пришлось им вдвоём с вожаткой поштучно расставлять нас по местам. Затем оказалось, что стоим мы не по росту. Снова беда, очень долго выясняли, кто из нас выше, кто ниже, и с какой стороны стоять должны высокие, а с какой низкие. Некоторые, хотевшие почему-то быть ниже, приседали. Спектакль продолжался. В конце концов мы пожалели их и как-то построились.

Началось второе действие. Так как из четырёх комсомольцев и одного пионера дружины не получалось, и председателя совета дружины у нас,

естественно, не было, нам велено было докладывать об отрядах прямо старшему вожатому — плешивому лейтенанту. На команду старшего: «Равняйся, смирно!» — одни сэхэшатики равнялись в одну сторону, а другие в другую, животы все выпячивали вперёд. Старлей снова сотрясал воздух:

— Отставить! Безмозглые дураки!

Наш лопухий Боря Михалёв робко, почти плача спросил у вожатого:

— Разрешите ответить: мы не мазаные, мы сухие, нас никто не обучал построению, зачем вы орёте? Нас учат рисовать, а не строиться.

Из столовки появилась повариха-подавальщица тётя Муся и, не зная никаких правил, шаганула прямо на линейку, заявив, что завтрак давно остыл, что ждёт нас больше часа. Неожиданно строевым шагом времён Павла I, поочерёдно вытягивая правую и левую ногу, из строя вышел Евгений Швец. Отдав левой рукой честь вожатому, что естественно для левши, он заявил:

— Товарищ старший лейтенант, отряды художников к утреннему питанию готовы.

Старвож снова взвился на нас:

— Вы что, издеваетесь надо мной, хулиганьё?! Вас всех надо отправить в дурдом или посадить за решётку. Я повторяю, я не старший лейтенант! О господи, что же это такое, что они делают, что делают?! Отряды, направо, в столовую шагом марш! — И обеими руками схватился за голову.

Мы наконец послушались и строем пошли в столовку, а вожатка осталась успокаивать бедного вожатого. После завтрака старлей попытался построить нас в две колонны для похода на этюды. Мы показали ему наши недописанные холсты в разных сторонах Юкков с вопросом, как нам быть. Может, строем отвести одного пацанка с его работой на место, а затем опять же строем другого на другое, третьего на третье и так далее, пока не устроятся все восемнадцать человек? Но что делать потом, как всех нас снова собрать в строй – вот в чём дело. Мы разбросаны по всему посёлку, и сколько времени отнимет это организованное хождение? На такие вопросы вожатые не знали, как ответить. И по просьбе Виктора Васильевича Лебедева отпустили всех восвояси. Мы разошлись с дачи Бродского, как всегда, поодиночке.

Такого рода «лакобараки» с импровизациями и различными добавлениями повторялись у нас ежедневно, даже старательнее, чем в первые дни. Вели мы себя очень послушно, никогда не хамили, исполняли всё, как приказывают, но почему-то у нас не всё выходило. Одним словом, художники – худо и дождь идёт. Чокнутые, юродивые, клиника прямо какая-то. Что с нас взять? Тыры, пыры, кро-ко-дилы...

Со временем мы всё больше и больше начали замечать, что начальнички наши, почти не скрывая, амурят друг с другом на полную катушку. Старлей и вожатка, спасаясь от сэхэшатского лиха, воссоединились не только в духовной поддержке друг друга, но

и в географической. Вожатка поменялась с завхозной тётенькой, поселившись во флигеле со старшим по званию. Завхозка стала соседкой новой директрисы. Всё логично, всем легче сговариваться и не надо бегать по разные стороны дачи.

Старшаки после отбоя на сон грядущий собрали чердачную сходку, на ней порешили: следующим днём всем «детям моста Лейтенанта Шмидта», то есть сэхэшатикам, сочинить идеи с использованием новых открытий. Другим вечером на том же чердаке из восемнадцати предложений отобрали несколько достойных Великого Лакобараки и годных для топления лагерного корабля. Решено было в ближайшие два дня изготовить три десятка рисунков с изображениями наших влюблённых в разных ипостасях на лоне юкковской природы с благословением Амура, но по первости без соприкосновения друг с другом — то есть любовь на расстоянии. Исполнить рисунки таким образом, чтобы непосвящённые думали, что их рисовала одна чья-то рука. Для такого серьёзного дела пришлось разработать манеру изображения, затем героев вместе с амурами шаблонировать, и с помощью шаблонов штамповать наши амурки* в разных композициях.

На следующий день выпустили ещё такое же количество рисунков с сюжетами уже любовных соприкосновений, но в пределах целомудренности. Затем

---

* Амурки — эротические рисунки (жаргон СХШ).

изготовили серию амурок — мечты старвожалей и вожатки. Далее нарисовали их сны по отдельности и вместе на грани эротичности, но не более того.

Уходя на этюды за озеро в лес, мы трудились, как папы Карло, два дня подряд. На третий день стали появляться амурки. Они лежали на столах, торчали из корзин, висели на ветках деревьев, на веранде дома, естественно, в туалетах, и даже просто валялись на траве нашей волейбольной линейки. Причём появились они ещё до запарки котлов на кухне, то есть совсем рано, по сведениям тёти Муси.

В первый день возникновения амурок линейка была отложена. Плешивый вожатый бегал по территории дачи художника Исаака Бродского, собирая негодяйские изображения, и ругался матом. Рисунки отличались абсолютной похожестью и при некоторой карикатурности получились весьма смешными и выразительными. Но никакой порнухи в них совершенно не было. Просто плешивый в некоторых позах напоминал мужское начало в природе.

После сбора «негодяек» старший вожатый вызвал в свой флигель сэхэшатских начальников — двух братьев Швецов, Боба и Евгешу, и обязал их обнаружить и разоблачить негодяя, производящего эти похабные рисунки. Он, как бывший сотрудник МВД, не сомневался, что их рисовал кто-то один. Швецы поклялись ему, что помогут отловить главного рисовальщика непотребок. Ночью старлей плохо спал и трижды выходил из своего флигеля, тщательно исследуя

владения дачи Бродского. Но ничего подозрительно-го не обнаружил. А к утренней побудке снова свежими амурками усеяна была вся территория дачи великого ленинописца. Бедный вожатый и на этот раз отменил линейку, — он опять собирал амурки, ругаясь всеми знаменитыми русскими словами. Вожатка же, Любовь Алексеевна, практически исчезла с наших глаз. На даче стелилась по стенкам, а на улице пряталась за деревьями.

«Негодяйки» появились и на третий день — кто-то их разбросал во время завтрака. Озверевший старлей носился по дачной земле, хватал попавшиеся амурки и рвал их чуть ли не зубами. Мы решили помочь ему и, разойдясь по всему участку, обнаружили вдруг две амурки с явно заметными отпечатками пальцев. Евгеша Шварц сразу же передал их старвожу, заявив, что теперь ключ к поимке негодяя наконец-то найден.

В тот же день плешивый начальник исчез из лагеря художников — срочно уехал в город. Швецы предположили, и не напрасно, что отправился он туда за спецсредствами для снятия с нас отпечатков пальцев. Как бывший служащий наших доблестных органов, он знал, что, сняв со всех отпечатки, с помощью дактилоскопии он обнаружит врага. Но мы тоже кое-что предусмотрели: во-первых, отпечатки пальцев были не наши, а знакомых уличных пацанов, во-вторых, снимать отпечатки пальцев, то есть производить дактилоскопию детей, а мы были хоть и сукины дети, но все-таки дети, без разрешения родителей

и специального постановления прокурорского начальства запрещено.

По приезде из города старлей-вожатый на линейке потребовал от нас сдать отпечатки пальцев всем до единого для обнаружения и разоблачения кощунника-порнографиста. Мы хором согласились, только попросили его провести эту акцию на следующий день, после вечерних этюдов — перед ужином, часов в пять вечера. В этот же день по дороге на этюды четверо наших пацанов позвонили с местной почты своим высокопоставленным родителям, в том числе одному папе — крутому юристу, и пожаловались, что завтра вечером вожатые с нас намерены снять отпечатки пальцев за беззлобные шаржи на них, и попросили приехать и быть свидетелями таких безобразий.

Процедура дактилоскопии была назначена на семнадцать ноль-ноль следующего дня в клубе-столовой дачи Бродского. У нашего пацана, Сергея Герасимова, сына известного скульптора-антрополога, был трофейный фотоаппарат «Лейка», им и решили отснять насилие.

В день экзекуции старший Шве́ц на утренней линейке обратился ко всем выстроившимся пацанам:

— Товарищи учащиеся-художники, во имя раскрытия паскудного преступления к сдаче отпечатков пальцев будьте готовы!

Два отряда сэхэшатиков хором гаркнули: — Всегда готовы! — И пошли на завтрак.

В столовке наша доброжелательница, тётя Муся, по секрету сообщила нам, что с кухни пропало восемь банок свиной тушёнки и что она видела, как новая директриса притырила четыре банки и с нею старшая повариха спрятала в свою сумку тоже четыре штуки. И что ближайшими днями придётся всем довольствоваться тощими щами и пустыми макаронами.

Такие перспективы нам сильно не понравились, и мы с ходу, бригадным методом, на нашем чердаке изготовили замечательный плакат в духе Окна РОСТА, где чёрной гуашью нарисовали голову директрисы с огромным распахнутым хавалом, куда старшая повариха забрасывала банки свиной тушёнки, а по диагонали красной гуашью шла большая надпись: «Где наша свиная тушёнка?» Плакат решили вывесить к приезду родителей и началу дактилоскопии.

После завтрака мы, как положено, ушли на этюды. Вернулись только к обеду. Главным нашим деянием должна была стать подготовка к вечернему событию, то есть к приезду родительской комиссии. Для такого серьёзного дела необходима хорошая организация и расчёт времени. Родители должны были появиться в столовке в момент самой дактилоскопии и стать свидетелями преступления старлея внутренних войск перед законом. Но они же могут и опоздать к пяти часам — для этого мы сочинили специальные «лакобаракы», чтобы оттянуть время, если понадобится. От плешивого вожатого решили потребовать

подробно объяснить нам, что такое дактилоскопия и как она делается. Какие пальцы, какой руки, ноги макать в суспензию — левой или правой, малые, большие, средние? В каком повороте, развороте стоять при этом, с открытыми или закрытыми глазами, дышать нормально или задержать дыхание? И прочую фигню-мигню такого рода, то есть разыграть ещё раз театр дураков. При появлении родителей в дверях столовки начать сдачу отпечатков пальцев в порядке очереди, и на третьем пацане-сдатчике нашему Гераське вскочить на стул и щёлкнуть сверху фотку преступления.

В семнадцать пятнадцать к воротам нашей дачи подкатили две «победы» с родителями. Встречавшие их на улице сыновья-сэхэшатики дали отмашку дежурившим у столовки пацанам кончать базар и приступать к настоящей дактилоскопии, водрузив на стену плакат «Свиная тушёнка». Стол с заседавшим за ним старлеем и вожаткой был плотно закрыт нашей очередью. Шесть серьёзных дяденек спокойно подошли и превратились в свидетелей старательно выполняемой над их детьми экзекуции. Старлей оторвал свои гляделы от листа с очередным отпечатком пальца, когда Гераська оказался на стуле и своим трофейным фотоаппаратом стал щёлкать кадр за кадром картину происходящего.

Всё, что случилось далее, понятно. Родители нас попросили выйти из столовки и остались разбираться с бывшим сотрудником МВД. Разбирались

они с лагерными начальниками достаточно долго. В результате пожалели вожатых и решили не подавать на них в суд — художники и их родители народ сердобольный. А идея вместо пленэрной практики учащихся художников на даче Исаака Бродского организовать что-то вроде пионерско-комсомольского лагеря не получилась, да и не могла получиться.

Короче, воскресным утром пионервожатые вместе с директрисой покинули дачу художников. Перед отъездом директриса и повариха вернули в столовку семь банок свиной тушёнки вместо восьми, одну они всё-таки успели употребить.

СВИНАЯ ЭПОПЕЯ

Дача ученика великого Ильи Ефимовича Репина — художника Исаака Бродского, в начале двадцатых годов ставшего маршалом живописного цеха страны, одного из зачинателей советского реализма, первого ленинописца и портретиста практически всех вождей революции, начиная со Льва Троцкого и заканчивая Андреем Ждановым, — представляла собой двухэтажный деревянный дом добротной дореволюционной постройки с обширным участком-садом. Южки — место красивейшее, старинный питерский дачный посёлок на холмах вокруг почти круглого озера с сухим сосновым лесом за ним. Нам, сэхэшатикам — ученикам Средней художественной школы при Институте имени Репина, — подарок знатного художника пришёлся по душе, и мы все старались попасть на летнюю практику в его замечательные Южки. Родители для такого дела весь год копили денежки.

Стояла дача на склоне большого пологого холма, по местному Горы, и лицевой стороной выходила на улицу, ведущую к озеру и лесу. С другой стороны, буквально в ста метрах от края нашего участка, на самой Горе находились два совхозных свинарника. Они, естественно, были огорожены, но ограда со

временем в нескольких местах продырявилась. Сви-нарные питомцы часто прорывались сквозь дыры совхозной ограды и влезали к нам через щели пожившего дореволюционного палисадника. А попав к нам, на дачу профессора Бродского, хрюкающие нелегалы распространялись далее по всем Юккам. Причём проникали на волю чушки определённых размеров, не более 60–70 сантиметров в длину. Очевидно, дыры ограды регламентировали их габариты. Чушки поначалу выглядели весьма симпатично – белые, чистые, весёлые, но в случае претензий к ним превращались в свирепых агрессоров.

Каждодневные атаки хрюкающих четвероногих на Юкки причиняли довольно значительный ущерб и неприятности местному населению и дачникам, не говоря уже о пионерлагерях, которых в посёлке было немало.

Прямо на наших глазах происходили просто невероятные события. Отряд чушек, преодолев пространство дачи художника Бродского и проникнув сквозь щели в старинном штакетнике, ворвался на территорию соседнего пионерлагеря как раз во время торжественной линейки, посвящённой окончанию очередной лагерной смены. Как только председатель совета дружины со своей раскрашенной фанерной трибуны обратился к чинно выстроенным отрядам пионеров с призывом: «К борьбе за дело Ленина – Сталина будьте готовы!», на ответ пионеров: «Всегда готовы!» – весёлая стая белых чушек,

прорвав строй ребят, оказалась по центру святая святых — лагерной линейки, приветствуя присутствующих радостным хрюканьем и визгом. Территория им явно понравилась, и они стали метаться по пустому пространству, вызывая участников линейки на игру, нападая то на левую, то на правую шеренги, производя жуткий шурум-бурум, перешедший затем в панику.

Обалдевшие пионеры сдвинулись от такой неожиданной атаки, их строй разрушился, и они начали разбегаться. Никто не понимал, откуда появились такие незваные гости. Председатель совета дружины испуганно вопил с трибуны на поросячью армаду:

— Вон, вон отсюда, я кому говорю, вон, свиньи проклятые!

А самый крупный свин из всей ватаги, не обращая на него никакого внимания, пристроился чесать свой бок об угол трибуны, сдвигая её вместе с начальником в задние кусты. Пионервожатые, придя в себя, пытались отогнать развеселившихся хрюшек, но те, думая, что с ними снова заигрывают, стали носиться по уже пустой площадке, подпрыгивая от удовольствия. В конце концов вывел на улицу поросячьих хулиганов разнорабочий, традиционный дядя Вася, с помощью одной горбушки чёрного хлеба.

Разрушая всяческие понятия о собственности и порядке, свиные отряды нападали на местные огороды и цветники, внаглую поедая всё, что возможно, вытаптывая остальное по дороге.

Жадная, препротивная соседка, по сэхэшовской кликухе Цветочная гримза, жившая напротив дачи великого живописца, на своём участке выращивала знатные садовые цветы для продажи на рынках города. На наши неоднократные смиренные просьбы одарить бедных юных художников несколькими розами для натюрмортов или допустить нас на свой участок рисовать цветы отказывала нам наотрез. Так вот, за нас отомстили ей совхозные чушки. Шобла из семи особей прорвалась через тёткин забор и набросилась на её обширное цветочное хозяйство. Часть цветов чушки с великим удовольствием поели, а другую изрядно потоптали, когда она попыталась палкой выгнать их из цветника. Смешно было смотреть, как бегут от неё по улице хрюшки с цветами в зубах. Гримза обвинила нас, сэхэшатиков, что мы специально настроили совхозных свиней напасть на её цветник. Мы признались ей, что свиного языка не знаем, и посоветовали обратиться в милицию, но она почему-то побоялась. Тётка никак не могла понять, что советские свиньи напрочь не признают частную собственность, да ещё в виде вкусных цветов.

Многочисленные безобразия совхозных тварей юккашные жители пытались остановить многими способами, в том числе письменными жалобами совхозным начальникам, поселковому совету и прочим высоко поднятым учреждениям, но ничего не помогало. Совхоз вместо починки ограды вокруг свинарников каждодневно высылал мужиков-работников

с мешками. Они вылавливали охамевших хрюшек, запихивали их в мешки и в сопровождении жуткого визга на весь посёлок оттаскивали в свинарник. А на другой день хрюкающие отряды жизнерадостных тварей снова проникали в посёлок.

Как ни странно, остановить свиную экспансию в Юкках удалось нам, юным художникам, насельникам дачи великого ленинописца, директора Российской академии художеств Исаака Бродского. Своим, совсем неожиданным для всех способом.

Свиньи, ежедневно проникавшие сквозь хилую ограду художников и поутру штурмовавшие нашу столовку, нам тоже порядочно надоели. Необходимо было что-то предпринять против такого наглого негодяйства и заставить безалаберных совхозных бонз починить в конце концов ограду вокруг двух своих свинарников. Сэхэшатские старшаки по такому важному свиному вопросу устроили заседалово в зале столовки, по вечерам превращавшейся в наш профессиональный клуб. На этом историческом совещании решили с залётными хрюшками обойтись привычными профессиональными средствами, чтобы свиновладельцам больше никогда не захотелось бы отпускать свой живой товар за пределы совхозной Горы.

Там же, в столовке, старшекласники-живописцы разработали подробную систему, по которой все обитатели дачи Исаака Бродского обязаны были действовать сообща до окончательной победы над

совхозным безобразием. Итак, было постановлено превратить неприлично голых хрюшек, штурмующих посёлок, в отряд морских пехотинцев, свинопехов, в рисованных полосатых тельниках с соответствующей символикой, чтобы жители дач и домов издали узнавали их и загодя готовились к обороне. Второе — исполнить эту ответственную работу качественными масляными красками для живописи и щетинными кистями, выданными школой для этюдов. Для осуществления таких работ создать несколько бригад сэхэшатикиков во главе с талантливым живописцем Евгением Швальником. Перед началом акции заседало разработало систему исполнения свиных росписей, и в соответствии с ней мы изготовили эскизы форм свиных морпехов в трёх вариантах — офицерском, сержантском и солдатском.

Благодаря нашему соученику, выходцу из новгородских деревень, славному Борису Михалёву, хорошо знакомому со свиноводством, мы нашли способ воплощения художественной идеи. От него мы узнали, что свиные особи любят, когда их чешут, да и не только свины, а вообще все зверюги. Если по добром почесать бочок хрюшки, то она, млея от удовольствия, уляжется перед вами на травку с позволением продолжить её кайф. Этой особенностью в нашей нелёгкой работе по росписи живых объектов мы и воспользовались.

Бригада по превращению простых чушек в хрюш-ных морпехов состояла из трёх человек: чесальщика,

художника-живописца и ассистента — помощника по всяческим необходимым. Чесальщик, понятное дело, во время росписи хрюшки почёсывал ей самые приятные места, художник тем временем расписывал и разрисовывал тулово щетинными кистями, что, кстати, ей очень нравилось, и она отвечала на эти действия благодарным похрюкиванием. Ассистент-помоганец ускорял процесс преобразования обыкновенной хавроньи в мужественного морского пехотинца, выдавливая на палитры нужные краски из тюбиков, и менял кисти живописцу, подавая их ему уже с краскою. За день к нам на участок из свинарника проникало от восьми до двенадцати беглецов, но обработать и выпустить на улицы Юкков мы успевали не более шести-семи хрюк, и то работая не покладая рук.

Теперь необходимо рассказать, каким образом удалось осуществить эту нелёгкую идею — роспись живого объекта, то есть как мы непосредственно расписывали хрюшек. Начинали с тулова, которое «одевали» в тельняшку — вычерчивали щетинными кистями кобальтовые полосы. По центру свиных боков, с двух сторон, рисовались красным кадмием или краплаком пятиконечные звёзды, иногда мы переворачивали их острым концом вниз. Морда, естественно, кроме пяточка, красилась оранжевым кадмием. Стронциановой жёлтой окрашивали свиные уши. Офицерским хрюхам на передних лопатках рисовались примитивные погоны простой охрой. Хвостик покрывался либо красным кадмием, либо краплаком.

Если удавалось, то на верхней части лба рисовался синий кружок ультрамарином, а вокруг глаз синие круги. В результате получалась красивая, яростно-яркая, живая, визжащая, хрюкающая игрушка.

Когда мы выпустили свои художественные объекты на улицы Юкков, пешеходный народец поначалу балдел, распахивая глаза на невидаль, не понимая, что это такое бежит-визжит-хрюкает перед ним, что за чудо-юдо-рыба-кит. Какие-то огромные заводные игрушки, но почему они хрюкают, чёрт побрал!! Ба! Да это же свиньи! Рыла-то у них свиные, да хвосты закручены. Вот это да! Ёлы-палы-бадалы! Что же такое происходит, цирк к нам в Юкки приехал, что ли?.. И хохотали до упаду. Буквально за несколько минут все жители Юкков сбежались на нашу улицу и стали зырить на парад свиных морпехов, писая от хохота. На другой день к вечеру, когда мы возвращались с этюдов, вооружённые ящичками с красками и рисовальными блокнотами, к нам на дачу Исаака Бродского ворвался поддатый директор свиного совхоза — крупный мужик с красным лицом, живописного вида, и отборным матом начал крыть наше малярное отродье, измазавшее его замечательных свинок, с угрозой сдать нас всех в легавку. Мы остановились против него около столовки и стали с интересом слушать рулады про наших матерей, бабушек и прабабушек. Надо честно сказать, ругался он очень талантливо, видать, имел хорошую школу по этому языку и частенько пользовался нецензурщиной в своём

совхозе. Мы интуицией художников почувствовали, что должны каким-то образом защититься от этого бухого матерщинника, и, словно по сговору открыв свои альбомы для рисования, начали записывать его скабрёзные матюги, прося повторить некоторые выражения ещё раз. Он вдруг замолчал, почувствовав что-то неладное, какую-то с нашей стороны хитрость или подвох. Затем грубо закричал на нас:

— Что это вы, падлы, устраиваете такое, зачем записываете, чего задумали, а?

— Да ничего особенного, просто вы ругаетесь красиво, первый раз в своей жизни слышим такое, хотим запомнить, вот и всё.

Он поперхнулся, зло измерил нас глазами, затем плюнул на землю в нашу сторону и отбыл восвояси.

После его ухода наша бравая орава сэхэшатикиков, чуток подумав, припугнулась содеянному. За звёзды и значки ГТО, рисованные на боках свиней, нас, дурачков-несмышлёнышей, запросто могли замести с клеймом антисоветчиков в самый суровый колонтай* на всю житуху. Но странно, что хозяин совхоза совсем не упомянул о характере росписи. С чего бы это? Действительно странно!

А оказалось, что его замечательные хрюшки нашу живопись свежими масляными красками на своих телесах быстро попортили, превратив её в цветную мазню. Затем окончательно смазался рисунок

---

* То есть в исправительную колонию.

в мешках, когда работяги, засунув в них родненьких, волоком волокли в родной совхоз. Жители и дачники Юкков, бывшие свидетелями наших художеств с чушками, по непонятным причинам также не донесли на нас в советские соответствующие инстанции, хотя наблюдали на улицах ярко расписанных хрюшек. Пьяный директор своими налитыми глазами видел на чушках просто мазню. Нам сильно повезло, слава богу, всё обошлось в тот раз благополучно. И нашествия на Юкки бодрых радостных нелегалов навсегда прекратились.

Шёл 1952 год. Стояло хорошее тёплое лето. В клубе-столовке после встречи с краснорожим директором свинарника нас ждал вкусный ужин. С торцевой стены столовки, с копии портрета работы Исаака Бродского на нас смотрел с добрым прищуром Великий Кормчий Иосиф Виссарионович Сталин в шикарном френче защитного цвета.

СУПОСТАТ ОКАЯНТОВЫЙ

По фамилии он был Андреевым, а звали его Колей, но среди нас, сэхэшатики, Колею он ни разу не назывался, а именовался всегда Андрюхой и только. Андрюха, Андрюха Рваное Ухо. Действительно, мочка его правого уха была надорвана или надкушена, по какому такому случаю — неизвестно. Да он сам никогда не признавался нам, даже если мы его сильно теребили. Жил Коля-Андрюха в нашей школьной общаге, в угловом доме Четвёртой линии и Большого проспекта, а учиться к нам в Питер приехал из города Чернигова, что в северной Украине, но считался вроде русским парнишею, да и «по мове» почти не разумел. По части рисовальной и живописной подавал большие надежды. Цвет чувствовал абсолютно, борзо рисовал и лихо писал этюды с натуры. Рисовальные учителя про него говорили: «Вот со временем остепенится, тогда может стать неплохим художником». Но насчёт остепенения у Андрюхи ничего не получалось. Постоянное хулиганское состояние для него было абсолютно естественно. Он каждый день непременно должен был свершать хотя бы малый, но обязательно отвратительно-непотребный подвиг, иначе жизнь была для него не жизнь, а копейка.

В отличие от нас, послевоенных дистрофиков, по классу он гарцевал откормленным богатырём. Ему в те тощие годы из Черниговщины еженедельно присылали поездом обильные продовольственные посылки. Две трети которых он поглощал сам, а остальное распределял среди общежитских сэхэшатиков. Сородичи Андрюхи генеральствовали над каким-то огромным совхозом в тех краях. От знатного питания Андрюха был здоров телом и ростом — не то что мы, шмакодявки. И вырасти обещал каланчой. Уже в ту, пацанью пору, встав на цыпки, доставал своей физией до вьюшки, то есть до дымоходного отверстия в стене, оставшегося от царских времён, куда мы «жаловались» на жизнь своему сэхэшатскому Лакобараке, легендарному покровителю школяров, на причиняемые нам учителями «антиками» обиды.

К занятиям по искусству относился чрезвычайно серьёзно. Рисунок и живопись никогда не мотал. Композиции сочинял и рисовал весьма странные и неожиданные, иной раз на грани скандала, но обязательно талантливые и интересные по цвету. И вообще, типом считался даровитым во многих проявлениях: хорошо лепил, столярничал, слесарил, изобретал всякие всячины, большей частью для непотребных дел. Собрал коллекцию старинных ключей, которые, обработав, приспособил для открывания всех академических дверей, в том числе и чердачных, где замки стояли ещё дедовские, дореволюционные.

В безобразиях своих был крайне изобретателен, как и в композициях. На заданную нашим преподавателем Виктором Васильевичем Лебедевым тему «семья» изобразил шествие многодетной семьи по горбатому питерскому мосту очень выразительно. Семья состояла из матушки — беременной тётеньки на последнем месяце, её мужа — толстого, пузатого, краснолицего мужика с усами а-ля Сталин и авоськой апельсинов в руке, и их четверых детей мал мала меньше. У некоторых мальков тоже торчали животики толстеньких поросёнок. Эти беременные толстячки всем гуртом бодро шествовали по беременному мосту.

В любой Андрюхиной композиции, какие бы нам темы ни задавали, обязательно присутствовала беременная тётенька — первым планом ли, фоном ли, но непременно где-то торчала, неважно в городских или деревенских эскизах.

А помогателем своих «злодеяний» Андрюха взял знаменитого в те пятидесятые годы в нашей рисовальной бурсе парю Хазова. С ним вместе, вернее при его участии, совершались самые нашумевшие негодяйства Андрюхи. Что стоило только происшедшее из-за него деяние, получившее впоследствии громкое название — «Кто плюнул на череп директора?». Буквально накануне этого события Андрюха сбросил лом в пролёт внутренней лестницы, куда выходили туалеты, — с чердачного прохода прямо вниз, на кафельный пол. Лом произвёл жутко-кромешные звуки

и к тому же много чего побил по дороге. Причиной такого злодеяния был чисто «музыкальный» интерес — звучание лома, падающего в пролёт лестницы.

Школьная уборщица, старая Дуся, сообщила директору школы, что кто-то из нашего класса свершил такую гадость. Весь класс на другой день с первого урока сняли с занятий и вызвали в кабинет директора Гвоздя — так его прозывала вся школа за фронтальную контузию. Он каждые шесть — семь минут стучал ладонью по своему черепу, — вбивал себя.

Директор Гвоздь, участник Великой Отечественной войны, орденосец, контуженный в бою человек, выстроил нас на паркете тремя шеренгами и, сидя за столом в своём кресле, три с половиной часа пытался узнать, кто из класса свершил такую пакость. Но мы не сдались и не выдали своих супостатов, как в дальнейшем обзывала уборщица Муся Андрюху и Хазова. От долгого стояния без переменок мы офигели и сильно обиделись на Гвоздя. В правом углу кабинета, по диагонали к его столу, на круглом пьедестале-колонке красного дерева, прикрытый нашими торчащими фигурами, красовался натуральный мужской череп — Гвоздь преподавал рисунок. Так вот, через целых три часа стояния по соседству с черепом Андрюха не выдержал испытания и плюнул, точнее заметно харкнул на его темечко. Такое рискованное негодяйство Андрюхи мы все видели и, как только директор Гвоздь отпустил нас, мгновенно смылись из школы, с глаз долой.

Утром притопали чуток ранее — наши занятия начинались с 10.30, со второй пары. Школьная пацанва предупредила всех ещё на академической лестнице, что Гвоздь ждёт наш класс со свирепым нетерпением. Необходимо срочно что-то предпринимать. Мы свистнули школьную сходку в живописной мастерской на нашем чердаке. На неё собрали всех «отпетых» детишек моста Лейтенанта Шмидта и совместно придумали помощь Гвоздю в поисках негодяя, который осмелился плюнуть на череп директора. Тут же в мастерской изготовили десяток плакатов в пол-листа ватмана с набитым на нём по трафарету портретом Гвоздя (у нас он был отработан сдавна), похожим на кабинетный череп, естественно с плевком и текстом, написанным чёрной тушью: «Кто плюнул на череп директора?» Эти плакаты мгновенно разнесли по коридорам, лестницам, туалетах, по всем людным местам школы. Один из них прикрепили кнопкой к двери ненавистой старой змеи Замбры (она же Кобра), завуча по общеобразоваловке. Наши подельники во всех параллельных классах по сговору в течение урока нарисовали ещё два десятка таких же плакатов меньшего размера, и в перемену все классы школы, все мастерские были украшены ими. Злая Кобра-Замбра в немецких очках носилась по школе, сдёргивая плакаты со стен, а они снова появлялись и появлялись.

Перед каждым уроком во всех классах СХШ старосты, извинившись перед учителями, обращались к «пастве» с вопросительной речью:

— Кто из нас позволил себе плюнуть на череп директора? Признавайтесь! Мы обязаны обнаружить негодяя, совершившего такую пакость — плевков на череп нашего уважаемого директора прямо в его кабинете.

По коридорам ходили толпы возбуждённых сэ-хэшатиков разного возраста, хватали друг дружку за грудки и трясли с громким вопросом:

— Ты плюнул на череп директора? А? Признайся, гадёныш!

В первый день вся школа занималась только этим спектаклем, публично и громко выясняя, кто плюнул на череп директора. Гвоздь понял, что школяры обошли его, и вызвал к себе в кабинет только одного нашего старосту Олега Осипова, отпетого прощелыгу и фантастического заику. Олег так сильно разволновался в кабинете директора, что тот не смог понять ни одного слова, хотя беседовал с Осиповым целый час. Рассвирепев, Гвоздь выгнал его из кабинета. После чего достал из шкафа армянский трехзвёздочный коньяк, который всегда держал для профилактики нервишек, налил рюмаху, выпил и успокоился.

Одним из главных подвигов нашего Андрюхи и его помощника Хазова была знаменитая «сортирная» эпопея, которую они совместно блистательно провели после зимних каникул 1952 года.

Чем объяснить Андрюхино негодяйство, сказать трудно. Школьное пацанье считало, что всё просто — отец и дед Андрюхи во время войны партизанили на

территории северной Украины и Белоруссии, а их сын-внук, естественно, продолжает дело отцов, только на нашей питерской территории, в старинной Российской академии художеств.

Андрюха был неуёмен во всём. Его стихийное начало бунтаря не подчинялось никаким правилам или законам. Он родился неуправляемым, хотя им пытались управлять. Если бы этот природный анархист, этот Стенька Разин остановился в своих неуёмных фантазиях, то действительно мог бы стать незаурядным художником...

Его легендарная сортирно-потолочная диверсия происходила накануне смерти великого вождя народов товарища Сталина, то есть в феврале 1953 года. А тщательно готовились они к ней совместно с Хазовым с января. Бóльшая часть сортиров в академии располагалась так, что попадали в них из главного коридора, где находились мастерские, и, пройдя насквозь, оказывались на черновой рабочей лестнице, по которой нетрудно спуститься во двор или подняться на чердак. Вот такая интересная и удобная особенность архитектурного устройства нашей академии существовала для Андрюхиных негодяйств. А так как он был царём и богом всех чердаков и подвалов академии благодаря ключам и отмычкам от огромных дверных замков, ему не составляло труда держать специальный реквизит поблизости от мест своих непотребств, то есть сортиров. Итак, с середины февраля 1953 года на потолках разных туалетов

почти всех этажей старинной Академии художеств стали появляться какашки. Да-да, именно какашки, прилепленные к потолку. Прямо чёрт-те что, безобразная невидаль, какая-то несусветная фантастика. Причём каждый день метились всё новые и новые потолки отхожих мест академии.

Среди техработников администрации института и школы возникла паника. Каждый день в академии происходили совещания, на которых важные и неважные институтские начальники пытались разгадать, как всё это возможно сотворить и какая сатана эти ужасы проделывает, но так и не смогли понять. Пытались организовать дежурство в туалетах, но сидеть в них весь день невозможно, да и народу на такую работу не найти.

На самом же деле происходило всё очень просто. Какашку поднимала на потолок упрощённая Андрюхой донельзя катапульта, то есть обычная доска, положенная на старинный кирпич с академических чердаков. На одну сторону доски талантливые серуны Андрюха и Хазов (его всегда называли просто Хазов) выкладывали из себя какашку, а по другой стороне доски Андрюха ловко ударял ногой. Чтобы не запачкать доску, под экскремент подкладывали вырванный из тетрадки листок бумаги или кусок газеты. Во время полёта или после бумажка отлипала от заряда и падала на пол.

Так вот эти, извините, говнопульты Андрюха держал либо на чердаках, либо в подвалах, поблизости

от туалетов. Все чердаки и подвалы по черновым лестницам были ими снабжены. Таких аппаратов у Андриюхи было более десяти штук.

Эти безобразные потолочные извержения прекратились со смертью Великого Кормчего. Потомок североукраинских партизан решил уважить память вождя народов, главного победителя фашистов.

Последним прощальным подвигом Андриюхи на этом свете было его участие в гусеборстве на родине, в Черниговщине, во время летних каникул. Охота на гуся в сельском пруду — местная древняя молодецкая забава. Компания подгулявших молодых парней поначалу разыгрывает плавающего в пруду гуся в карты. Чей гусак, неважно, главное, кто его выиграет. Выигравший должен поймать гуся в воде и свернуть ему шею. За это он становится обладателем птицы, а компания парубков оплачивает стоимость утраты хозяевам и в честь победителя устраивает пир на всё село с приглашением всех страждущих. Вот такая языческая забава существовала на партизанской родине Коли Андреева.

Поймать гуся в воде и свернуть ему руками шею безумно трудно. Надо быть чрезвычайно сильным и ловким мужиком, кроме того, отлично плавать, нырять и иметь хорошую реакцию. Забава эта обычно происходила вечером при косых лучах солнца. Гусеборец втихую подныривал под гуся и неожиданно для него хватал за обе лапы, скрещивая их и одновременно притапливая птицу. Притопив, перехватывал

скрещенные лапы одной рукой, другой хватал гуся за шею и «вязал» её с лапами, придушивая добычу. Успех борьбы с гусём — в неожиданности и краткости охоты. Всё должно произойти в секунды, чтобы гусь не успел очухаться. Справиться с такой мощной птицей, да ещё в воде, может только редкий, хваткий силач.

Весёлая сельская компания втянула нашего сэхэшовского подельника в такую рискованную игру, и она оказалась последней в его жизни. Прикончился он в бою с гусём, то есть утонул. Пацаном он слыл сильным, но недопечённым ещё окончательно, да и, как донесли слухи с его родины, основательно поддал перед боем. Гусь затащил его под корягу, где Андрюха застрял и не смог выплыть. Хмельная ватага парней спохватилась поздно. Его вытащили из-под топляка, но откачать не смогли. Таким нелепым образом ушёл от нас великий сэхэшовский безобразник, талантливый неуёмный анархист Колька Андреев.

Первого сентября 1953 года, в первый день занятий, главная сэхэшовская уборщица, старая Муся, или попросту швабра Муся, услышав о нелепой Андрюхиной смерти, поначалу не поверила, что наш школьный красавец-богатырь уже не вернётся к нам хулиганить. А через неделю, поверив, стала причитывать по нему:

— Царство Небесное супостату окаянтовому, пусть земля ему будет пухом.

НАСЛЕДНИК ПОТРЯСОВАТЕЛЯ

Наш одноклассник по СХШ, великий Хазов — типичная жертва системы *«вышли мы все из народа»*. В те послевоенные годы кремлёвские наставники приказали всем начальственным органам в разных местах нашей необъятной Родины искать и находить среди народа «самоцветы» — молодые природные таланты. Хватать их под микитки и везти в большие города на обучение разным видам искусства, в том числе живописно-рисовальным. Сказано-приказано — и пошёл шурум-бурум по городам и весям Эссэсэрии.

Стали искать-шуровать и нашли нашего Емелю Хазова в глухой предуральской деревушке, совершенно неожиданно. По случаю доноса местных деревенских старух в районный центр о появившемся у них в деревне борзом красителе, который чертит-малюет где придётся-попадётся пьянских отродий сатаны. Чертит их прямо на земле палкой, углём на заборах, малярными красками на ставнях, домах, сараях. Всю деревню в срам одел. Черти его сильно похожи на настоящих, с рогами, бородами, копытами, зубами, хвостами — на всех смотрящих крещёных прямо страх наводят. Родители Емели Хазова, малевальщика нечисти, в постоянной пьянской болезни

находятся и помощи в борьбе с чертописцем от них никакой не дождёшься, а мужики в деревне все выветрились или от зелёного змия пропали. Одним нам, старухам, с ним не справиться. Оттого просим власти забрать меньшего Хазова куда полагается в город и переучить его с чёртописца на ангелописца для всеобщей пользы. А сам он, парниша Емеля, природой даренный, но зело заморочен, а родители же его сторгят скоро от сивухи — недолго им осталось. Он, почитай, и сегодня уже сирота круглая.

Как раз в ту пору райкомовское начальство получило запрос от областного генеральства об имеющихся в их районе молодых талантах. Письмо старух попало прямо в нужные руки, и всё вдруг пошло-поехало. Районная управа приказала сельсоветовской срочно доставить в райком рисовального смутьяна на чём придётся, для государственной необходимости. Транспорта в их деревне никакого давно не водилось, кроме одной старой лошадины. И пришлось самой крепкой старухе Федосихе на этой кляче и единственной оставшейся от отошедших мужиков древней телеге доставлять младшего Хазова в районную столицу.

В райкоме ему устроили настоящий экзамен — заставили на людях «от себя» рисовать ангела. Емеля ангелов не знал, а начертил чёрта с крыльями, но так ловко и выразительно, что культурные начальники определили его рисование лихим прегрешением. Он рисовал привезённым с собой берёзовым углём

впервой — на белой, выданной ему, казённой бумаге. Главный оценщик, рисовальный учитель из местной школы, определил в Хазове талант, и решено было отправить его с направлением от пензенского обкома партии в Среднюю художественную школу города Ленинграда при самом Институте имени Репина Академии художеств, переучиваться в ангелописца. Таким образом, мы, сэхэшатики, получили из дебрей Пензенской области ставшего со временем знаменитым Емельяна Хазова.

Интересно, что Емеля впервые познакомился с железной дорогой, паровозом и поездом в областном центре и поначалу страшенно испугался. Его пришлось силком усаживать в вагон и просить сопровождающего учителя рисования следить за ним, чтоб не сбежал.

Ещё одна особенность прославила у нас Хазова. Он в своей деревне не имел дела с деньгами, то есть поначалу не понимал, что такое деньги. Но когда понял их ценность и силу, уже будучи в Питере, страшно пристрастился к ним и был готов сделать всё что угодно ради них. Этим его качеством озорники-сэхэшатики пользовались нещадно. Составили даже особое меню с расценками на непотребства, которые можно было проделывать с ним. Например, за съедение собственной козявки Хазову полагалось десять копеек, за проглоченную соплю — двадцать копеек. Самое дорогое злодеяние, с согласия хозяина производимое школярами, — выливание ему за шкварник чернил

прямо на уроках. Безобразник, сидя за спиной наследника Лакобараки, через плечо спокойно протягивал ему один рубль (в местной институтской столовке на рубль можно было два раза поесть) и не спеша, оттянув воротник рубахи, выливал на его спину целую чернильницу.

Жил Хазов, естественно, в нашем общежитии на Четвёртой линии Васильевского острова с двумя иногородними сэхэшатиками. Под своей кроватью он устроил хранилище незнакомых в деревенском детстве всяческих механических фиговин, набранных им прямо на улицах, во дворах, на помойках. Чего только не встречалось среди его «богатства»: детали отработанных и негодных приборов, остатки разорённых старых радиоприёмников, кучи разнокалиберных болтов, гаек, винтиков, брошенные аккумуляторы, мотки всяческой проволоки, и прочее, и прочее. Для него все такие штуки были ценностями, он их раньше не знал не ведал, а сейчас отмывал, перебирал, изучал.

В городе Емельян с восторгом познакомился с пассажирским транспортом — трамваями, троллейбусами и прочими городскими дарами цивилизации, и от глубокого впечатления явно поехал головкою. Особенно поразил его троллейбус. Он даже пробовал ему подражать. Вставал на мостовой под провода, вытягивал прямо вверх свои тощие ручонки, головку выпячивал вперёд и, производя временами странное гудение, подражая троллейбусу, «ехал» по

улице. В классе, выходя к доске, двигался паровозом, вращая правым плечом, пыхтел «чух-чух-чух» и по-свистывал. После окончательного познания его как незаурядного явления природы хор сэхэшатиков, детей моста Лейтенанта Шмидта, присвоил ему почётный титул «наследника нашего Лакобараки на земле, в воде и небе». Лакобарака — великий потрясатель рода человеческого в шапке земли Греческой, вождь, учитель и покровитель сэхэшатиков. И вскоре на стенах старых домов, на заборах и даже на движущихся трамваях появились написанные мелом лозунги: «Да здравствует великий Хазов, наместник Лакобараки на земле!»

Через год он более-менее освоился и стал вроде городского, но со своими странностями, конечно. Действительно, слава Емельяна Хазова росла не по дням, а по часам.

На первое своё лето он не поехал на родину, остался в Питере. Шастал по Васиному острову без особого дела, изредка рисуя пьяниц, бродяг-шатунов, как их в ту пору обзывали. Устроился подрабатывать санитарным братом в больницу имени Ленина, что на Большом проспекте Васильевского острова, и там стал рисовать умерших старух и стариков в морге. За что в конце концов его погнали оттуда с треском как чокнутого.

Осенью, после каникул, мы увидели нашего великого Хазова в новом наряде — тельнике и поношенном бушлате. Оказалось, он познакомился поначалу

с речными моряками на набережной Лейтенанта Шмидта, а затем подружился и с морскими волками питерского морского порта. И стал бредить морем. На все наши уговоры не шастать в морской порт он упрямо твердил, что не желает быть художником, а хочет стать юнгом на морском корабле. Из СХШ уйдёт и поступит в школу юнг. Но таковой в Питере в ту пору не оказалось, и он бежал от нас.

Долго мы не знали, куда он смылся. Начальство школы делало запросы по разным городам, но ответы приходили отрицательные. Наконец по нашей наводке послали запросы в портовые города, где были школы юнг, и к весне обнаружили следы Хазова в знаменитом морском городе — Одессе. Он действительно учился в школе юнг. С тех пор его поминали, отплывшего от нас, сэхэшатиков, детей моста Лейтенанта Шмидта, как предателя заветов великого Лакобараки, полосатика Емельяна Хазова, так и не ставшего ангелописцем.

ПОДМОСТКИ ЖИЗНИ

ПОЛИТРУК ПЕТРОГРАДСКОЙ СТОРОНЫ

Шарабобик – памятный алкаш начала шестидесятых годов прошлого века с Городского острова* нашего Питера. Человечек малого роста и худобы такой, что сильный ветер сдувал его с тротуара. Сидел он истуканом на разных углах малых улиц вокруг Сытного рынка Петроградки, вперившись зенками в одну и ту же точку перед собой. На проезд редких в ту пору машин мычал вслед: «Му-у-у-у, му-у-у-у». Почему его обзывали Шарабобик – местная загадка. Возможно, потому, что на проходящих мимо него собак он лаял – гав, гав! Но они не обращали никакого внимания на него.

В нашей островной географии он, Шарабобик, являлся первым политурищиком и в шестидесятые годы имел уже значительный стаж этого чрезвычайно смелого занятия. Да что там говорить, Шарабобик – один из пионеров всего Питера по употреблению знаменательной жидкости – политуры, с древних времён используемой в столярном деле.

К середине шестидесятых годов наш пионер настолько забурел, что превратился в красновато-

---

* Городской остров – одно из исторических названий Петроградского острова в Санкт-Петербурге.

коричневую мумию, похожую на египетские экспонаты Эрмитажа. Жильцы Петроградской стороны величали его политруком-краснодеревщиком. Спиртовую политуру, шерлак, использовали мастера-краснодеревщики для реставрации мебели красного дерева.

Технику извлечения из шерлака «жидкости сатаны» Шарабобик освоил с фэзэушного обучения на сверлильщика. Производил красновато-бурую суспензию прямо на панели. Вытаскивал из ватника поллитровку шерлака и тогдашнюю стеклянную трёхсотграммовую бутылку из-под молока с широким горлышком и переливал в неё политуру. Затем вынимал из внутреннего кармана круглую, сантиметров сорок длиной, палку, обматывал её конец марлей, вставлял этот нехитрый инструмент в малую бутылку и крутил его ладонями туда-сюда, наматывая на марлю лак, очищая таким образом родненькую жидкость от излишеств. Шарабобик отличался от классических алкашей абсолютным спокойствием, непроницаемостью и миролюбием — казалось, что он очень доволен жизнью, за что местные прохожие иногда бросали ему на панель мелочовку или оставляли шмат хлеба с дешёвой чайной колбасой за 1 рубль 90 копеек. В благодарность за вспомоществование он сидя раскачивался справа налево, повторяя: «Ба-ба-бо».

Но никто никогда не видел, чтобы он что-то ел. Его бутерброды склёвывали голуби. Жалостливые петроградские тётеньки пытались почему-то

устроить его в дурдом, что на Пятой линии Васильевского острова, но там им категорически отказывали, говоря, что он «не наш» — в его мозгах уже нечему «сходить с ума». Из местных жильцов никто не заметил, когда и куда исчез с наших петроградских углов «политрук» Шарабобик.

ЦАРСКИЙ УЖИН

Питерские бывания

Случай такой произошёл под стенами Петропавловской крепости, против императорского Арсенала, на берегу Заячьего протока, как жильцы Городского острова в пятидесятые годы именовали нынешний Кронверкский пролив. В ту пору Музея артиллерии в Арсенале ещё не водилось. Проезжая часть по берегу протока, как ныне, напрочь отсутствовала. Места сии считались захолустными, хотя и находились в абсолютном центре города. В ту пору под стенами крепости на берегу протока, ближе к Иоанновскому мосту, нелепо торчал четырёхэтажный коммунальный дом, оставшийся от прошлых времён, с ободранной войной штукатуркой, лишённый какой-либо архитектуры. Торчал он как бельмо на глазу, как абракадабра, на фоне трезиниевского шедевра, возникший по недосмотру или наглости кого-то в неизвестные времена. Обитали в нём опущенные питерские людишки — шантрапаи, как обзывали их на Петроградке.

Весь берег вдоль стен Петропавловки со стороны пролива тогда был абсолютно заброшен, завален выкинутым водою топляком, порос бурьяном и

редким ивняком. На нём можно было обнаружить множество разнообразных предметов: труб, кусков металла, всяческой проволоки, вплоть до колючей, оставшейся с войны. Крепость в блокаду была военным объектом.

Теперь же в этих людных местах во все времена года устраиваются всяческие развлечения. Для желающих полюбоваться на Питер сверху можно купить билет на вертолёт, который поднимет вас над городом с площадки перед стенами Петропавловки. На другом берегу, против крепости, уже много лет действуют Музей артиллерии и популярная автотрасса, почти ежедневно забитая легковушками и туристическими автобусами. А на месте ободранного дома шантрапы высажена, всегда стриженная летом, зелёная травка.

Но вернёмся к прошлому. Обширный, протянувшийся от Иоанновского до Кронверкского моста берег под стенами крепости никому не принадлежал, то есть практически был забыт городом и оттого представлял собой удобную территорию для всякого рода расшатанных людишек. На нём, ближе к Кронверкскому мосту, почти каждый день местная петроградская шпана жгла костры, пекла картошку, жарила пойманных голубей и бражничала. На этом берегу самого знатного острова нашего Питера в один из последних июльских дней случилась наша преступная гастрономическая история, произведшая настоящий шок на жителей города.

Два плотных потёртых шатуна, по-теперешнему бомжа, со следами бахарной* житухи на опухших лицах, тёмной летней ночью притопали на этот безлюдный берег Заячьего острова. Один из них тащил на спине приличного размера мешок крепкого холста, вероятно из-под сахарного песка, с какой-то значительной поклажей. Другой за спиной имел самопальный хозяйственный сидор. По всему видно было, они торопились выбрать место для кострового сидения. А по некой возбуждённой нетерпимости чувствовалось, что бухари голодны и нуждаются в принятии очередной порции «крови сатаны», то есть водки. Наконец они остановились, выбрав окончательно место для ночного гостевания. Метрах в двухстах от дома шантрапы, недалеко от воды.

— Ну что, Петруха, осядем, пожалуй, здесь, под стенами нашей тёзки-крепости. Место, по-моему, подходящее для знатного ужина. Давай глотанём сначала по стопарю из московской бутылочки, успокоимся, не то руки трясутся от ожидания, и за дело. Я по огню, а ты по стряпушной части работай. В тюрьге своей кухарить обучался, из фигни вкусняру сотворял, а здесь у тебя товар имперский. Сшаманишь так, что вздрогнем. Ну, будем здоровы, с прибытком, подельничек!

— Чур тебя, Пашка, не торопись к бутылке грабки свои тянуть! У нас две ленинградские — на праздник,

---

* Бахарный — сильно пьющий.

остаток третьей, «Московской», — на опохмелку. Сходи лучше к воде да прикопай их в холодный песочек, чтобы они к столчанию «до слезы» созрели. Прохладная водочка сама в душу войдёт да наши утробы собой украсит. Вот так-то, Апостол!

После такого разговора и водочного успокоения один из них собрал на берегу сухого топляка, нарезал здоровенным тесаком веток ивняка и сухой травы для растопки. Другой острым обломком фановой трубы выкопал продолговатую яму под кострище. Затем днище ямы уложил крупным топляком и соорудил поверх него костровую колоду в размер лежащей рядом поклажи в мешке. Тем временем Павел из куска кровельного железа выгнул противень-латку. Связал из проволоки два крупных овала с крючками для подвески и прикрепил железо к перекладине — жаровня была готова. По краям ямы они забили в землю две рогатины и на хорошем куске катанки повесили над костром своё самопальное оборудование. Оставалось только его обжечь, что и произвели они вскоре за разговорами.

— Два месяца мы с тобой, Петруха, готовились к этому событию, по копейке гроши притыривали, бутылки таскали в пункт приёма, медь да всяческую бронзу с парадняг питерских снимали. Греха много вместе накопили, не сосчитать, но, как в народе говорят, не согрешив, не отмолишься.

— А я, Пашка, отмаливаться и не собираюсь. Я потомственный питерский босяк-шатул. Отец и мать

мои из той же породы. Отец-то у меня красиво скончался: на травке в Летнем саду под скульптуркою закемарил, свернувшись калачиком с нею рядом, и не проснулся — во как. Да я тебе её показывал, помнишь? Голая тётка с птицей вроде голубя на руке, Сладострастием называется. Так что, кентуха, на этот сад я свои права имею. И мечта моя — прикончиться потцовски, так же красиво.

— Вишь, у тебя уже всё решено, а я о таком и не думаю. Где мой батя закопан, не знаю — государство хоронило. Я в ту пору в штрафбате тарабанил, провинным оказался. А матушку выслали из Питера за свободное житие на 101-й километр, там она и сгинула. Вернулся в город с армейских подвигов — ни кола ни двора, крыша — ку-ку — пропала. Комнатку в коммуналке, нашу с матерью, ловкачи обули. Пристроился к сердобольной тётеньке на время, потом к другой — так и ходил по ним, пока все не прогнали. С тех пор гопник натуральный, как и ты. Ты только старее меня да опытнее. Со мною из удобства повязался — вдвоём харчи добывать легче. В тюряге ты ведь стряпухою служил, готовку освоил, тебе и картишки в руки. А я, Петро, как бабок в Питере посибаю, так рвану на Вологодчину, к деду своему. С ним самогон гнать начну да на хрене настаивать.

— Ты уже много лет на своём Севере самогон варить обещаешь, да всё врёшь да врёшь. Ну ладно, Апостол, что-то мы с тобой сильно заговорились. Про дело праведное забыли. С вранья-то сыт не будешь.

Мечту нашу сказочную осуществлять пора. Не зря же мы такими тяжёлыми трудами да хитростями добывали её.

— Ваше босяцкое величество, свет Пётр, распечатайте, пожалуйста, «лебединый» мешок. Достать и разделать царскую птицу смогут только твои императорские грабки. Должны же мы, гопники, хотя бы в сегодняшнюю летнюю ночь почувствовать высоту лебединого вкуса, оценить своим нутром его знатное происхождение. Ты же теперь, Петруха, царь Пётр и угощаться будешь по-царски. А я вслед за тобой с боярского стола свой кусок отхвачу и чуток тоже поцарю. Не всё же нам требуху хавать, мой господин, босяк свет Пётр-царь. За дело! Вот тебе твой заточенный тесак. Бери, действуй!

— По первости, Пашуха, обжечь его необходимо. Пёрышки лучше чтоб обгорели. Над огнём покрутим красавца. Вон, смотри, топлячок широконыйкий — прямо доска разделочная, давай её сюда! Да нашу птичку-величку клади на неё. Вот так! Вскроем ему поначалу тесачком животяру да всю требуху из него вон вынем. Рыбкам отдадим на пропитание. Торопиться некуда. Смотри, Паша, какая аппетитная печёночка. Тесачком орудовать осторожно придётся, с любовью. Сердце вынуть аккуратненько — в нём сила лебединая. Паша, достань-ка из сидора сковородочку нашу с крышкой — помнишь, у ресторанного поваришки с Большого проспекта сменяли на стопку водки? В ней сердце с печенью под парком отдельно приготовим.

Из сидора банку с солью возьми, оттуда же головку чеснока, нашпиговать его для полного вкуса полагается. Вынь кулёчек с чёрным перцем да буханку хлеба заодно. У нас с тобою всякого нета — запасено с лета. Тесачок ты, Паша, знатно наточил, молодец, такой товар разделявать приятно с уважением. Это тебе не хрю-махрю, а истинный аристократ из царского сада.

— Да, ловко ты его, Петруха, удушкой сдавил. Он и крякнуть не поспел, только крыльями попрощался. Где такому хитрому приёму обучился?

— В зоне с голодухи, брат ты мой Пашуха, всему научишься. Главное, инструмент иметь исправный, вишь, шнур шёлковый как сработал, не подвёл. А остальное — практика.

— Вон, глянь, Апостол, дело пошло, чувствуешь, какой запах боярский поднимается? Более, Паша, не подбрасывай, и так огонь с латкой в обнимку. Пекло незачем устраивать. Царский товар нежный, и готовить его на ласковом огне надобно. Давай-ка лучше перевернём нашу драгоценность. Возьми тесак свой да вилку, ты со своей стороны, я с другой. Осторожно только. Смотри, как с противня жир сливается! Берегись, обожжёт! Минут через двадцать спечётся окончательно. Кутёж райский начнём. То, что не съедим сегодня, с собой заберём. Я в лавке специальную бумагу поднадыбал, для заворачивания всего жирного, упакуем в неё да в сидр. В аккурат нам на три дня хватит. А теперь давай латку на угольки опустим — пускай мечта жизни на жару без огня дойдёт.

— Всё, апостол Павел, готовь стопки, хлеб, расстели скатерть-газетку, «Правду ленинградскую». В сковородишке всё спеклось давно. С лебединого сердца закусь начнём. Тащи бутылъ с воды, пора, терпенья уже нет. До света пир должны прикончить. Плесни, Апостол, по полной, да хлеб покрой шматом лебедятины. Опосля сердца с печёнкой новую дозу водки им закусим. Ну, вздымай стопарь, подельничек. За обоих апостолов, а лучше — за императора Петра и апостола Павла под стенами Петропавловки! Виват, братан!

И через малое время на берегу Заячьего протока раздались стоны восторга. Два босяка почти в полной темноте с жадностью поглощали царского лебедя, запивая его порциями дешёвой ленинградской водки. По первости, захлёбываясь наслаждением, они не могли ничего даже сказать друг другу. Уговорив одну бутылъ водки, не останавливаясь, принялись за вторую. Дойдя до её середины, почувствовали полное земное счастье и оттого несколько обмякли.

Для них земля перед крепостью постепенно превращалась в рай. Так прекрасно они никогда в жизни не «гудели» и ни в каких снах так сладко не закусывали. После двух бутылей Пётр почувствовал себя действительным императором, а Павел — настоящим апостолом. Остатки третьей бутылки вырубали их окончательно из нашего бренного мира и погрузили в нирвану.

По раннему утру обнаружил родненьких петроградский собачник, прогуливающий свою сучку вдоль

протока. По окружающим уликам вокруг спящих головами на лебедином мешке, засыпанном перьями, почувствовал что-то неладное и, вернувшись домой, вызвал милицию. Она-то и разбудила наших двух «апостолов». Пётр, разжав буркалы и сообразив обстановку, растолкал своего подельника, прохрипев ему:

— Вот тебе, дяденька, и царский стол. Всё вышло наизворот, кентяра, не жизнь у нас, а сплошные «кули-мули».

АПРЕЛЬСКАЯ ИСТОРИЯ

Эта апрельская история произошла со мной совершенно неожиданно. Встрял я в неё без особого желания, в силу независимых от меня обстоятельств. Главной причиной стала нелётная погода на нашем Северо-Западе. В этом месяце надежды на весну у нас зачастую увядают. Зима побеждает её, и снова мечты питерцев о тепле отодвигаются. Так случилось и в 1961 году.

Мне, художнику, двенадцатого апреля в восемь утра в старом питерском цирке надлежало смонтировать собственное оформление Международного циркового представления «Все флаги в гости к нам». В нашем городе впервые после войны должны были состояться выступления цирковых групп из дружественных нам стран народной демократии. Десятого апреля во Львовском театре Прикарпатского военного округа (был такой в ту пору) в моих декорациях отыграли премьеру спектакля по пьесе А. Штейна «Океан». Днём, одиннадцатого, я вылетел из Львова в Питер, но самолёт мой к вечеру внезапно приземлился в Москве из-за страшной бури в Северо-Западном регионе. Аэропорт Пулково при такой опасной погоде не принимал ни одного борта. Таким

неожиданным образом я вечером одиннадцатого апреля оказался в Шереметьеве без какой-либо надежды попасть в питерский цирк, что, сами понимаете, чревато было для меня огромными неприятностями. Первая монтировка оформления без художника практически невозможна. Что делать, как быть? Этот извечный российский вопрос встал передо мной со всей серьёзностью.

Поначалу необходимо было узнать, нет ли какого-либо специального самолёта, летающего в Питер из Москвы в любую погоду, и постараться попасть на него. Мне пришлось шарить по аэропорту, трясти служилых людишек, но никто ничего путного про спецборта не знал. Все с уверенностью говорили: полетит что-либо в Пулково только утром двенадцатого апреля. С отчаяния и припуга проникнув на территорию аэродрома, я там наткнулся на работяг-грузчиков, возивших в автокарах странный багаж — мешки плотного тёмного ревентуха*, из аэропорта в стоявший поодаль винтовой двухмоторный Ил-14. Я спросил их: «Он что у вас, сегодня ночью полетит в Питер?» Они спокойно ответили мне: «Полетит обязательно, он каждую ночь летает, в любую погоду — гранки центральных газет возит». Гранки в ту пору из Москвы ещё переправлялись в главные города страны самолётами**. Ил-14 был оборудован

---

* Грубая льняная ткань, парусина.

** Гранками назывался металлический типографский набор, с которого осуществлялась печать.

специальными устройствами для полётов в любых погодных условиях. «А как на него попасть, вы не знаете?» — «Попасть на него невозможно, он под специальной охраной, и никто, кроме лётных людей, на нём никогда не летал.

В своих метаниях по аэропорту я наткнулся на молоджавого капитана 1-го ранга с толстым портфелем. Он также искал возможность срочно попасть в Питер по своим военно-морским надобностям. Из каких-то других источников капитан 1-го ранга знал о ночном спецрейсе и посоветовал мне не тратить время на личные просьбы — всё одно не поможет, а лучше через цирковых начальников выйти на крутых авиационных генералов с просьбой перебросить меня, художника, по международной необходимости этим спецбортом. Морские адмиралы уже занимались капитановым устройством, и он стал мне помогать.

Кроме художественного руководителя Ленгосцирка Георгия Семёновича Венецианова, никаких других начальников я не знал, оттого тут же решил позвонить ему и объяснить обстановку. Венецианов к моему звонку отнёсся чрезвычайно серьёзно и обещал сейчас же сговориться с руководством Союзгосцирка в Москве по моему поводу. Через час я снова отзвонил ему и узнал, что всё сделано — меня посадят на борт «граночного» самолёта. Просил ждать вызова к администратору.

У начальственных дверей Шереметьевского аэропорта мы с капитаном 1-го ранга простояли ещё

часа полтора. Наконец администратор назвал наши фамилии и, проверив паспорта с билетами, велел подойти к багажному отсеку, где нас встретит специальный человек. Человек, похожий на грузчика, вывел нас на аэродром и показал на два знакомых мне автокара с тёмными мешками на них, сказав, что другого транспорта этому самолёту не положено. «Пристраивайтесь прямо на мешках, и двинем до борта».

Наш одинокий самолёт стоял в стороне от пассажирских бортов. Апрель в тот год в Москве и Питере выдался холодным. Весною ещё не пахло. Ветер со снегом мешал смотреть. Несколько снегоуборочных машин очищали аэродром.

Итак, после долгих и изматывающих мытарств мы вместе со стратегическими мешками и находящимися в них гранками центральных газет, предназначенными для Питера, подъехали к Илу-14. Поджидавший нас у старой шатающейся лестницы дядька-лётчик лет сорока пригласил подняться в салон, сказав при этом, что придётся нам лихо — удобств и отопления в самолёте нет. Велел устраиваться на любых из шести кресел, стоявших сразу у кабины лётчиков. За креслами, прямо на полу, громоздился главный груз самолёта — мешки из реventуха с ценным содержимым.

Внутренность самолёта встретила нас страшным холодом. Борт, кроме кабины пилотов, не был утеплён. Чтобы окончательно не окочуриться, я из своего рюкзака извлёк украинский сувенир —

перцовую горилку. Капитан 1-го ранга в ответ вынул из обширного портфеля вяленую сибирскую рыбёшку с чудным названием, и, попросив у лётчиков пару стаканов, мы с ним для начала взяли на грудь по сто пятьдесят граммов горилки.

Чуток вострепелувшись с выпитого, я огляделся вокруг. Впечатление от впервые увиденного интерьера грузового самолёта не воодушевило меня. Плохо освещённая внутренность огромного животного вроде древнего крокодила, с открытыми рёбрами жёсткости — шпангоутами. Старые кресла-инвалиды, в которые мы погрузились, явно были сняты с какого-то другого пенсионного самолёта. Груды тёмных брезентовых мешков с гранками газет ассоциировались с упакованной взрывчаткой для сбрасывания её по дороге с самолёта.

Наконец грузчики закончили носить тяжёлые мешки в брюхо борта. Сорокалетний лётчик задраил выход, и только мы выпили по второй дозе горилки для пущего согрева, бортинженер вынес из кабины обогреватель и поставил его у наших окоченевших ног. Слава богу, появилась надежда, что ноги теперь могут отойти. Лётчик приказал пристегнуться ремнями к креслу и не отстёгиваться до прибытия в аэропорт Питера, предупредив, что из-за кошмарной погоды полёт наш может случиться чрезвычайно трудным.

После вторичного принятия горилки ощущение, что мы летим в брюхе какого-то ихтиозавра, только

усилилось. В этом капитан 1-го ранга согласился со мной. Наконец самолёт загудел, а через некоторое время аж затрясся. Шум мотора стал настолько мощным, что невольно пришлось закрыть уши ладонями ввиду полного отсутствия звукоизоляции. Сильным рывком оторвав примёрзшие колёса, мы покатались на взлётную полосу. Выехав на неё, самолёт вдруг остановился, взревел, с жутким воем рванулся вперёд и, разогнавшись, быстро оторвался от земли, резко набрав высоту. Никакой тебе привычной плавности взлёта и в помине не было. Нас вжало в кресла.

Несколько поднявшись, мы тотчас же бросились штурмовать затянутое чёрными тучами небо. Кажется, самолёт превратился в сверло и буравит сопротивляющийся ему воздух. В бушевавших слоях туч нас стало кидать из стороны в сторону, вверх-вниз, как малую игрушку. Капитан 1-го ранга достал из-под кресла портфель, открыл его и вынул бутылку хорошего армянского коньяка, прокричав мне, что для успокоения необходимо заглотнуть ещё несколько булей. О «налить в стакан» при такой болтанке и речи не могло быть — пили прямо из горла по три глотка враз. После третьего захода наступил наконец некий пофигизм, и с ним пришло тепло.

Преодолев ещё несколько слоёв туч, мы вышли на полётный уровень. Рёв мотора стал оседать, а корабль бросало реже. Капраз* расщедрился второй

---

* Капитан 1-го ранга.

рыбкой. Внутри нас всё созрело — организм требовал закуски, и только мы её с удовольствием начали поглощать, как вдруг открылась дверь лётной кабины и в дверях появился улыбающийся незнакомый нам командирский лётчик с литровой бутылкой прозрачной жидкости, но уже на треть отпитой. Странное дело — бутылка у него, бутылка у нас... К чему мы прилетим? Самолёт и так болтается как щепка в водовороте.

Улыбающийся начальник вдруг заговорил: «Дорогие друзья, рад вам сообщить колоссальное известие, только что полученное из Москвы. Наш борт везёт гранки центральных газет, где сообщается об удачном запуске нашего человека в космос! Вы понимаете, наш человек в космосе! Поздравляю вас с этой грандиозной победой и предлагаю отметить такую радость нашей боевой лётной жидкостью». За спиной командира возникли ещё две фигуры уже знакомых нам лётчиков. Почувствовав с нашей стороны некую тревогу, командир успокоил нас — не переживайте, самолёт летит на автопилоте. Буря бушует над Ленинградом, а у нас до неё ещё сорок минут в запасе. «Давайте отметим такое великое событие. Товарищ капитан первого ранга и вы, молодой человек, присоединяйтесь, — обратился к нам начальник самолёта. — Вы, наконец, понимаете, чёрт побрал, что произошло! Сообщение в этих мешках, за вашими спинами».

Мы, как антропы неверующие, поначалу застыли и хлопали зенками на вестников. Не то что не поверили командиру Ила, а просто не могли сразу

воспринять такую новость, свалившуюся на нас в этом «скелете» самолёта. Кроме того, оказалось выпитое для согрева, да и нещадная болтанка при наборе высоты. Когда мы очнулись, лётчики поднесли нам по полстакана «лётной» жидкости. Капитан мой, сообразив торжественность и серьёзность положения, то есть окончательно поверив лётному информбюро, из своего дальневосточного портфеля стал доставать банки красной и чёрной икры, банки роскошных белых и красных рыб, банки крабов и выставлять их на откидной стол. Фантастика, такой закуси я никогда в своей жизни не видел!

Царская закуска, достойная происшедшего, порадовала лётчиков. Капитан посетовал, что нет хлеба. «Это не проблема, — объявил командир. — Штурман, достань батоны!» Штурман исчез и мгновенно возник с тремя московскими батонами, а через минуту все держали в руках «кремлёвские» бутерброды, которые в другое время могли бы нам только присниться.

В брюхе самолёта начался настоящий патриотический пир. Тосты произносились один за другим. За победу, за ЭсЭсЭрию, за Москву, за лётчиков и за одного из них, имя и фамилию которого ещё не знали, — она была в мешках с гранками. Происходило это в воздухе над Калининской областью, бывшим когда-то Тверским княжеством, в ночь с одиннадцатого на двенадцатое апреля 1961 года. Я с моложавым капитаном 1-го ранга, оказавшись случайными залётками в компании суперпрофессионалов, воздушных асов,

искренне и с гордостью радовались за их поделеньника, ставшего первым в мире космонавтом. Во, дело какое произошло!

Праздновали это грандиозное событие мы минут сорок. После чего лётчики вернулись в кабину на работу. Борт достиг границ бушующей над Северо-Западом стихии. Где-то через полчаса мы должны будем приземлиться в Питере, если повезёт! Но в эти полчаса мы оказались в кромешном аду. Нас бросало во все стороны, самолёт ложился то на левое, то на правое крыло, то падал вниз, то вздымался. Казалось, что наш летающий динозавр, как консервная банка, крутится в воздухе, чтобы только спастись. Нас так выворачивало и кидало, что стало безразлично, спасёмся мы или нет, сядем или упадём-разобьёмся. В такие моменты думалось — как там приходится нашему космонавту, наверняка намного хуже, чем нам. Эта мысль несколько успокаивала.

Однако Боженька всё-таки пожалел нас, горемычных. Мы, несколько раз подпрыгнув на льду аэродрома, сели в самом конце полосы и подкатились к большой снежной горе. В иллюминатор видно было, как через пелену метели едут, бегут к нам люди-человеки. Машут руками, стреляют ракетами. Несмотря на непогоду, к нашему самолёту быстро подкатили лестницу, машину, автобус.

Поначалу открыли заднюю грузовую дверь, и аэропортовские грузчики поднялись в отсек со словами: «Ура, наша взяла!» По цепочке дружно стали

передавать мешки с гранками, укладывая в стоящий рядом с самолётом фургон. Затем лётчики открыли нашу дверь и предложили капитану 1-го ранга и мне спуститься первыми. Толпа закутанных в полушубки, зимние шапки и шарфы аэродромных людишек окружила лестницу, подпрыгивая на льду от холода, и, несмотря на ветер со снегом, залеплявшим глаза, скандировала: «Ура, наши в космосе! Молодцы, ура!» Морского капитана четверо встречавших человек сняли с последней ступени лестницы, подняли на руки и стали подбрасывать в воздух. Через минуту всех самолётных асов вместе с нами подкидывали вверх и кричали: «Ура, наш человек в космосе! Ура! Победа! Ура!»

Как только меня поставили на землю, я сразу же упал — сказалось выпитое в полёте. Я ни фиги не понимал, за что нас встречают таким образом, — ведь это же не мы в космосе! Мы вообще чужие типы. Когда мне помогли встать, командир Ила объяснил всем, что в действительности мы случайные залётки, попавшие на их борт по просьбе начальства из необходимости быть сегодня в Питере.

Оказалось, что лётчики перед приземлением передали диспетчеру о прибытии борта с гранками центральных газет, где сообщается, что наш человек в космосе, что советская баллистическая ракета с космонавтом на борту вышла на заданную орбиту. После такой великой новости служащие аэропорта, несмотря на бушующую вьюгу и мороз (в ту ночь,

с 11 на 12 апреля 1961 года, в Питере было ниже минус пятнадцати), бросились, не задумываясь, встречать самолёт с гранками и вестниками, и, выйдя из Ила, мы, на радостях, снова оказались в воздухе. После таких неожиданных приветствий нас с капитаном подвезли к зданию аэровокзала величественной сталинской архитектуры, и, разбудив спящих в машинах таксистов, мы с ним расстались как старые закадычные приятели. На прощанье я пригласил его на завтрашнюю премьеру в цирк.

Сев в «Волгу», я сообщил новость шофёру, но тот напрочь не поверил мне, посоветовав поначалу хорошо проспать, а затем уже открывать свою говорильню. Очутившись в кресле машины, я тотчас же уснул. Сгрузил он меня у моего дома на Петроградской, непонятно почему не взяв чаевых. Выходя, я повторил ему, что наш человек в космосе, но реакции не было, он сразу же умчался. Дома я успел поспать два часа и, приняв душ, опять на такси поехал в мой цирк. Новому шофёру я уже не сообщал о космосе — подумает, что парень «ку-ку», и не довезёт до цирка.

Поспел я к самому началу монтажки. Соорудив свои международные декорации, я вдруг увидел установку ракеты для запуска под купол цирка наших «заграничных друзей», болгарских воздушных гимнастов. От такой сказки я обалдел, мне показалось, что полёт в самолёте с гранками мне приснился. Моим рассказам про запуск ракеты никто не верил, на меня, помятого, смотрели подозрительно

и успокаивали, говоря, что сегодня полетят «в космос» болгарские гимнасты. Только один человек поверил мне — мой покровитель, бывший гардемарин императорского военно-морского флота, а в те годы художественный руководитель цирка Георгий Семёнович Венецианов.

Только где-то к десяти утра стали приходить на манеж люди, слышавшие сообщение по радио о первом полёте в космос нашего человека — Юрия Гагарина. И мне, первому вестнику, в открывшейся цирковой столовой за правду выдали в награду целый стакан огуречного рассола — самая потрясающая награда, какая была в ту пору необходима для моей поправки, ведь предстояло работать ещё несколько часов.

А вечером, на генеральной репетиции со зрителем, полёт болгарских гимнастов под купол цирка Чинизелли имел оглушительный успех.

СВАТОВСТВО В ПАРТИЮ

В первые рабочие дни после праздников Великого Октября 1970 года, через секретариат моего Театра имени В. Ф. Комиссаржевской, меня, главного художника, вызвали неожиданно в Куйбышевский райком партии города Ленинграда. С чего бы то вдруг меня туда вызывают, я ведь беспартийный. Мой замечательный директор Михаил Сергеевич Янковский, битый жизнью человек, предположил, что в райкоме будут благодарить за сделанную мастерскими театра по моим эскизам праздничную машину для демонстрации на Дворцовой площади, а может быть, не дай бог, ещё закажут что-нибудь: «Ваши художества, Эдуард, понравились партийным бонзам — всё, никуда теперь не денетесь, придётся вам работать и на них».

В ту пору каждое учреждение, имеющее своё производство или мастерские, обязано было на праздники с демонстрациями трудящихся, на 1 Мая или 7 Ноября, сделать за собственный счёт определённое вложение в оформление районной колонны. В назначенный день и час явился я по повестке с паспортом во Дворец князей Белосельских-Белозерских, что на углу Невского проспекта и Фонтанки, построенный

знаменитым архитектором Штакеншнейдером, другом Царя Освободителя – Александра II. В этом дворце в те времена и находился райком партии Куйбышевского района города.

Открыл тяжёлую резную дверь, поднялся на площадку первого этажа и доложил охраннику, вручив ему повестку с паспортом. Тот позвонил куда-то, и через малое время предо мною возник вежливый человек с совсем не запоминающимся лицом и повёл меня в кабинет третьего секретаря райкома партии. В предбаннике начальника улыбочивая секретарша попросила минутку подождать и исчезла за высокой, тяжёлой, резной с позолотой дверью. Через двадцать пять секунд она широко открыла дверь кабинета и с вежливым «пожалуйста» предложила мне войти к секретарю райкома. По старой, с нехорошего детства привычке первоначально осматривать всё, куда я попал, чтобы в случае чего знать, как отсюда рвать когти, отзырив пространство, я сообразил, что кабинет своими тремя окнами выходит на набережную реки Фонтанки и что начальник находится поодаль от окна, в глубине у торцевой стены, против двери.

На моё появление в кабинете из-за огромного, тяжёлого письменного стола красного дерева, сработанного в духе русского классицизма, поднялся навстречу мне совсем крохотный человечек, по масштабу не соответствующий своему огромному дворцовому логову. Худой, с серым лицом чахоточного больного и выцветшими водянистыми глазами, он

предложил мне присесть перед его столом в кресло красного дерева с львиными позолоченными лапами в качестве ножек. На зелёном сукне стола перед ним лежал юбилейный каталог театра имени Комиссаржевской. По правую руку секретаря на подносе стоял мухинский* гранёный графин с водой и три гранёных стакана, а над начальственным креслом висел портрет генерального секретаря Коммунистической партии Советского Союза Леонида Ильича Брежнева.

Среди всего кабинетного антуража владелец его не внушил мне никакого доверия — уж больно был он чужд этому дворцовому пространству. Тихим, без модуляций голосом поздоровался со мной по имени-отчеству и опустил своим худосочием в огромное кожаное кресло, выставив на меня свои вылинявшие моргалы. Затем, не спуская с меня глаз, откашлялся и, собрав свои малые ладошки в замок, выложил их на сукно стола, подчёркивая расположение ко мне. «Интересно, чего он от меня хочет и с чего начнёт разговор», — подумал я, удобно усевшись в ампирное райкомовское кресло.

Разговор начался с похвальбы:

— А вы, оказывается, хороший художник, — произнёс секретарь. — Праздничная районная машина, изготовленная вами на 1 Мая, признана самой лучшей в Ленинграде. Она понравилась руководству города

---

* Мухина Вера Игнатьевна (1889–1953), скульптор-монументалист, в 1930-е годы создала гарнитур, куда входили гранёные стаканы.

и выразительно смотрелась на Дворцовой площади... Вы уже получили звание «Заслуженный деятель искусств России»?

— Пока нет.

— А мы поддержали выдвижение вас на такое звание.

— Спасибо вам большое!

После чего хозяин дворцового кабинета неожиданно удивил меня странным вопросом:

— Скажите, пожалуйста, вы в пионерской организации и в комсомоле состояли, естественно?

Вот тебе на. К чему бы это он спрашивает взрослого мужика о пионерах?

— Нет, пионером я не был.

— Как так, с чего бы это?

— Там, где я рос, в пионеры не принимали.

— Как? Почему? Где вы росли?

— В детприёмниках НКВД, за пазухой Лаврентия Павловича Берии.

— Во как? Надо же, вот это да!

На мой ответ он заморгал своими маленькими удивлёнными глазками, откинулся на спинку кресла и через паузу воскликнул:

— Ну вы, дорогой, и даёте!

— Чего я даю? Это история Государства Российского!

Я никогда не испытывал восторга перед пионерами-ленинцами. Естественно, что в их организацию меня не принимали — тогда всё было ещё строго

по-честному. Тот, кто своего чижики съел, возникать права не имел, тем более подниматься в этих организациях. Да, я никак не мог понять, что означают лозунги «К борьбе за дело Ленина — Сталина будь готов! — Всегда готов!» В этом придуманном, искусственном строе — наворот каких-то абсурдистских призывов, лозунгов, коллективных обязательств, фантастических клятв и обещаний о построении какой-то мечты какого-то человечества.

— Я понимаю, понимаю, о чём вы говорите. У вас что, родителей репрессировали?

— Да, отца в тридцать седьмом году, мать — в сороковом, по польскому делу.

Через значительную паузу он доверительно произнёс:

— Да, много в те годы у нас происходило несправедливостей. Значит, воспитанник детприёмников?

— Выходит так, воспитанник. Как в ту пору говорили, Лаврентия Павловича Берии воспитанник.

— Ну, вы знаете, партия осудила этого мерзавца, шпиона, предателя и убийцу. Никита Сергеевич Хрущёв на Двадцатом съезде партии разоблачил культ личности Сталина честно, без обиняков. Очистил нашу партию от этой скверны. Вы чувствуете, мы встали на новые рельсы — рельсы коллективности? С партийным самодержавием покончено навсегда.

— Комсомольцем я тоже не стал по той же причине. В те времена всё ещё было честно и как положено. Ежели ты лишенец, сын врагов народа или шпионов,

то о комсомоле с тобой и говорить-то не будут. Съел своего чижики и сиди себе переваривай, а к нам не суйся.

— Что-то вы всё обидное высказываете.

— Да нет, я практически цитирую Салтыкова-Щедрина, любимого писателя Иосифа Сталина. А что есть, то есть. Вы же сами знаете, детей врагов народа в эти организации не брали, так я и оказался неохваченным.

Мой начальник отделился от спинки кресла, поставил локти на стол и, подперев руками подбородок, заговорил со мной тихо, как бы по секрету:

— Мы с вами вместе пережили этот не лучший период истории нашей страны. Мои родственники тоже сидели в тюрьмах, лагерях, но теперь всё изменилось. Такого больше никогда не повторится. Я вам скажу, наша партия нуждается в обновлении. Сейчас это явление уже происходит, слава богу, много выходцев из нашей интеллигенции вступают в Коммунистическую партию Советского Союза.

Вон, оказывается, куда он клонит. Я почувствовал с самого начала в этом приглашении что-то неладное, причём почувствовал спиной. Оказалось, что спина моя права. Вот не было печали, черти накачали. С партией я рядом никогда не лежал. Из всего марксизма за много лет обучения единственное, что я усвоил, — это эпиграф к «Капиталу» Маркса: «Подвергай всё сомнению!» И всю свою сознательную житуху с обучаловкой руководствовался этим эпиграфом.

— Вы, естественно, знаете постановление Двадцатого съезда нашей партии и смелое выступление Никиты Хрущёва о культе личности и перегибах в строительстве нашего общества. Благодаря этому сейчас в стране происходит оздоровление нашей партии и всей общественной жизни. Мы первые запустили спутник Земли. Наш космонавт Гагарин — первый в мире человек, поднявшийся в космос. Я не сомневаюсь, что все намеченные планы наших партийных съездов будут выполнены.

Мой агитатор что-то больно часто вспоминает Никиту-разоблачителя — порушителя всяческого отечественного хозяйства и редких, оставшихся от чуров устоев жизни, разнообразными смешными способами вроде укрупнения колхозов на нашем Севере или кукурузосеяния каким-то квадратно-гнездовым способом там же, на несчастных вологодских и архангелогородских землях. Этот разоблачитель Сталина, ставший истинным ленинцем, — аккумулятор и трансформатор бесконечно абсурдистских идей построения мифического коммунизма в течение двадцати лет — разорил страну окончательно. Дяди Сэмы в своей Америке должны ему поставить памятник за такие стратегические подвиги.

— Вы ещё достаточно молодой человек, но уже признанный мастер-художник и смогли бы вслед многим выходцам из ленинградской интеллигенции вступить в нашу славную Коммунистическую партию СССР. Как вы смотрите на такое предложение?

— Боюсь, не смогу ему соответствовать.

— Что вы имеете в виду?

— Дело в том, что я верующий, а это, по-моему, не соответствует требованиям партии. Я к вам сейчас пришёл из храма, где заказывал поминание о моей покойной матушке. Она родилась в ноябре, скоро будет её день рождения, а умерла в мае этого года и похоронена на Северном кладбище по всем правилам — как положено, с отпеванием в нашем единственном католическом храме в Ковенском переулке.

Что-то в глазах моего секретаря изменилось. Он сидел за столом и с неким удивлением зырил на меня не мигая. Затем взял гранёный мухинский стакан, наполнил его водой из графина и предложил его мне. Я отказался.

— Что же мы с вами будем делать-то, дорогой мой художник?

— Да не делайте со мной ничего. Я в порядке, главное, у меня есть интересная работа, исполняю я её честно и с удовольствием.

— Думаю, что сейчас ваша вера не будет мешать ничему. Время изменилось.

— Да я не просто верующий, я ведь католик.

— Вот в чём дело! Ну, вы меня поражаете! Как так, это же совсем отпад какой-то! — удивился райкомовский начальник.

После значительной паузы он снова заговорил, но заговорил как-то по-другому, доверительно, как бы жалея меня:

— Как же вы стали католиком?

— А так. Мать моя — полька, католичка и крестила меня перед арестом, ещё до войны, на Невском, в храме Святой Екатерины.

— А вы знаете, у меня тоже мать скончалась этим летом. Родом она из мстинских деревень Новгородчины, крещёная. Перед смертью наказала исполнить весь обряд похорон по-церковному, с полным отпеванием, оставив на такое дело свои деньги. В церкви велела рассчитывать только её специально накопленными грошами, мои даже не доставать. Похоронил я её на Серафимовском кладбище, и отпевали матушку в церкви Преподобного Серафима Саровского. Исполнил всё, как она велела.

Разговорившись со мною доверительно, он вдруг потерялся как партийный чиновник и превратился в типичного, из бывшей отечественной истории, из русской литературы человека. Этакого Акакия Акакиевича. Здесь, прямо за огромным письменным столом, во дворце князей Белосельских-Белозерских, признался мне, католику, в своих человеческих мирских деяниях, забыв свою партийность. В нём появилось что-то от внутренней задавленной веры, задавленной обстоятельствами жизни, в которую попал человек. Во всяком случае, мне так показалось. Но, кажется, я не ошибся. После этих несимпатичных для меня агитаций и сменивших их разговоров по поводу разницы обрядов мы расстались с ним почти друзьями.

Я пригласил его на премьеру моего спектакля в Ленинградском театре комедии «Село Степанчиково и его обитатели» по одноимённой повести Ф. М. Достоевского в постановке Вадима Голикова, незадолго до этого ставшего главным режиссёром акимовского театра. Приглашение от меня, художника, он с благодарностью принял. Интересно, что спектакль произвёл на него колоссальное эмоциональное впечатление. Спектакль был действительно хорошим — лучшей работой Голикова.

После театра мы гуляли по Невскому, и мой агитатор делился своими мыслями по поводу постановки — очень правильными и восторженными по отношению к Достоевскому, из которого он читал только «Белые ночи». Ему эту книгу подарили на день рождения ещё в школе. Обещал мне, что прочтёт всего. Я советовал читать Достоевского не торопясь, постепенно, иначе на него, как человека эмоционального, Фёдор Михайлович окажет слишком сильное воздействие. И ещё помнить, читая, что Достоевский философ православия. Партийный секретарь мой поначалу удивился этому определению, но со временем согласился, прочитав несколько его вещей, в том числе «Записки из Мёртвого дома» и «Братьев Карамазовых».

Встречаться мы с ним стали либо на премьерах спектаклей — я в тот год оформил пять спектаклей в разных театрах города, либо на выставках художников, которые он посещал с удовольствием. Узнав, что

мои деды по отцу были старообрядцами, сильно заинтересовался этим явлением в истории Государства Российского. Стал даже сидеть в Публичке и что-то читать про раскол. Я подумал тогда, что он выходит на опасные тропы, несовместимые с его непосредственной работой. А узнав от меня, что Станиславский-Алексеев, Морозов, Третьяков – старообрядцы и что до Первой мировой войны 90 % промышленности России принадлежало старообрядцам, был поражён такой фантастической неожиданностью. Короче, на моих глазах человек, воспитанный пионерией, комсомолией, партией, наконец начал подвергать сомнению привычные, внушённые с детства постулаты. Долго такое продолжаться не могло, и осенью, через год после моего сватовства в партию, его сняли с должности третьего секретаря Куйбышевского райкома партии и перевели в комиссариат внутренних дел куда-то под Москву. Что с ним случилось потом, не ведаю. Думаю, что со временем он всё-таки прилепился к церкви.

ГОСУДАРЕВА ПРЕМИЯ

Интересный разговор состоялся у меня с моим шефом — Георгием Александровичем Товстоноговым вскоре после премьеры в нашем БДТ небезызвестного спектакля «Тихий Дон» по Шолохову. Он в своём кабинете главного режиссёра с некоторой торжественностью объявил мне, автору оформления спектакля и главному художнику театра, что я совместно с ним и ведущими актёрами спектакля представлен к Государственной премии. Я неожиданно для себя, по глупости недоростка, имел бестактность ответить ему, что не являюсь коллекционером и одна премия СССР у меня уже есть, а во второй я, пожалуй, не нуждаюсь. Он, откинувшись в кресле и засверкав на меня своими роговыми очками, воскликнул удивлённо:

— Эдуард, ну вы и даёте! Вы что, не знакомы с русской пословицей «Дают — бери, а бьют — беги»? Вот тебе на, интересный тип, — откуда вы к нам свалились?

После моего покраснения и некоторой паузы он выложил всю философию по поводу государственной награды Совдепии:

— Дорогой мой, кроме того, что государство отмечает ваши заслуги как художника в этой работе,

что уже неплохо, мы с вами живём в такой сказке, где необходимо как-то защищаться. Поймите, просто художника милиция или другие начальники побьют за милую душу, даже с удовольствием, а дважды лауреата премии СССР или народного артиста — как-то небезопасно. Журналисты всякие, телевидение, слухи опять же таки пойдут. Вышестоящие руководители обидятся и, чего доброго, обозлятся, что ими отобранному или отмеченному человечку личину испортили — значит, их самих не уважили, унизили, и в окончательном раздражении от государственного пирога чего доброго отгонят: у них так положено, они это придумали, а не мы с вами. Эдуард, мне как-то неловко за вас. Можно подумать, что вы кокетничаете.

Я попытался оправдаться, что, мол, в других странах, в разных там Европах нет никаких официальных знатных кличек, и это не мешает уважать крупных профессионалов в разных областях, и так далее.

— Там их оценивают материально, а у нас, как вы выражаетесь, знатными кличками. Другие нравы, другие дела. Там профессионалам платят иные деньги, а нас с вами покупают званиями — так дешевле.

Самое забавное, что Товстоногов, как говорится, смотрел прямо в корень. Всё, что произошло со мною через год после нашего разговора о премиях, абсолютно подтвердило его слова.

Театр действительно удостоили Государственной премии СССР за постановку «Тихого Дона», и мы

в один прекрасный день во главе с Товстоноговым оказались в роскошном зале Кремлёвского дворца, где сам Леонид Ильич Брежнев выдавал главные награды страны.

В Питере люди разные посоветовали надеть первую медальку Госпремии и с нею получать вторую. Я, как попугай, проделал это. К первой медальке Леонид Ильич прикрепил вторую, и, когда я вернулся в кресла, наш Гога произнёс с некоторой иронией:

— Видите, Эдуард, у вас целый иконостас на груди, теперь уже вас никто не обидит.

Он, повторяю, глядел в корень.

Вечером в гостиницу из Питера мне позвонила жена, поздравила с наградой и попросила прямо с поезда заехать в железнодорожную больницу, где лежал наш больной сын, и, не снимая медали, встретиться с главным врачом, чтобы продвинуть вперёд его лечение, а по дороге в больницу купить килограмм сахарного песка.

Чего не сделаешь ради здоровья ребёнка, и я с двумя медалями на лацкане пиджака прямо со «стрелы» двинул в железнодорожную больницу. Главный поезд СССР в ту пору приходил в Питер в 8 часов 25 минут, и где-то сразу после 9 утра я уже стоял подле только что открывшегося гастронома против входа в больницу. Этот довольно большой магазин был пуст, а за прилавком бакалейного отдела продавец вообще ещё не появлялся. Мне пришлось ждать минут двенадцать, пока передо мной не возникла сильно

помятая, с сизыми кругами под глазами довольно молодая тётенька. Подняв на меня свои выпученные карие шары, как своего кореша спросила:

— Чего тебе надо, чижик?

Я принял предложенную ею фамильярную игру и ответил:

— Помоги жить, красавица, чижик-пыжик с Фонтанки надобно всего-то килограмм сахарного песка.

— Поможем, — сказала она с какой-то брежневской интонацией и трясущимися руками попыталась свернуть кулёк из толстого крафта.

Операция эта у неё не получалась. Моё предложение помочь она с обидой отвергла. Наконец свернув кое-как кулёк, насыпала в него совок песка и бросила на весы. Весы показали 800 граммов, не более. Пока я думал, что она сейчас досыплет мне двести нехватящих граммов, тётенька, выхватив из моих рук приготовленную десятку, быстро исчезла за внутренней дверью. Я, честно говоря, опешил от такого оборота событий. Если у неё не было сдачи, то почему она не сказала об этом? Если она побежала менять деньги, то почему не довесила сахар? Очень всё странно и непонятно, начиная с «чижика». Мне снова пришлось ждать бакалейщицу, но она не показывалась из своей двери.

В магазине кроме двух человек в винном отделе, жаждущих опохмелиться, никого не было. Спросить, куда делась моя продавщица, было не у кого, и я решил сам пойти в закулисье магазина искать её там.

Нельзя же всё-таки до такой степени опускать человека. Недовесила сахар на целых 200 граммов, забрала деньги в десять раз большие, и, не дав сдачи, исчезла с глаз долой.

Через злополучную дверь и тёмный тамбур я попал в длинную залу, заваленную мешками, коробками, штабелями ящиков, какой-то случайной мебелью, сетками с овощами и прочим. Среди этой «кутерьмы», в отгороженном стенками от зала закуте, за обширным столом, заваленным пакетами, кулками, бумагами, сидел мощный женский начальственный аппарат в белом халате, неизвестных лет, с вздутой причёской, окрашенной в цвет спелой кукурузы. При моём появлении эта грузная масса привстала из-за стола и, осмотрев меня свирепыми глазами, рыкнула:

— Вы кто, кто такой??? Что вам надо? Я спрашиваю? От кого пришли? Чего хотите?

На мои объяснения по поводу её пьяной продавщицы, которая внаглую обвесила меня и исчезла с деньгами, не дав сдачи, она не обратила внимания.

— Как вы попали сюда, а? Вы не имеете права здесь находиться. Видите, я в халате, а вы в пальто, абсолютная антисанитария. Не клеветайте на продавцов. Они у нас никого не обвешивают. Вот смотрите, грамоты районного комитета, главка, исполкома. — И она показала на стенку над своим креслом. Под портретом генерального секретаря, который ещё вчера вешал мне на грудь знак Государственной

премии СССР, в рамках со стеклом висело несколько огербованных краснознамённых грамот.

Весь этот текст она произнесла очень быстро, скороговоркой, видать, не первый раз озвучивала его. Выслушав тираду, я положил на её гулливерский стол кулёк с недовешенным сахаром и потребовал вернуть мою десятку. Торгашка взбеленилась на меня и, несмотря на свои размеры, ловко выскочила из закута в залу, громко возопив:

– Вася! Вася, да где же ты, Вася! Чёрт тебя возьми, убери постороннего!

Через полминуты слева от меня в дальнем конце зала распахнулась дверь, из неё показался прикормленный мент с красной рожей хорошо пьющего человека и, набычив жирную шею, пошёл на меня.

– Смотри, чужой тип ворвался к нам без разрешения и что-то требует от меня, разберись с ним, да побыстрее, – приказала начальница личному силовнику.

Мне стало ясно: со мною действительно сейчас разберутся. Повернувшись к начальнице, я понял, что наглая торговка смотрела на меня как на приговорённого к закланию. Необходимо было как-то спастись.

Чисто машинально, вернее, на каком-то подсознании, я расстегнул пуговицы пальто, и на заведующую магазином с лацкана моего парадного югославского пиджака заблестели позолотою две медальки с лавровыми венками, подвешенные к муаровым колодкам. Интересно, что как раз в этот момент они

звякнули друг о дружку. Начальница вперилась в них глазами, и вдруг её злая личина мгновенно стала меняться. Перевоплощение произошло настолько быстро и контрастно, что ей мог позавидовать любой актёр мхатовской школы и вся система Станиславского. Она резко вытянула свою повелительную руку в сторону приближавшегося стража порядка, вывернув ладонь на него, и приказала:

— А ну остановись, Вася!

Тяжёлая ментовская туша, резко затормозив, закачалась.

— А что это у вас за медальки такие золотые, блестящие на пиджачке вашем висят?

— Это Государственные премии СССР, вчера вот эту из рук самого Леонида Ильича Брежнева получил, — подлаживаясь под неё, сказал я, кивнув на портрет генсека.

— Ох ты, Господи Иисусе Христе, спас, спас, как это я почувствовала вовремя. А ещё говорят, что Боженьки нет... А? Вы извините, извините нас... Ой, не могу... Сука какая, а? Да ты куда, Вася, поехал, а ну остановись, я кому говорю, остановись! Он свой, слышь, свой, дубина ты стоеросовая! Стоп! — снова рывкнула она на своего легавого, начавшего по новой движение в мою сторону. — Она, сука, опять меня надула, вот шалава потная, сейчас поймаю и горжетку ей оторву. Как жить? Как жить-то с такими животными? Извините, простите, пожалуйста, я вам сейчас сама перевешу, отдам, отдам, всё за неё

отдам. А ты стой здесь и его охраняй, — обратилась она к красной роже милиционера, — слышишь? Это тебе не курлы-мурлы, а государственный лауреат, сам Бровено... вот чёртов язык, сам Леонид Ильич Брежнев медальки ему на грудь вешал. Понял, кто перед тобой? Да перестань раскачиваться, что, снова, чёрт тебя побрал, насоса... О... О... О... Личину налил. Вот грех-то какой был бы, Господи Иисусе Христе, спасибо, помиловал. — И, схватив с полки два здоровенных испанских лимона, поднесла их мне со словами: — Это вам за посещение нашего магазина. В каком веке, в каком веке да такой человек у нас... А лимончики вам — это от хворостей, витаминчики для родных и болящих, возьмите, пожалуйста, так просто ведь не купите, они у нас для начальственных особ оставлены, да и жёлтенькие такие же, как ваши медальки. Деньги? Деньги... Да что вы! Нет, какие деньги? Вы их заслужили, за беспокойство, да и с поздравлением вам, а как же, по обычаю, так ведь полагается. Не беспокойтесь, я с этой профуры всё сниму, чтобы запомнила на жизнь, как Государственную премию надувать.

Чтобы быстрее отделаться и уйти из этого злосчастного магазина, я забрал номенклатурные лимоны и под бесконечные поклоны и причитания торговой куклы покинул её продуктовую хазу.

Больничная палата, где лежал мой сын, в тот день пила чай с начальственными лимонами из самой испанской страны.

— Теперь вы согласны, что в нашем царстве-государстве лучше быть отмеченным, чем битым? Отмеченным быть безопаснее, — прокомментировал мой рассказ на следующий день Георгий Товстоногов.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ОБЗОВУХИ

Особенность такой неожиданной обзовухи состоит в том, что придумал её на свою голову, по случаю, сам обозванный. И она в большой степени негативно повлияла на его карьеру.

В шестидесятых годах прошлого столетия служил я главным художником в Ленинградском драматическом театре им. В. Ф. Комиссаржевской. Руководил им в ту пору известный в Питере режиссёр Рубен Сергеевич Агамирзян. Директорствовал в театре знаменитый Михаил Сергеевич Янковский.

Михаил Сергеевич, бывший зэк, знаток философии Конфуция, полиглот, считался лучшим профессионалом по театрально-административному делу в городе. Заведующим художественно-постановочной частью служил один из могикан этой труднейшей, чрезвычайно ответственной должности — Иван Герасимович Герасименко.

Старый опытнейший мастер за пятьдесят лет работы на театре прошёл огонь и все медные трубы, но по возрасту и болезням вынужден был уйти стариковать на пенсию. Человеком он был строгим, постановочный цех держал в полном порядке, владел специфической театральной и житейской феней

и талантливо ею пользовался. Вместе с тем слыл справедливым и добрым человеком. Большинство подчинённых за знания и опыт, с некоторыми, правда, опасениями, что может и обругать, испытывали к нему истинное уважение.

После его ухода постановочное хозяйство театра осиротело и стало вянуть. Необходимо было срочно найти замену на это место, и всё руководство бросилось на поиски претендента. Искали долго. Очень дефицитная профессия и важная должность в европейских театрах, именуемая «технический директор театра»! В конце концов отыскали довольно молодого человека с законченным высшим образованием по постановочной части — некоего Владимира Михайловича Михайлова. Рекомендатели характеризовали его как высоко дисциплинированного, чёткого, честного человека.

Агамирзяна такая рекомендация устраивала. Михаил Сергеевич Янковский после беседы с Михайловым засомневался, почувствовав в нём чрезмерный педантизм, несовместимый с философией Конфуция. Но время не ждало, необходим был начальник над этой важной частью театра. Короче, Владимир Михайлович был зачислен на должность завпоста и после коллективного отпуска в начале нового сезона приступил к своим непосредственным обязанностям.

Тут-то всё и началось — триумф поначалу, а в конце концов полное падение нашего нового, высоко обученного, молодого, претенциозного начальника.

Янковский, введя его в должность, потребовал от него, как полагалось в театре, сфотографироваться для фотовыставки труппы и руководящего состава в фойе театра.

После знакомства с цехами, постановочной частью и мастерскими, во время которого Михайлов никак не проявлял себя, кроме подчёркнутой сухой вежливости со всеми работниками, он оказался в ателье нашего старого штатного фотографа, который не без труда произвёл с него несколько снимков, так как последний потребовал снимать его только анфас с особой контровой подсветкой.

После съёмки он попросил фотографа до печати показать ему пробы. Пробы первого сеанса съёмок не устроили молодого начальника. Старику-фотографу пришлось заново его переснимать, причём много раз в течение месяца. Наконец Михайлов утвердил одну из проб. По этому принятому негативу мастер напечатал фотопортрет в размере 40 на 30 см и отдал в мастерские театра, где его должны были наклеить на специальный планшет. Выполнял такие работы в театре наш художник-исполнитель Михаил Крылов, в народе обзываемый Бегемотушкой за свой вид с близи и с далека.

Бегемотушка с утра аккуратнейшим образом натянул фотографию начальника на планшет и поставил его на просушку. К вечеру Михайлов, появившись в живописном зале в своём неизменном коричневом костюме с синим галстуком, сразу направился

к верстаку Крылова. Увидев свой портрет, заявил, что он очень плохо напечатан, и вешать его на стену фойе нельзя. Пускай фотограф напечатает несколько портретов, чтобы из них можно было выбрать лучший.

Через несколько дней он снова явился к Бегемотушке и снова забодал все варианты. Вокруг верстака художника собрались мастера — столяры, бутафоры, швей-аппликаторши, и все хором стали уговаривать своего завпоста выбрать всё-таки один из вариантов. Крылов из пяти напечатанных фотолистов достал один, накрепил его на планшет и показал всем, заявив, что лучше напечатать невозможно. Что все законы фотографии соблюдены, что очень хорошее освещение и детали замечательно проработаны. «Фотограф самый опытный, сорок лет в театре снимает артистов, и никто не бодал его так, как вы, Владимир Михайлович. Посмотрите, какой отличный портрет для вас снят».

В этот момент я подошёл к верстаку.

— Чего здесь замечательного? Вон, смотрите — он мне сделал фарфоровое ухо! — заявил Владимир Михайлович.

Услышав такую филиппику Михайлова, я подумал: «Что он делает, зачем курочит себя — ведь это цепкая обзовуха!»

На эту реплику возникла длинная пауза. Все уставились на портретное ухо. Потом перевели глаза на ухо Владимира Михайловича. Он вдруг почувствовал какую-то неловкость и в полной тишине быстро ушёл из мастерских.

На следующий день театр — от уборщиц до народных артистов — обсуждал уши нового завпоста, и при встрече с ним все старались разглядеть, какие они у него на самом деле. В театре даже возник слух, что уши у Михайлова приставные, то есть это протезы — искусно сделанные из фарфора-бисквита и натурально окрашенные.

Он сделался популярной в театральной среде фигурой, но мне стало ясно, что жизнь его в нашем театре с такой кликухой не будет долгой. Так оно и случилось.

Сам он ничего худого не замечал. На работу приходил всегда в неизменном коричневом костюме, в белой рубашке с синим галстуком. Никогда не повышал голоса на подчинённых, даже в чём-то виновных перед ним. Всем выдавал записки с замечаниями, написанными хорошей ручкой с чёрными чернилами, аккуратнейшим почерком, абсолютно выверенным, под одним наклоном. Эти записки прозвали в театре малявами Фарфорового уха. Такие малявы каждый день получали все начальники цехов, включая костюмеров, машинистов, работников мастерских. Провинившиеся монтировщики жаловались мне, получив его маляву:

— Лучше бы он нас матом обругал, чем писал такие гадости!

На монтировках спектаклей Михайлов стоял на авансцене с неизменной записной книжкой, записывая в неё замечания, которые затем тиражировал

в малявы. Наш опытный машинист почти каждый день получал от него указания в письменном виде — что и как делать.

Через некоторое время в постановочной части этого тихого чистоплюя, этого создателя обвинительных маляв и указаний, этого вдруг возникшего в нашем театре чиновника из русской литературы по кликухе Фарфоровое Ухо возненавидели все скопом и ждали только какой-либо оплошности со стороны монстра, чтобы ею воспользоваться.

После Нового года в театре объявили, что в конце сезона состоятся гастроли в Москве, причём на сцене МХАТа. К такому событию весь театр стал основательно готовиться. Чинить декорации, костюмы, готовить специальную упаковку: ящики, мешки для мягких декораций, чехлы для мебели и так далее.

Михайлов активно составлял огромное количество всяческих списков: декораций, мебели, реквизита, оборудования по спектаклям, отобранном для показа москвичам. На каждый спектакль им были написаны целые досье с перечислением всех вещей — строенных, мягких, бутафорских, всех-всех костюмов, париков, реквизита, и прочая, и прочая. Как он успевал производить всю эту бесчисленную писанину, никто не понимал.

Все эти досье были в дирекции отпечатаны, и каждый цех получил по папке с указаниями и списками, что необходимо взять в Москву, причём получил

под расписку, что всё возьмут и погрузят указанное точно, как напечатано.

Машинист Юрий Елисеев тоже одарён был пятью папками с указаниями и перечислениями и расписался, что в обязательном порядке обязуется соблюсти прописанное.

В Москву уехали три моих спектакля, в том числе новый — «Влюблённый лев» по пьесе Шейлы Делени в постановке Юлия Дворкина, ученика Товстоногова. Декорация представляла собой установку на трёх кругах. Круги вращались с помощью трёх специально купленных немецких лебёдок. Юра в михайловском списке, который он подписал, обнаружил, что указано не три, а только две лебёдки. Он и упаковал для Москвы две лебёдки, а третью оставил дома. Приехав в Москву с декорациями, договорился заранее с коллегами из театра Моссовета, что те дадут ему одну лебёдку напрокат для спектакля (у них были такие же).

В Москве, на монтировке «Влюблённого льва» вдруг выяснилось, что не хватает одной лебёдки. Поднялась паника. Янковский вызвал машиниста Елисеева с вопросом, почему всё так произошло, в чём дело. Тот показал предписание со списком и сказал директору, что он выполнил всё, как велело Фарфоровое Ухо. Янковский аж подскочил:

— Кто, кто? Какое ухо?

Юра поведал про своего начальника-бумагомараку, показав досье спектакля, где всё было расписано по пунктам с требованием беспрекословно выпол-

нить написанное. Янковский велел явиться Михайлову и на хорошей лагерной фене с отборными известными русскими словами объяснил ему, мандаляу, кто он такой и что его ждёт, если не состоится спектакль.

Спектакль состоялся. Из Моссовета за час до спектакля на «Волге» привезли лебёдку, и два машиниста, наш и моссоветовский, за этот час смонтировали что полагалось.

Фарфоровому Уху пришлось покинуть Москву уволенным из театра. В мастерских театра на улице Белинского, в живописном зале, у художника-исполнителя Бегемотушки на дверце шкафа с кистями много лет висел фотопортрет Фарфорового Уха, и всем гостям мастерских с удовольствием рассказывалась эта история.

ПАН-БАТЮШКА

Третий этаж за сценой огромной домины Большого драматического театра на Фонтанке располагал значительным количеством необходимых театру помещений. В нём находились: живописный зал с пространством во всю сцену, макетная мастерская с комнатой художника-постановщика, кабинет звукозаписи, радиощех, комнаты театрального оркестра и громадный широкий коридор, соединявший всё вышеперечисленное.

И это множество квадратных метров ежедневно, с тряпкой и шваброй, осваивала одна сухонькая старушенция — уборщица с морщинистым северорусским лицом. Все помещения убирала она чрезвычайно старательно в течение многих лет. Претензий каких-либо к ней никто никогда не имел. Тяжёлую работу уборщицы обитатели третьего этажа БДТ воспринимали как что-то само собой разумеющееся и скорее вообще не замечали её трудов. Приходила она на работу мышкой рано утром, делала безостановочно своё привычное дело и тихо уходила из театра до прихода служилых хозяев в свои чистые обиталища.

Я бы тоже не знал о её существовании, но однажды по срочной рисовальной работе пришлось мне

заночевать на казённом диванчике в своей макетной мастерской. В семь тридцать утра вдруг разбудила меня открывшаяся в мастерскую дверь. Я вскочил с дивана и увидел в дверном проёме крошечную сухую старушонку лет семидесяти от роду, с удлинённым лицом, повязанным по-деревенски платком, со шваброй и ведром в руках. Обнаружив меня, сонного художника, она поначалу испугалась и, извиняясь, отзынула со своим скарбом назад в коридор. Я остановил её, объявив, что своё отоспал и ей можно исполнять положенную работу, пока я занимаюсь утрешними человеческими необходимостями, и, забрав полотенце с мылом, двинулся в туалет. Вот таким образом я познакомился с хозяйкой нашей поэтажной чистоты.

Недели через две, так же утром, ко мне в макетную кто-то аккуратно постучался. Я открыл дверь, и моя старая уборщица, Варвара Ивановна — к тому времени я знал уже её величание — вошла ко мне и обратилась с разрешением оставлять в закуте мастерской новые швабру и веник, боясь, что их в туалете стибрят. Бывало у нас такое. Я, естественно, согласился, заявив, что сам иногда буду сметать мусор её веником. По слову её, вернее, по интонации, мне стало понятно, что она вологодская или архангелогородская северянка, то есть по моим отцово-дедовым корням землячка.

Шло время, и, как в ту пору в нашей стране было положено, к одному из важных юбилеев, точнее, к шестидесятилетию Великой Октябрьской революции,

театр готовил спектакль по роману Михаила Шолохова «Тихий Дон». Спектакль в постановке Георгия Товстоногова, впоследствии ставший знаменитым и даже заработавший Государственную премию страны. В нашей мастерской в подмакетнике стоял уже принятый художественным советом театра мой макет к «Тихому Дону». В постановке занята была почти вся труппа.

Репетиции спектакля происходили в большом репетиционном зале на четвёртом этаже, над моей макетной. Все артисты, по разным причинам не видевшие макета при его сдаче труппе, могли после репетиции спуститься ко мне в мастерскую и познакомиться с пространственным решением «Тихого Дона».

Однажды по окончании репетиции, часа в три дня, в макетную зашёл как всегда элегантно одетый, в светло-пепельного цвета костюме, Владислав Игнатьевич Стржельчик, репетировавший в «Тихом Доне» белогвардейского генерала Фицхелаурова. Ранее он не видел макета, так как в день его показа труппе или снимался в роли Николая I в очередном кинофильме, или был на осенней сессии Верховного Совета СССР, где депутатствовал от нашего города. Я, художник спектакля, стал рассказывать ему динамику решения, все смены картин, эпизодов, найденный с Товстоноговым обобщённый образный приём, показавшийся некоторым артистам театра поначалу неожиданным, непривычным. Как вдруг кто-то

постучал в дверь. Потом она неуверенно открылась, и я увидел мою старушку-уборщицу в новом нарядном платке на плечах, но чем-то страшно взволнованную. Она на секунду застыла в дверном проёме, затем, сделав два шага, пала перед обалдевшим Владиславом Игнатьевичем на колени и обратилась, как русская крепостная крестьянка к своему барину, с благодарственными причитаниями. От неожиданности такого действия мы оба опешили. Я даже малость припугнулся — что вдруг такое произошло?

Перед роскошным актёром-аристократом на полу, подле его дорогих импортных штиблет, билась в слезах старая женщина, как в церкви перед образом Христа, с мольбами и пожеланиями:

— Милостивый благодетель наш, пан-батюшка, Владислав Игнатьевич, спасибо вам огромное от нас с сыном за радение ваше, за подарок нам. Он-то приехать в театр не смог, войной обезножен, а я, вы наш заступник христьянам, молиться, молиться перед Господом всю жизнь о вас буду. Подсобили нам, подсобили мне, матке-старухе с сыном-обрубешем. Да хранит вас Боженька за ваше благое дело во веки веков!

Владислав Игнатьевич, придя в себя, поднял с пола заплаканную старушку, поцеловал её в лоб и, усадив на диван, успокоил, сказав ей, что такое обязан был сделать для них. Слава богу, удалось победить пройдошную чиновничью камарилью, и вы с сыном получили-таки законную квартиру, которую должны были иметь давно. Она, уткнувшись в платок, ещё

некоторое время со слезами повторяла благодарности своему покровителю, затем, поднявшись с дивана, сказала:

— Господь воздаст вам воздаяние своё... — И, несколько раз поклонившись ему по-русски в пол, вышла из макетной.

Владислав Игнатьевич, взволнованный происшедшим, обратившись почему-то к макету, вдруг произнёс:

— Вот тебе, батюшка, и «Тихий Дон». — После чего предложил мне спуститься к нему в гримуборную на второй этаж и выпить с ним для успокоения по рюмке коньяка за терпеливую старуху-мать и сына — обрубка войны. Я, естественно, согласился.

Позже я узнал от завхоза, что Варвара Ивановна, уборщица с послевоенных лет, маялась с сыном — инвалидом войны, обитая в подвале дома на нашей Фонтанке. Старуху чиновники пуляли много лет один к другому. А сыну до них ходить было не на чем — он безногий, лежащий больной. Мать, уборщица замечательная — тихая, терпеливая, честная, театр ни разу не подводившая, — по скромности своей и вере в бесконечное враньё чиновных обманщиков положенную от государства квартиру никак не могла получить. Многолетние скитания её по начальственным местам ни к чему не приводили.

В конце концов по поводу её беды — квартиры — обратились за помощью к народному артисту Стржельчику, в ту пору депутату Верховного Совета

СССР, обитатели третьего этажа театра: радисты, музыканты, макетчики, художники, все работники помещений, которые убирала много лет старая Варвара. Стржельчику удалось пробить брешь в советской чиновничьей цитадели. За рюмкой коньяка он признался мне, что на фронте, а он прошёл всю войну, от начала до конца, было куда легче, чем в бою с теперешними начальственными «генералами». Светлая тебе память, Владислав Игнатьевич, за твою польскую славянскую доброту, за твои деяния во благо ближним, за помощь в людских бедах и напастях, светлая тебе память, наш славный Пан-батюшка.

ХРАНИТЕЛЬ ПАМЯТИ

ПОЦЕЛУЙ

Вы, может быть, помните сороковые послевоенные годы. Помните барахолки в городах и городишках, лавину «обрубков», «тачек», «костылей» и прочего искалеченного войной люда в шалманах и на улицах. Помните, конечно, голодные 1946-й, 1947-й и 1949 годы и разного вида нищих, малых и старых, кочующих по стране. Нищих, специализировавшихся по подвижным составам: они ходили по железнодорожным вагонам со своим репертуаром и разного рода обращениями к победившему народу. Был даже, если можно так назвать, особый жанр вагонных песен, в основном жалостливых, вроде «В одном городе жила парочка, он шофёр, а она счетовод, и была у них дочка Аллочка, и пошёл ей тринадцатый год...».

А помните эти деревянные вагоны, густо крашенные масляной краской и на всю жизнь впитавшие её запах и запахи курева, еды и пота? Вагоны, набитые снизу доверху людьми, мешками, корзинами, деревянными чемоданами, с тусклым мигающим светом в купе и проходах, с бесконечными нищими калеками, которые менялись с каждым перегонном. Много их довелось мне увидеть за мою опасную практику скачка, то есть поездного вора...

Жизнь загнала меня в угол, и после побега из детприёмника стал я постепенно, с восьми лет, общаться к уголовной цивилизации. Но так как главной целью моей всё-таки было возвращение на родину, в Питер, а из моего далека попасть туда в ту пору можно было только по железной дороге, — то со временем, к двенадцати годам, я освоил профессию, связанную с поездами, — стал скачком*. А поначалу, по молодости лет, был «помоганцем», или, из-за худобы и гибкости, — «резиновым мальчиком», который мог проникнуть в самую малую щель.

Из разного побирающегося люда в памяти моей застрял один необычный бессловесный «обрубок». Расскажу уж по порядку, как полагается.

Поезд мой, если не ошибаюсь, был «Москва—Рига» (я мечтал попасть в Ригу, потому что шли разговоры, будто там можно устроиться юнгой). Я мирно спал в этот раз — естественно, на последней полке плацкартного вагона, среди мешков и чемоданов, привязавшись ремнём к металлической трубе, чтобы, случаем, меня ночью не сдвинули с полки. Поезд приближался к станции Пыталово. Позднее осеннее солнце вдруг осветило потолок вагона и заставило меня проснуться. Я проспал, что было совсем нехорошо, а должен был затемно спуститься вниз и незаметно покинуть вагон, спрятавшись в туалете, тамбуре, «собачьем ящике», кочегарке или где-нибудь ещё.

---

* Скачок — поездной вор.

Мои старшие напарники наверняка уже оставили свои полки, а я...

Очень осторожно отвязав себя от трубы, из-за корзины посмотрел вниз. Вторые полки, слава богу, спали. Но нижние — женщина и девушка — встали уже, явно готовясь сойти в Пыталово. Мой взгляд застрял на девчонке, а может быть, уже и девушке молочной спелости и красоты необыкновенной. Так мне показалось. А может быть, виновато солнце, которое светило прямо на неё. Она сидела против окна, спиной ко входу, на чемодане, зачехлённом холстиной с латунными пуговицами от шинели, и ела из капустного листа картошку с огурцом и хлебом. Она была видна мне сверху. Её русые волосы, заплетённые в косички, золотились утренним солнцем. Мне запомнилась очень красивая высокая шея и светящиеся на солнце ушки с маленькими прозрачными серьгами-слезинками. Матушка её, отвернувшись от стола, что-то вынимала или, наоборот, складывала в свою сумку и была этим чрезвычайно занята. Напротив — на боковых полках — ещё спали, закрывшись от солнечного света.

Я уже хотел подлезть под трубу и посмотреть, что делается в соседнем отделении, как вдруг в нашем проёме показалась огромная фигура «обрубка», одетого в военную форму. За подол стираной гимнастёрки безрукого держался совсем маленький пацанёнок-поводырь. Совершенно белый, прямо альбинос. Волосёнки у него были настолько светлые, что поначалу мне показалось, будто он седой. На нём был

самопальный бушлатик с неправдоподобно огромными пуговицами, словно с какого-то гулливера.

Голова солдатика-великана была расколота по диагонали, да так страшно и безжалостно, что смотреть на неё было невозможно, а уж я повидал в своей жизни к этому времени! Шрам, если это можно было назвать шрамом, проходил щелью почти от правого виска вниз через всё лицо, уничтожив нос, то есть соединив рот и нос в одно отверстие с остатками лохматых губ. Сдвинутые, но живые куски мяса — разбитые глазницы, правого глаза не было. Война. Это было воистину лицо войны. Только случайность или Господь Бог и молодость оставили этого парня жить. Более страшного живого человека я никогда не видел. Руки у него были «завязаны». Знаете, в войну некогда было: резали, а кожу натягивали. И вот у него торчали такие «колбаски»-обрубки. На шее болталась дощечка с надписью: «Подайте инвалиду войны». Он был, очевидно, нем, то есть не мог говорить, а лишь мычал: во рту болтались только ошметки языка.

Никто его не видел и не слышал, кроме меня. Он стоял на широко расставленных ногах, чуть подавшись туловищем вперёд, напротив не видящей его девчонки и смотрел своим уцелевшим глазом на её замечательно освещённую головку. Вдруг он решительно взмахнул своим правым обрубком, сделал шаг к столу, резко нагнулся со своего висока и лохмотьями губ поцеловал шейку девушки. Она, оглянувшись, вскрикнула страшным, каким-то испуганным

криком, будто у неё внутри рвануло. Её затрясло. Матушка, онемев, побледнела и вжалась в угол полки. А из его глазницы вдруг что-то рухнуло. Слеза. Мне показалось, что я слышал звук падающей слезы. Этого не могло быть, поезд шёл быстро и шумно, но в голове у меня остался этот звук, мне показалось, что я слышал, как его слеза разбилась о нечистый пол нашего деревянного вагона.

Поводырь-пацан потянул «обрубка» за подол гимнастёрки и оттащил его от трясущейся в ознобе девочки. Воспользовавшись заминкой, незамеченный, я спустился вниз и почти вслед за «обрубком» оказался в тамбуре. Калека-солдат сидел на корточках, привалившись к «собачьему ящику», а пацан, прикурив тоненькую папироску, вставлял ему окурки в лохмотья губ, вынимал после затяжки и снова давал своему огромному брату-калеке затянуться дымом самых дешёвых в ту пору папирос «Ракета».

Поезд прибыл на станцию Пыталово.

Они вышли: один огромный, другой неправдоподобно маленький, словно кто-то всё это срежиссировал. Сошли в абсолютно разрушенном городе. До этого я не понимал, что такое — «разбитый в пух». В Пыталово понял. У вокзала не было крыши, а сам вокзал был заполнен «обрубками» — безрукими, безногими, палёными, ослепшими... Эта жуть до сих пор у меня в глазах. Брейгель какой-то, в натуре — и на Руси.

Шёл мокрый снег...

СОЛЬ

Воспоминания майданника

Во второй побег из детприёмника НКВД эстонского города Тарту мне пришлось несколько прогонов трястись на подножках. Все вагоны поезда-змеи были закрыты, а отмычек-«выдр» у меня ещё не завелось. От холодного ветра я чуть было не околел. Ночью на какой-то куратской* станции повезло проникнуть в общий вагон. Незаметно забраться на третью багажную полку и между разной поклажей — чемоданов, мешков, корзин — успокоиться. Там стало мне так хорошо, что я, согревшись, уснул мгновенно и проспал до самого Острова, уже на российской земле. Опасно, конечно, с моей стороны такое: поездные лагашки могли бы, обнаружив, повязать меня, но вагонная темень и Ангел-хранитель пожалели замёрзшего пацанка. Проснулся с испугу вовремя, прямо перед самой станцией. В силу своего малого роста и некоего майданного опыта удалось мне быстро, тараканом, спуститься с торца полка и как ни в чём не бывало присоединиться к немногим пассажирам, выходящим на станции Остров.

---

* Курат — по-эстонски «чёрт». Так мы именовали эстонцев.

Вагон наш в аккурат остановился против вокзала, ежели это разваленное войной кирпичное сооружение можно было обозвать вокзалом. Разбитый домина с высоченными окнами, без крыши, с обширным когда-то крыльцом-входом, с сохранившейся, щербатой от пуль площадкой и покалеченными ступенями. Крышу вокзала заменял настил из случайно сбитых досок, покрытых разного размера железными ошмётками, крашеными и ржавыми. Окна, заколоченные чем попало, с остатками грязных стёкол мрачно пятались из кирпичных стен на сырой мир.

Всё вокзальное строение до предела было забито серой людской массой, которую выдавливало из нутра пассажирского зала на наружное крыльцо. Из входа-проёма шёл пар и дух от огромного числа невымытых человеческих аккумуляторов. Из-за кромешной людской тесноты пробиться внутрь вокзала не представлялось возможным.

На крыльце, под временным фанерным навесом, защищавшим хоть как-то от непогоды, стояли на костылях, сидели в тачках двенадцать-пятнадцать разного рода «обрубков». Они почти все курили свёрнутые из газет самокрутки с махрой или самосадам, молча наблюдая сошедших с поезда и приближавшихся к ним людишек с безнадежной мечтой в глазах — укрыться от непогоды. Было холодно и сыро. Осень быстро сдавалась зиме, шёл бесконечный мокрый снег.

С правой стороны от вокзала на другую сторону железнодорожного полотна уходила страшно раздолбанная дорога. Вдоль полотна через переезд тянулась наспех засыпанная, оставшаяся с войны траншея, которую мы, спустившись с поезда, с трудом преодолели. Все пространство вокруг «железки», разбитое, расклёванное снарядами, носило на себе следы недавней бойни.

До крыльца я добрался быстрее всех и по разбитым ступеням взгромоздился на верхнюю площадку под навес. «Обрубки», дымя своими сигарками, смотрели сквозь меня с абсолютным равнодушием: есть я или нет меня — без разницы. Места у них я не отнимал — уж больно был незначителен. И только начал разглядывать обитателей крыльца, как на важной городской дороге тяжело загромычала телега. А через малое время из-за стены покалеченного горе-вокзала показалась неказистая бурая лошадёнка, тянувшая за собою огромный воз, наполненный здоровенными, уложенными горою мешками. На передке, прямо на одном из них сидел старик-возница в солдатском ватнике и в разорванном одноухом малахае с красной звездой. Лошадёнка, преодолев бывший ров, остановилась перед поворотом на горку-насыпь, не решаясь взять её с ходу. Возница, разозлившись, начал рьяно стегать бедную кнутом, приговаривая:

— А ну пошла, чего встала! Давай вперёд, твою мать!

Да, видать, так сильно ударил, что она в отчаянии рванула влево на горку. Телега с мешками на

развороте накренилась, и два из них, тяжёлые, туго набитые, сползли с самого верха горы вниз и рухнули на мокрую, присыпанную снегом землю. Один мешок, перевернувшись в воздухе, упал углом и по центральному шву лопнул-порвался. Из него тотчас высыпалось на снег что-то белое. Издали поначалу показалось, что мука.

Гурт «обрубков», внимательно наблюдавший с крыльца за происходящим, в момент падения мешков застыл на мгновение — наступила абсолютная тишина. Затем раздался радостно-удивлённый крик одноногого глазастого «костыля»:

— Соль, братва!

— Соль, соль, соль, — слышалось с крыльца, и внутри вокзального логова загудело хриплыми головами. Люди орали:

— Соль, соль! Где соль? Где? Где она?

Из проёма наружу хлынула толпа помятых мужицких «обрубков» и, захватив с собою бывших на крыльце «костылей», ринулась на улицу к упавшим мешкам, по дороге сдёргивая с себя шапки, пилотки, жёваные кепки. Буквально в мгновение куча поломанных людей облепила гору соли с несчастным, порвавшимся мешком и, черпая её своими грабками, стала с жадностью, похохатывая, заполнять свои тары драгоценным продуктом природы.

На крыльце несколько секунд оставался только я один, расширенными зенками взиравший на эту фантастическую картину. На куче белой соли, среди

припорошённой снегом грязи, барахтался муравейник калек, хватавший, черпающий, гребущий в своё тряпьё белую «драгоценность».

Вокруг такого-этакого бегал старик-возница в распахнутом ватнике и, хлопая себя руками по бёдрам, причитал:

— Ой, беда, беда-то какая кромешная пала на меня! Что теперича будет, что будет?.. Соль-то для хлеба на пекарню вёз. Теперича хлеб недосольным станет. У-у, животина треклятая, что переминаешься?.. Поутру кормил тебя, как порядочную, а ты со мною так подло обошлась... Ой, беда, беда бедовая...

Одноногий глазастый «обрубок» на костыле проворчал в его сторону:

— Тебе, дед, не хлестать бы лошадёнку надобно, а самому скинуться с воза, да под уздцы вывести её в аккурат на дорогу, знамо дело!

За моей спиной вывалившийся из душегубки вокзала рой разномастных баб руководил происходящим:

— Васька, в рубаху её, в рубаху, в подол. Она у тебя длинная...

— В малахай, Петро, в малахай гребь соль-то, да шибче, шибче, дурья твоя голова!..

— Иван, бери грязную, слышишь, бери! Мы отмоём её, ты понял меня, Вань? Я знаю как...

У меня, пацанка, смотревшего на всё такое с крыльца, застрял в шарабане один вопрос: отчего на соль бросились только одни «обрубки»? Среди

людвы на станции были и не битые войной мужики. Что их двинуло, «костылей» и одноруких «обрубков», напасть на рассыпавшуюся белую кучу соли? Тем временем шобла порубленных войной халявщиков вернулась на свои насиженные места вокзала. Из личных сидоров достала буханки чёрного ржаного хлеба, отломив от них знатные куски, густо макала их в божественную белую соль и с удовольствием, торопясь, пожирала нежданный подарок.

Со стороны казалось, что соль им, калекам, совершенно необходима... Для возвращения потерянных на войне рук и ног.

РУССКАЯ ФАМИЛИЯ

Против лома нет приёма.

Коча, кочь или кочмара — палубное двухмачтовое мореходное судно, приспособленное для наших северных морей. Кочи не боятся льдов. Замерзающая морская вода на Белом море выдавливает яйцеобразное тело судна наверх. Кроме того, такая форма не режет лёд, а давит его подобно ледоколу, только малой величины.

Предки мои по отцу — поморы, потомки предприимчивых новгородских колонистов, осевших в Средние века на берегах богатого всякой живностью и редкой рыбой Белого моря и по своим занятиям издавна ставшие кораблестроителями или, попросту говоря, корабельными плотниками.

Там, на берегах этого громадного водного пространства, в давние времена приобрели они и свою фамилию — Кочевы, в честь строившихся их руками кочмар. На сооружённых ими судах поморы плавали в далёкие морские походы. Доходили до Шпицбергена и Новой Земли. Известно, что Пётр I, будучи на берегах Белого моря, набирал искусных мастеров северного кораблестроения для создания русского

военно-морского флота. Слава о корабельном мастере, моём прадеде Амплее Кочеве гремела по всему Беломорью.

Деда моего, Василия Амплеевича Кочева, опытейшего строителя кораблей, окрещённого беломорцами «художным мастером», в конце XIX века волжский купец-промышленник Самарин сманил на выгодных условиях на Волгу, под город Сызрань, в село Приволжье, где соорудил верфь для строительства больших речных колёсных пароходов. Сманил купец мастера, как тогда говорили, по вере — Самарин и Кочев оба были старообрядцами поморского согласия.

Василий Амплеевич в Приволжье срубил из хороших брёвен высокую, на подклети, избу по северному обычаю. Всё под одной двухскатной с охабнем и коньком крышей: жилая часть с сенями, за нею — крытый работный двор с мастерской, над двором — сеновал с двумя скатами из брёвен, против мастерской, ближе к сеням — хлев. Дом его в Приволжье сильно отличался от местных крытых четырёхскатными крышами домов и напоминал большой корабль.

С конца XIX века вплоть до революции под руководством опытного Кочева на приволжской верфи сооружались знаменитые колёсоходные пароходы. В революцию Самарину пришлось бежать с Волги за дальние реки, а Василий Кочев с многочисленной семьёй остался в Приволжье. Образовавшаяся судостроительная артель на Самаринской верфи обойтись без опыта старика не могла и снова пригласила

его править судостроительные хитрости и затайки. В 1923 году, после Гражданской войны и страшной голодухи на Волге, от которой Кочевым удалось спастись благодаря Северу — почти вся семья временно ушла на свою беломорскую отчину, — в стране затеялась перепись населения.

В село Приволжье прибыл целый отряд молодых, ряженных в будёновки, вооружённых винтовками переписчиков. Обосновались они в Самаринской конторе на верфи и поначалу решили вызывать к себе местных работников-судостроителей. Естественно, вызвали и старика-мастера. Он зашёл в бывший обширный кабинет Самарина и по привычке перекрестился двуперстным сложением в правый, уже пустой, угол. Сел против начальственного молодца в будёновке, с лежащим перед ним на столе маузером, и внимательно стал смотреть на зелёного пучеглазого пацанка. Слева и справа от сидящего будённовца стояли ещё несколько молодцов с ружьями в руках. На краю стола сидел чахоточный очкарик-писарь с бумагами. «Зачем им для мирного дела сдались ружья», — подумал Василий Амплеевич. И только он прокрутил эту мысль в голове, как резким, ещё не устоявшимся голосом сидящий против него безусый начальник велел встать перед комиссией и назваться фамилией-именем-отчеством.

Старик подчинился, встал, опираясь правой рукой о столешницу, и назвал себя Кочевым Василием Амплеевичем.

— Откуда у тебя такая нерусская фамилия? — произнесло ряженое существо. — Откуда ты её взял, дед?

— Как — откуда? От кочей, северных парусных кораблей! Их мои предки веками строили на Белом море.

— Такого слова в русском языке нет!

— Как — нет? А Ноев ковчег или ковчег Завета? Это древнее слово. В Библии имеется предание о Ное, построившем ковчег...

— Замолкни, дед, не разводи свою религиозную антимунию! Ты, выходит, поповец, верующий! Одним словом, контра!

— Я не поповец, я старообрядец поморского согласия, молодой человек. И не надобно на меня гни-лословить!

— Ты что, с нами не согласен? Значит, власти возражаешь! А ну, товарищи красноармейцы, посадите эту старую контру в кутузку. С ним позже разберёмся и с его ковчегом Завета!

Два бугая с ружьями вытолкали деда из бывшего Самаринского кабинета и оттащили в подвал.

Слух об аресте старика мгновенно распространился по верфи. Корабельные плотники тотчас же побежали к местному начальству. Работы остановились. Как же без мастера, без его глаза да опыта! Главенствующий коммунист по телефону связался с председателем губернского исполкома с жалобой на переписчиков, которые остановили работы на верфи, арестовав главного мастера из-за фамилии.

Через три часа Кочева извлекли из подвала и снова поставили перед выпученным губошлёпом с пистолетом. Тот, на сей раз уже вежливей, объявил деду, что он теперь не Кочев, а Кочергин Василий Амплеевич, и вся его семья отныне тоже одарена этой настоящей русской фамилией. А за деяние такое благодарить ему необходимо самого председателя губисполкома, товарища Мразова. И пришлось Василию Амплеевичу Кочеву выйти из конторы единоверца Самарина с чужой фамилией на всю свою жизнь.

ХРАНИТЕЛЬ ПАМЯТИ

По матушке своей Брониславе, матке Броне, я поляк. Род её, или, как говорят поляки, дом — старинный восточнопольский дом Одынцов. Одынец в переводе с польского на русский — вепрь, то есть свирепый кабан с клыками. Вепрь — священное животное, приданное древнесаксонскому богу войны — Одину.

Имя моё, Эдуард, древнесаксонского происхождения, переводится на русский с этого старинного языка как «хранитель богатства». В дохристианские времена в саксонских племенах, пришедших с востока в Западную Европу, жрецы их одноглазого бога Одина, бога войны, имели помощников — хранителей главного богатства племени: накопленных знаний по всем жизненно необходимым предметам, — эдуардов. В ту бесписьменную языческую пору хранить знания можно было только в людской памяти, и жрецы загодя выбирали из племени юношей, обладавших хорошей памятью, и тренировали их, заставляя заучивать наизусть все накопленные секреты в разных отраслях знаний, нередко прибегая к стихотворной форме. Таким образом, слово «эдуард» в те времена было не именем, а определением профессии, своеобразной живой книги знаний, которой пользовались

жрецы и всё племя. Несколько эдуардов — это целая библиотека, хранилище сокровищ, наработанных веками традиций и ценнейшей информации.

Вот такая мудрая система существовала в дописьменный период в саксонской цивилизации. Думаю, что не только в ней.

Интересно, что в моём польско-саксонском роде, или доме, по рассказам моей матки Брони, название жреческих хранителей памяти эдуардов в какие-то древние времена, очевидно в начале христианизации и появления письменности, было закодировано неизвестным хитрым предком, бывшим помощником жрецов Одина. Каждый второй сын в «помёте» обязан носить имя Эдуард, а ежели второго в семье не получалось, то первый по прошествии двадцати лет наделялся вторым именем — Эдуард, в память о саксонском происхождении рода в оные времена.

Христианизация Европы в те годы происходила насильственно. Жреческую касту бога Одина со всеми его помогателями эдуардами в живых не оставляли. Они вынуждены были бежать на восток, и там только в XV веке на территории Литовско-Польских земель приняли христианство, став католиками. Там же ополячились. Но память о происхождении и служении богу Одину осталась в закодированном имени Эдуард и передавалась из поколения в поколение. Мой дядя, второй сын моего деда Феликса и любимый брат матери Брониславы, — Эдуард. Я, второй

сын у матери, — Эдуард. Один из моих внуков — Эдуард. И так далее.

Мои внуки посвящены в это древнее предназначение, и им идея старинного предка понравилась. Традицию рода обещали продолжить.

Из известных людей в истории рода выделялся знаменитый Антоний Эдуард Одынец. В честь него в Варшаве названа улица. Мой прапрадед получил второе имя Эдуард, так как у его родителей других сыновей не было. Антоний Эдуард учился в Виленском университете вместе с Адамом Мицкевичем и там стал его другом, а затем и биографом, написав две замечательные книги — «Записки путешественника» и «Письма к дочери», рассказывающие об их совместном интереснейшем путешествии по Европе. К сожалению, эти книги не переведены на русский язык.

В небольшом Вильнюсском музее Адама Мицкевича сохранился подарок Антония Одынца поэту в память об их дружбе — огромная шкура вепря. Она висит у них на стене в качестве экспоната.

Адам и Антоний в тридцатом году девятнадцатого века были арестованы царским правительством за участие в крамольном университетском «Обществе филоматов». Мицкевича выслали в Россию, в Петербург, а Одынца посадили в тюрьму, из которой ему удалось бежать в Германию. Там он прожил до амнистии императора Александра II. Вернувшись в Россию, в Вильно, стал издателем и поэтом-бардом. Написал несколько популярных польских песен, среди

которых две знаменитые колыбельные, ставшие народными. Их перевели на русский язык. Но это было давно, до революции. Сейчас их, очевидно, забыли.

Прадеда, Доната Одынца, в 1863 году, опять же за участие в польском восстании против России, жестоко подавленном Муравьёвым-вешателем, выслали в Сибирь, в город Читу, лишили дворянства, отобрали все родовые земли под «мистом» Боруны и записали крестьянином Виленской губернии.

Там, в Сибири, у сына Доната, Феликса Одынца, в 1907 году родилась моя мать, Одынец Бронислава Феликсовна. Её отец, Феликс Донатович, по образованию инженер, окончивший Берлинский политехнический институт, — специалист по паровым котлам. По возвращении в Россию проектировал паровые котлы для Волховской и Днепровской ГЭС. В тридцатых годах расстрелян в связи со сфабрикованным «делом Промпартии».

Бронислава в 1940 году за переписку со своим старшим братом-лётчиком, воевавшим с немцами в польской эскадрилье в Англии, получила свой чирик (десять лет) лагерей. Потомкам хранителей памяти саксонских племён досталось уже в нашей России.

Ежели говорить обо мне, Эдуарде, то я обязан нести завещанную память поколений моих предков, ставших в Средние века католиками в Восточной Польше и обретших свою покровительницу в образе Матки Боски Остробрамской. Кстати, этот образ чтится и православной церковью.

БЫВАНИЯ БРОШКИ-СИНЕРУЧКИ

Женские лагеря в сталинской России – самые чёрные заведения на нашем белом свете. По аморальной зловещности, жестокости, мерзости эти заведения перекрывают легенды-сказки об аде кромешном. Самое страшное, что придумали сатрапы главного большевика-мокрушника Советского Союза Усатого Уса Иосифа Сталина, – это соединение зэков политических с зэками криминальными – ворами, бандитами, то есть с блатными. Естественно, что блатные дьяволы превращали всех фраеров*, в том числе и политических зэков, в полных рабов.

В женских лагерях все эти действия умножались ещё и на физиологию. Страх изнасилования со стороны ВОХРы или коблих** с их бабской опричниной постоянно висел в воздухе. Спаситься от этого ужаса, особенно если женщина красючка***, было почти невозможно. И эта дьявольская машина-молотилетка растлевала, опускала, растаптывала целиком человеческую сущность и превращала людей в страшное ничто. Недаром женщины, отсидевшие «хорошие»

---

* Человек, чужой в уголовной среде (*блатн.*).

** Коблихи – активные лесбиянки на зоне, паханши (*блатн.*).

*** Красючка – красивая женщина (*блатн.*).

сроки в лагерях, старались не вспоминать об этих ужасающих событиях.

Моя мать происходила из старинного польского рода Одынцов. Несколько лет назад питерское отделение «Полонии»* попросило меня дать им её фотографию. Я нашёл одну-единственную небольшую фотографию начала пятидесятых годов, отснятую соседом по петроградской коммуналке сразу по возвращении матери в Питер из Мордовии. Фотографы «Полонии», увеличив её для своей выставки, обнаружили на изображении шрам на правой стороне лица от скулы вниз, в сторону мочки уха. Она этот шрам так ловко прятала прядью волос, гримом, что разговаривавшие с нею люди даже вблизи не замечали его. Я, конечно, знал о её шраме и много раз просил рассказать мне о нём. Но мать каждый раз категорически отказывалась. О пребывании своём в сталинских застенках старалась никому никогда ничего не рассказывать, даже мне: «А ты сам всё знаешь. Всё, что с тобой было, умножь раз в пять-семь, и получишь картинку про меня». Особенно она молчала про свою первую половину казённой запроволочной житухи. Думаю, что она как раз и была самой страшной. Про последние годы своего пребывания в женских лагерях кое-что вспоминала, но тоже с большой неохотой. Несколько эпизодов из её бывания в мордовском

---

* Культурно-просветительское общество «Полония» имени Адама Мицкевича.

ГУЛАГе-фабрике, которые мне удалось запомнить, попытаюсь вам рассказать.

С первых дней казёнки понизили шляхетку Брониславу до простой Брошки, и этой кликухой она обзывалась весь свой чирик. В мордовской мануфактуре, где ей волею судеб поначалу пришлось стать красильщицей, а затем старшей по покраске материалов и отвечать за цвет, к Брошке прилепили добавку, и стала она с тех пор именоваться Брошкой-синеручкой — за синие руки от каждодневных покрасок без резиновых перчаток, которые, естественно, лагерным красильщицам не выдавались.

ШКОЛА ДЕТСТВА

Отец пшечки Брониславы — Брошки-синеручки Феликс Донатович, по старинной семейной традиции, всех своих пятерых детей с ранних лет обучал на всякий жизненный случай какому-либо ручному ремеслу. Что им в суровом XX веке сильно пригодилось. Самую младшенькую и единственную дочь Брониславу научил всем главным женским работам по дому и не только, причём научил профессионально, на самых высоких примерах того времени. С детства она познала всё про кухню: про приобретение и хранение продуктов, их обработку уксусной водой перед готовкой и подачей на стол, чтобы не заболеть желудком и не заразиться холерой. Про разделку мяса всех

видов, про мытье посуды с сухой горчицей, чистку бронзы, серебра. Научил сервировать праздничный стол для приёма гостей и всем особенностям католического гостевания.

Отец Феликс Донатович обучил её правильной чистке одежды и стирке белья со всеми известными секретами и особенностями того времени. Будучи по первому образованию химиком, он знал их отменно. И главное, что её в дальнейшей судьбе спасло, профессионально научил крашению шерстяных, шёлковых и хлопчатобумажных тканей. Научил закреплять окрашенный материал солью или уксусом, чтобы не пачкал. Заставил её, девчонку, перекрасить всю свою одежду в понравившиеся ей цвета.

По всем перечисленным предметам она сдавала экзамены отцу, матери, старшим братьям. И к началу 1920-х годов, когда в Чите окончательно устаканилась советская власть, Бронислава, учась в польском пансионе, овладела немецким и английским языками, что тоже пригодилось в жизни в нашей непредсказуемой стране. Всё, чему её выучил отец, помогло ей выжить в лагерях и после отсидки в безработные времена в Питере.

МАНУФАКТУРА

Мордовские женские лагеря, куда мать этапировали после войны, специализировались на пошиве

зэковских шмоток и обмундирования для энкавэдэшных вертухаев*. Это были воистину лагеря-фабрики или мануфактурные ГУЛАГи. Рабочая зона состояла из пяти здоровенных бараков. Первый, портомоечный, и второй, красильный, бараки находились на берегу реки и поставлены были перпендикулярно к ней. Два других, нечистых, то есть зэковских швейных, стояли в пятнадцати шагах от первых, а третий, чистый, где шили обмундирование начальничкам, располагался параллельно реке и замыкал всю мануфактурно-барачную географию.

Портомоечный барак был разделён на три клетки-цеха. В первой клетки производили прожарку зэковских шмоток от паразитов. Во второй, бóльшей, происходила стирка одежонок сидельцев. В третьей — сушка, глажка и складирование. Работали в этом бараке так называемые портомойки, или, по-простому, прачки.

Второй, красильный, барак делился также на три клетки: красилка, сушка, глажка с двумя закутами по обеим сторонам барака — для некрашенных рулонов ткани и уже покрашенных. В двух других находились швейни носильной тюремной казёнки. В одном из отсеков шили зимнюю одежонку — зэковские ватники и стёганые тёплые портки.

В последнем, замыкающем, бараке самые крутые закройщицы и швеи из зэчек изготавливали по

---

* Вертухай — надзиратель (блатн.).

образцам начспецуху — обмундирование для ВОХРы и младшего офицерского состава НКВД.

Рабочий день в этой государственной вотчине продолжался 12–14 часов, в воскресенье — 10 часов. Выходных не было. Случались простои из-за недостатка материалов, но в эти дни устраивались генеральные уборки. Жилой лагерь от рабочей зоны находился примерно в километре.

ПРЕИСПОДНЯЯ

Самая тяжёлая, самая каторжная из всех работ была работа в красильном бараке. В нём царили сырость, невероятная жара и испарения от анилиновых покрасок. Практически все работы исполнялись вручную или, как шутили зэчки, механизированы были по-русски: «мешок на земле — мешок на спине». Деревянные вóроты, сооружённые из брусков тяжёлой осины, которые прокручивали сшитое кривой «цыганской» иглой огромное кольцо из нескольких рулонов материала в барке с анилиновым красителем, вращались «пердячим паром», то есть четырьмя зэчками: две с одной стороны, две с другой. Вращали они эту махину с помощью соединённой с валом осинового ворота металлической трубы, согнутой коленом. Когда одни выдыхались, на смену им вставали другие — немного передохнувшие пары бурлачек.

В красильной клети работали иной раз все четыре барки, – таким образом, шестнадцать женских вращал, или крутил, как их обзывали подельницы, обеспечивали красильный процесс. Чтобы легче казалась их женская каторжная работа, зэчки пели «Дубинушку», переделанную на бабий лад. Она действительно очень подходила к красильному аду и помогала справиться с вóротом.

Много песен слышал я в родной стороне,
 Там про радость и горе в них пели,
 Из всех песен одна в память врезалась мне –
 Это песня красильной артели:
 Ой, Дубинушка, ухнем,
 Ой, зелёная, сама пойдёт, сама пойдёт.
 Подёрнем! Подёрнем! Да трахнем!
 За работой толпа, не под силу наш труд,
 Ноет грудь, ломит шею и спину,
 Но вздохнём, бабоньки, пот с лица оботрём,
 И, кряхтя, запоём мы Дубину,
 Ой, Дубинушка, бахнем,
 Ручку ворота крутит артель целый день,
 В барке с краскою чёрной в крутом кипятке,
 Матерьяла вращая бобину,
 А мы, русские бабы, коль работать невмочь,
 Так затынем родную Дубину.
 Ой, Дубинушка, ухнем...

Хор бурлачек из шестнадцати баб, если работали все четыре барки, заглушал шум льющейся воды и

скрип вóротов. Иногда «Дубинушка» перемежались частушками, обзываемыми «Яры-Пояры»:

Ой, юбка моя,
Ох, огненная,
А под юбкой сидит
Окаянная!

Или:

Жопа моя,
Повертушка моя,
Я надеюсь на тебя:
Ты прокормишь меня.

Окрашенные и отглаженные рулоны материала работницы тачками отвозили в закройный цех, где по шаблонам кроили зэковские робы. Далее крой передавали в пошив – простая средневековая система. На всех этапах производства были свои «спецы» из зэчек. Над ними возвышалась ВОХРа, или, как бабы их обзывали, дубаны́.

Отряд красильщиц из «преисподней» состоял в основном из самых отпетых проституток-уголовниц и содержательниц нелегальных публичных домов. Было здесь только восемь зэчек политических, среди них – Брошка-пшечка, Лайма-латышка, немка Лизета.

Соседками по бараку были портомойки – шалавы-воровки мелкого пошиба. В их шобле фраерских

и политических баб было больше, чем в «преисподней». Портомойки жили в отдельном отсеке-бараке, за двойной занавеской, сшитой из кусков стиранных списанных эковских обносков, в своём самопальным убогом женском уюте.

МУСЬКА-УТЮГ

Над всеми насельницами барака царила коблиха Муська-утюг. Коротко стриженная, краснорожая огромная бабища, одетая всегда в брюки, с загребущими толстыми руками и неподвижными каменными глазищами. Коблихин альков находился в центральной части барака, у печки, огороженный нарами приближённых гаремных эчек. Главным достоянием её царства была полуторная металлическая кровать, фигурную спинку которой украшали блестящие шарики. Убрана она была роскошно — стёганным атласным, розового цвета одеялом в чистейшем пододеяльнике, многими подушками, с расшитым прошвою подзором и льняным покрывалом. У кровати стоял приличного вида стол-тумба, украшенный также вышитой салфеткой. Над тумбой висела лампа в самопальном абажуре из проволочного каркаса, покрытого салфеткой кружевного полотна. Видать, коблиха происходила из знатных блатяр.

Помоганкой Муське служила девка-шестёрка по кличке Ванява, кроме всего прочего, шнырявшая по

всему бараку как надсмотрщица. Остальные приближённые Муськины опричницы вообще могли с кем угодно сделать что угодно.

Балабурила Муська языком ядрёным, характеристиками сыпала точными, колкими, диалоги какие-либо с нею были невозможны — лидировала в стае. Перед ВОХРою шестерила, но с хитрецей, как торговка семечками.

Баб всех презирала, в особенности ненавидела надзирательницу Циклопку — при виде её бульдожьей хари не сдерживала себя: «О ты, ну ты, капуты, смотри-тко, какая цаца на ходулях шастает, ежели не пушка на бедре, то в нашу профурсетскую артель бы завернули. Смотрите, бабы, брови-то какие смоляные да гнутые, раздеть бы курву до наружности да отгладить ей все чурлы-мурлы до шелковистости, во бы завопила, дочь бляди!»

Единственными, кого она не загружала своим вниманием, были иностранки: немка Лизета, латышка Лайма и полька Бронислава-синеручка. Отчего так, непонятно. Вероятно, боялась «перейти границу»: в соседних мужских лагерях иностранных зэков навалом, они могли поднять шум, а коблих блатные ненавидели и при случае перерезали бы враз.

За то, что Муська-утюг среди иностранок не производила порчи, они обязаны были, из благодарности перед ней, отрабатывать её доброту. Немка отшивала на руках всё, что требовала коблиха: носильную одежду, постельное и столовое убранство, занавески

в её закуте; вышивала ей кофты и носовые платки. Лайма-латышка зарабатывала для Муськи гроши изготовлением замечательно красивых абажуров, которые коблиха через ВОХРу сбывала офицерам НКВД. Гроши, естественно, забирала себе.

К Брошке паханша относилась по-особому, вероятно оттого, что та искренне верила в Бога. Однажды даже сказала про себя, глядя на молящуюся Брошку, что ей, Муське, за грехи никогда не отмолиться перед Боженькой в этой жизни.

СКАЗКИ

Брошка по воскресеньям и праздникам перед сном рассказывала коблихе и её шобле сказы-повествования из панской богатой жизни первой половины XIX века. Рассказы из двух книг своего прадеда Антония Одынца, с ходу переводя их с польского на русский по памяти. Повествование о путешествии двух польских друзей-поэтов — великого Адама Мицкевича и Антония Эдуарда Одынца по Европе. Рассказы эти, или, как их обзывали в бараке, сказки, чрезвычайно нравились зэчкам. Они были в полном восторге от парадов на площадях Германии, маскарадов в Италии, балов в великолепных дворцах, особняках, замках, роскошных многолюдных обедов, великосветских флиртов. Некоторые сюжеты подельницы просили повторить. С нар слышались восклицания:

«Ой, мамочки!», «Да не может быть!», «Вот это да!», «Нас бы туда на вечерок, всласть бы побоярили!».

Слушали они синеручку, наслаждаясь происходившими событиями, воображая себя в ролях красиво разодетых дам в окружении соблазнительных кавалеров, представляясь сидящими за роскошно сервированными разными яствами столами с бокалами шампанского в руках, украшенных драгоценными камнями. От излишней впечатлительности и контраста Брошкиных сказок с каждодневной житухой в женском спецГУЛАГе НКВД бабёнки на нарах втихую всхлипывали, жалуясь на собственную судьбину.

Более всего у шалавных грешниц во главе с коблихой пользовалась успехом сентиментальная рождественская история (Heiliger Christ) о маленькой нищенке. Синеручке приходилось множество раз повторять её подельницам. Это был трогательный рассказ про бедную голодную сиротку с непокрытой белокурой головкой, которая бродила по холодным улицам засыпанного снегом города. Однажды она увидела, как с неба упала звезда, как будто чья-то душа отлетела к Богу. Витрины магазинов перед ней были украшены великолепными игрушками и рождественскими картинками, а окна светились разноцветными огоньками, подобными далёким звёздам. Из домов завораживающе пахло праздничными угощениями. Глядя на окна, малышка вспоминала своих умерших родителей и рождественскую ёлку, которую когда-то наряжала вместе с ними прекрасными игрушками.

И вот в одном из богатых особняков она увидела свет ярче, чем где-либо. В роскошную парадную входило множество людей с букетами в руках. Забыв про замёрзшие до боли ноги и непокрытую голову, маленькая нищенка вошла за ними. Вместо красиво наряженной ёлки в зале стоял убранный белым кружевом гроб на белом столе. Ярko горели свечи. А в гробу лежала такая же белокурая девочка одних с ней лет. Сиротка пожалела малышку, боль за неё пересилила собственную боль. Когда мать умершей заметила озябшую нищенку у гроба, то решила её удочерить.

Эту душеспасительную историю Брошка рассказывала зэчкам с мельчайшими подробностями, каждый раз по-разному импровизируя, оставляя только главный сюжет.

ВЕРТЕП

Несколько раз в году, в основном накануне праздничных дней, когда зэчек раньше отпускали из «преисподней», Муська-утюг сдавала напрокат свой гарем государству, обращаясь к товаркам с рацеей и наставлениями:

— Девки, по сей час наш красильный отряд на дежурку встаёт. По разнарядке мы сегодня под вертухаев ложимся, а посему вы, шалавы пушистые, свои хотелки подмойте. Потребники звездастые вскоре придут, сдавать вас буду, слышите, девки, пора хорошиться и

марафетиться. Вертеп им устройте, чтобы запомнили, почём бабье лихо. Запустошите их вконец, притупите им детородные инструменты до полной немочи.

При подходе государевых слуг к бараку Муська-коблиха распорядилась перед наряженными девками:

— Гляньте в окна, девки, видите, какие показухи* звездастые фараоны напялили ради вас. Смотри-тко, как важно вышагивают трахоходы погонные — прямо на праздник идут. Эй, Улька, рыжая падла, распахни дверь перед начальничками да убери парашу от неё. А вы, марухи мордовские — Агашка, Панька, Якушка, Анчутка, Тоська, Махоня, Танька Коротышка, Элька, Верка, Алинка и все другие, становитесь шеренгами с двух сторон прохода да своими цацами шевелите — смотруху устройте, а на мордах своих крашенных смазливость разлейте! Слышите?! А я им про вас похвальбу долдонить буду.

Входите, гости дорогие-драгоценные, — запела Муська на вход погонников. — Глядите, наслаждайтесь, чем богаты мы, сиротки, а богаты мы собою. Смотрите, начальнички, кто вам из красючек в охотку, тех и берите. Да они у меня все одна к одной, лучшего букета в ГУЛАГе нашем не сыщете.

— Вон ту, красавицу пшеничную, что там на нарах сидит, дай-ка первую нам — чего не даешь, Муська? — встрял энкавэдэшный майор.

---

* Показухи — награды: ордена, медали (блатн.).

— Да на неё у вас ни у кого не встанет, Брошка, раздень ему свои руки! Ну что, видишь синерукою красавицу, а? Берёшь али не берёшь, начальничек? Брошка, напяль нарукавники, не пугай дорогих гостей, не то приснишься им во сне праведном, что ты их белые ягодицы своими синюшными грабками гладишь, или к утру покажешься им ласкухой синерукой, так с пробудка заикаться начнут. Красильщица она у нас главная. Мы что, мы крутим-вертим, носим, наливаем, а она у нас дорогую краску разводит да пробу снимает. Руки у неё вашим мылом не отмываются. Вот так-то. А резиновых перчаток вы ведь не даёте, живой кожей их заменили.

— Хватит, Муська, перед танцами о плохом талдычить, сегодня у нас должно быть только хорошее, — завопил на неё майорский погонник.

— Товарищ начальник, бери Мавку белобрысую — барышня бонтонная, глянь, экая приятка в кудряшках. Ну что, гостеньки добрые, выбрали своих подружек на праздничек? — через некое время спросила Муська. — А теперь пакуйтесь, девки, свидание праздничное на сей раз у вас в баньке будет, возьмите, что надобно.

А вы цветник мой забирайте с собой, только верните в целостности да с подарками, и меня, убогую сиротку, не забудьте. Не обижайте нас, красильщиц, пожалуйста. Я вам товар-то фартовый, чистенький поставляю, так и вы подсобите мне малость, халвишки из вашего магазинчика чуток да винца красного

сладенького, вроде кагора, пару бутылочек на празднички. Ну вот, «поезд» готов. На прощание скажу: девки, потрафьте нашим заступничкам всеми известными вам утайками.

МУСЬКИНА ИСПОВЕДЬ

Однажды после ухода «поезда» Муська открыла ключом дверцу своей тумбы, достала оттуда гранёную рюмку и бутылку красного вина, хлопнула дважды по рюмке и, увидев молящуюся Брошка, обратилась к ней с успокоением:

— Ты чё, Брошка, своей Матке Боске крестишься, шалав жалеешь, что ли? Не бойсь, им всё в охотку пойдёт, они привычные, да и подарки хорошие оторвут, лярвы. Видишь, Брошка, какая крупная рыба на тебя клюёт — сам майор, лихо лупоглазое. Хошь не хошь, а краска-то тебя защищает. Вот меня уже ничего не защитит — приговорена. Ты, Брошка, зна-туха у нас, на всяких языках балабуришь, послушай про мою житуху, может, что-то сообразишь, посоветуешь.

По части торговли живым товаром талантом я отличалась и опытом. Оттого в своём Ярославле держала фартовый притон, собиравший под мою крышу воротил блатного и партийного мира. Попухла на наркоте. Пацанёнок, сын большого областного начальника, перебрал дозу и отдал дых. Дружки его

навели легавых на меня. Откупиться можно было бы, но отец, крупняк, испугал местных погонял московским «гоном».

Так я очутилась здесь. В ГУЛАГе уже срок стал пожизненным. Отутюжила по неосторожности красючку молодую, попавшую ко мне в барак, она не выдержала любви моей и задавилась. Шум, трам, тарарам...

Но дело в том, что девчонка-то оказалась марухою вора в законе Фомки Шалого. Он долго не знал, как и что произошло с нею, — сидел далеко в Сибири, а сейчас узнал, донесли доброхоты, и днями прислал маляву* с надсмотрщицей Циклопкою саловонною, посмотри какую, — она достала склеенный вручную конверт и вынула оттуда гусиное перо. — Перо** по фене знаешь, что значит... Короче, приговорил он меня к мокрухе. Оттого за территорию лагеря не хожу никогда, даже в баню боюсь ходить, моюсь в большом тазу у себя. Смотрю я, Брошка, на твои моления своей Матке Боске и иной раз даже прислушиваюсь да думаю: смотри-тко, какой у неё на любимую Боженку язык ласковый. Бабку свою ярославскую поминаю, она верующей была, православной, икон у неё был полный угол. Говаривала при мне, что Христа распяли с разбойниками, и разбойников Бог простил. Правда ли это, Брошка?

---

* Малява — письмо, записка (*блатн.*).

** Перо — нож, финка, заточка (*блатн.*).

ГУСИНОЕ ПЕРО

Следующим месяцем в один из нехороших дней зимней оттепели в красильном бараке отказал старый насос, и девкам пришлось таскать воду вёдрами из реки. А под конец работы ко всему ещё вырубилось шивое электричество, и отряду красильных рабынь и портомоек пришлось выбираться из своих рабочих клеток в темнотище и под нервные крики вертухаев строиться по четыре в ряд, чтобы двинуться к жилой зоне. Все красильщицы незнамо от чего почувствовали в воздухе что-то неладное, подойдя к воротам, увидели, что света нет и в их жилых бараках. Получили у ВОХРы переносную керосиновую лампу «летучая мышь», вошли в свой барак и, удивляясь, что паханша Муська-утюг не встречает их, как всегда ранее, сразу же учуяли запах гари.

Оказавшись в паханском закуте, обнаружили Муську лежащей в собственной постели под розовым атласным одеялом — мёртвую, с иссиня-серым лицом. Поверх одеяла торчали её обожжённые руки и рядом с ними два перекушенных пассатижами провода, сдёрнутых с потолка вместе с лампой. Запах шёл от прожжённого, ещё тлеющего одеяла. Как это произошло? Кто такое сделал? Что это — убийство или самоубийство? Девки в испуге, естественно, ничего не могли понять. Кровать вместе с Муською по приказу ВОХРы тотчас же вынесли на улицу и покрыли старой тряпичной сшивкой. Наутро Муськин труп

увезли в мертвецкую. А кровать её все напарницы отказались возвращать в барак.

Брошка-Бронислава вспомнила самоклеенную маляву с гусиным пером и перекрестилась. Ей оставалось быть синеручкой в мордовском швейном ГУЛАГе ещё два года.

Царское Село

18.2.2017

ТРИФОН ИЗ ТОРОПЦА*

Трифон наш происходил из Торопецкого рода православных, истинно верующих купчин-скобяников да, видать, не бедных. С раннего детства отдан был учиться грамоте, затем поступил в коммерческое училище, которое из-за революции не успел закончить. В свободное от учёбы время работал помощником в лавках своих сродников. Их купеческая компания принадлежала отцу с братьями, то есть дядьками Трифона.

В лавках он поднаторел в общении с покупателями и заразился специфическим торговым языком. Всю свою дальнейшую жизнь говаривал на этой торговой фене. Имея дело со скобяными товарами, отлично познал всю номенклатуру, все материалы и способы их изготовления. Парнишей был сметливым и в торговом деле проявил толковость и аккуратность почти немецкую. Явно пошёл бы в гору, не случись Великой Октябрьской революции. Это событие, поначалу показавшееся незначительным для Торопца, стало затем катастрофой всему народцу, спутало все

---

* Торопец — старинный русский город. С 1777 года — уездный город Псковской губернии, ныне районный город Тверской области.

карты в житейских колодах людишек. Наступило время, когда Трифону, а с ним многим торопчанам, пришлось спастись от неожиданных напастей.

В девятнадцатом году, с началом голодухи, ему удалось рвануть на более сытые юга и там, с Божией помощью, прокрутиться до двадцать третьего года. В начале нэпа они с батей открыли скобяную лавку в Пскове, чтобы не светиться на торопецкой родине. Товар по тому времени продавали они ходовой — косы, серпы, пилы, топоры, гвозди и прочее. Торговали с выгодой. Продержались на нём, особенно не распухая, до конца двадцатых годов, затем, почувствовав, что в воздухе запахло керосином, прикрыли дело и свалили на родину в Торопец. Там устроились в железнодорожное ведомство сантехниками, так как смекали и в этом ремесле. Чинили сортиры на вокзалах, в железнодорожных больницах, банях, магазинах.

В начале тридцатых соседи-завистники накатали на них телегу, что сантехники происхождением из богатых купчин и что богатство своё тырят от государства. В их дом нагрязнула милиция, но кроме икон никаких других богатств не обнаружила. Трифонова батю забрали на всякий случай в кутузку, а его, молодого, хотели захомутать в армию, но медкомиссия забраковала по случаю повреждения им с детства левого глаза — он не мог правильно прицелиться. Трифона оставили в покое. Батя после отсидки в подвалах легавки вернулся через четыре месяца с чахоткою, отчего долго не прожил.

После всего такого Трифону снова пришлось смыться из Торопца и отправиться в Питер. Поначалу в Питере работал где придётся, как говорят, и грузчиком, и слесарем, и токарем, и пекарем. До тех пор, пока с Божией помощью и участием рубля не выправил свои документы, похерив купеческое звание. Затем устроился на курсы счетоводов. Закончив их с успехом, счетоводом не стал, а пошёл работать снабженцем. Работа по снабженческой части оказалась по нему, и на ней он застрял окончательно. С началом Отечественной войны добровольцем служил по интендантскому делу — снабжал армию. Участвовал в снабжении Питера продуктами по Дороге жизни. Демобилизовавшись по окончании войны, работал снабженцем на разных заводах и фабриках нашего города, превращаясь постепенно в снабженческого волка. Ко времени знакомства с моей матушкой Трифон уже состоял крупным шишом — начальником в Управлении снабжения города. Заведовал там, естественно, отделом металлов.

В конце пятидесятых годов он овдовел и остался с двумя дочерьми на руках. Его выросшие дочери отличались замечательной скобарской красотой, отражённой в старинных торопецких картинах-«примитивах» вроде известной «Свадьбы в Торопце». Оттого с женихами у них проблем никаких не случилось. Обучив своих дочерей, Трифон поставил их на ноги и очень удачно, с прибытком, как он любил говорить, выдал замуж. Освободившись от родительских

забот и возвысившись по снабженческому делу, положил он свой деятельный глаз на серьёзную красивую питерскую тётеньку с Петроградской стороны, начинающую снабженку, с нечасто встречающимся для русского уха именем — Бронислава. Стал ей во всём деятельно помогать, тем более что она занималась снабжением разнообразным металлом своего кораблестроительного завода и была по этой части грамотной. А через некоторое время завод её оказался достаточно обеспечен им, и матушку впервые в жизни наградили денежной премией за успешную работу.

Снабженкою удалось устроиться ей с большим трудом, после двухлетнего запрета вообще где-либо работать как репрессированной по 58-й статье, бывшей зэчке, отсидевшей свой чирик. На мой вопрос, почему она пошла по снабженческой части, имея диплом инженера-технолога, она мне неожиданно ответила:

— В нашей стране работать технологом честно невозможно и даже опасно — начальство на производствах, в комитетах, министерствах — на всех уровнях требует нарушать технологию. Подставляться мне, отсидевшей своё, негоже. Ты же видишь и слышишь, в стране официально заставляют всех выполнять пятилетку в четыре года. Ни по какой технологии при наличии теперешнего оборудования этого у нас сделать невозможно. Ежели токарный, сверлильный либо какой другой станок заставить работать быстрее того, на что он рассчитан, он полетит, то есть

испортится. Каждый механизм рассчитан на определённое количество оборотов в единицу времени. Заставить его крутиться быстрее расчётного — преступление, вредительство. Пойти на такое я не имею права, я верующая. Повысить производительность можно, только модернизировав производство, оснастив предприятия более современным оборудованием.

Страна, власть, которая официально занимается такими вещами, нарушает технологию, — рухнет. Я, вероятно, не доживу до такой катавасии, но ты станешь её свидетелем. Кроме того, на другую инженерную работу, имеющую отношение к оборонной промышленности, меня не возьмут, а в городе большая часть предприятий связана с обороной. С моей биографией я гожусь только в снабженки.

Так вот, эти два изгоя системы встретились на снабженческом поприще и объединились в помощи друг другу. Хваткий, хитрый, быстрый и пронырливый по рождению, как многие псковские мужики, в снабженческом деле разбиравшийся как никто вокруг, и «крещённая крестами»*, бывшая инженерка, лагерная красильщица пшечка-синеручка Брошка-Бронислава сошлись и стали в крепкой связке стариковать вместе, несмотря на разные конфессии, он — православный, она — крутая католичка.

Про себя Трифон говорил, что он борзый скобарь-неваляшка: «Меня бьют, валят на землю, а я

---

* Так называли эков, которые сидели в «Крестах» (блатн.).

встаю, отряхиваюсь да сызнава начинаю жить. Прямо как русский Ванька-встанька. А резвый — это от Торопы, речки нашей, течёт быстро — торопится. У нас все такие». Достать из-под земли мог что угодно, любой товар, причём в пятидесятые-шестидесятые годы всеобщего дефицита. Свою снабженческую философию излагал мне напрямую:

— В стране нашей с определённым подходом добыть можно всё. Для одних желателей дефицит — одно, для других — другое. Ежели ты знаешь об этом, то всё, никаких проблем. От одного поставь другому, а благодарность забирай себе.

«Всё очень просто — товар или не товар перед тобою, — любимая говорка торопецкого снабженца, — а коли товар, то можно жить. Главное, вовремя суметь отличить одно от другого».

Любое дело, вещь, предмет, которые ему нравились, всегда отмечал собственной похвальбой:

— Это, значит, товар. Брать можно.

В снабженческом деле был докою, а в чём другом — наивен и даже дурашлив.

Панночку Броню считал богиней и служил преданным дворовым слугой, причём абсолютно добровольно. Первенство её признавал во всём:

— Как только глаз на неё положил, так сдался и крупную партию дефицитных труб для её завода подписал. Ты понимаешь, Степаныч, красива она была да говорила таким мягким, ласковым голосом, что отказать ей было невозможно. Видать, птицею была не

нашего, скобарского, полёту — птицею-белицею. Оттого я к ней и прилепился.

По случившейся тяжёлой болезни панночки Брони трогательно за ней ухаживал. Доставал немислимые лекарства — прямо с «того света», из-за морей и океанов, из разных стран нашего «шарика», приговаривая:

— Скобари есть везде. Мы, скобари, друг с другом повязанные.

Ездил к самым крутым знахарям-врачевателям в Москву и другие города, чтобы только поднять свою панночку. Молился за здравие в церквах, ставил свечи. Даже проник в костёл, внёс пожертвование — просил ксёндза помолиться за Брониславу. Что он только не делал ради неё, но болезнь всё-таки победила.

По смерти её сильно растерялся от неожиданности, осел, полинял, постарел и стал часто плакать, чего ранее быть не могло. В единственном тогда костёле Лурдской Божией Матери в Ковенском переулке, где отпевали её, простоял со мной и помогавшими мне в похоронных делах петроградскими «речными дешёвками», нашими соседками по Гулярной улице на Петроградской стороне, всю католическую панихиду, крестясь своим псковским трёхперстием.

После сороковин матери, панночки Брони, начал выпрашивать у меня любимую матушкину иконку — Матку Боску Ченстоховскую. Я попробовал отговаривать его:

— Трифоныч, зачем тебе она? Ты же схизматик, крещён в православие. А иконка католическая. Ты,

вон, каждое воскресенье в собор Святого князя Владимира, на Блохину улицу, хаживаешь. Вдруг покажешь её там — тебя батюшка метлою из храма погонит.

— Да я её никому не покажу. Она для меня будет как панночка Броня, святая. А что католическая, так ничего такого, всё одно Мать Божья, моя память о матери твоей, я ведь больше никого и ничего не имею. Она услада старости моей. Отдай её мне, Христа ради, я умру ведь без неё. Пожалей, милый, пожалей меня и память мою. Нельзя мне без иконки. — И заплакал старик.

Пришлось отдать ему любимый матушкин образ Ченстоховской Матки Боски — польскую святыню. Через год старик признался мне, что по лету ездил в родной Торопец на могилы своих предков, да там местному кладбищенскому батюшке показал иконку нашей Брошки.

— И ты знаешь, что сказал мне батюшка? Она — древний список с нашей иконы Смоленской Божией Матери. Во как, ваша Матка Боска Ченстоховская, а наша Смоленская Божия Матерь. Спасибо тебе, что отдал её мне, она остаток жизни моей коротать помогает.

Кладбищенский батюшка, сам смолянин по рождению, легенду рассказал, как икона очутилась в Польше. Наше Смоленское княжество в XV веке находилось под Польшею, когда тевтоно-швабские рыцари пошли на славянские земли. Славяне: чехи, словаки, поляки, русские, украинцы, объединились

и под Грюнвальдом, что в польской земле, дали бой немецкой армаде. Смоленский полк, естественно, из Руси притопал со своей иконой Смоленской Божией Матери и был назначен в резерв, с повелением, как только тевтоны начнут давить славян, ударить с фланга, разъединив их поток. Смоленцы так и поступили, нарушив наступательную систему врага. Их атака позволила славянам, перестроившись, двинуть на растерявшихся рыцарей всем объединённым скопом и погнать их с поля боя. Во время боя какой-то немецкий рыцарь поранил копьём икону смолян, из раны потекла кровь, и следы её сохранились на иконе.

После совместной победы под Грюнвальдом смоляне перед уходом на Русь в память о таком грандиозном событии подарили свою икону полякам, и со временем она стала самой популярной иконой Польши.

— Верен или неверен рассказ торопецкого кладбищенского батюшки, не ведаю, но красив, — в конце своего повествования заметил Трифон.

Много раз я пробовал ему доказать, что торопецкая легенда неверна и сложена явно смоленскими соседями для возвеличивания собственных предков, — не помогло. Он никак не верил, что в Польшу икона попала другим путём, через великого русского князя Льва, основателя города Львова. По древнему преданию, Ченстоховская икона Богородицы написана в Иерусалиме самим Евангелистом Лукой. Мать Константина Великого, императрица Елена, вывезла её из святых мест. Затем она попала в руки великого

князя Льва и находилась в Белзском замке. После покорения Польшей юго-западной Руси знаменитая икона досталась опольскому князю Владиславу. Во время осады Бельской крепости татарами Владислав велел вынести икону из церкви и поставить её на стену осаждённой крепости. Один татарский воин попал в икону стрелой, в ней образовалась рана, и из неё хлынула, как из живого тела, кровь. Эта рана с запёкшейся кровью осталась на иконе до сих пор. После ранения иконы на пространство вокруг замка опустилась ядовитая белая мгла. Татары, штурмовавшие замок, стали во множестве умирать. Оставшиеся в живых в ужасе отступили от замка.

Несколько дней спустя князь Владислав услышал во сне голос, велевший ему перенести чудотворную икону на Ясную гору Ченстоховскую. На ней князь основал монастырь в 1382 году и передал ему икону. С тех пор чудотворный образ Божией Матери, Матки Боски, стал предметом особого поклонения. Ей молятся не только католики, но и православные. Интересно, что у нас в Петербурге список иконы находится в боковом приделе Казанского собора. Он подарен царю Александру I в 1813 году настоятелем и братией Ченстоховского монастыря-крепости после изгнания из него русским воинством французов. Александр I украсил её богатым серебряным окладом.

А с Трифоном я так и не договорился о происхождении чудотворной иконы, да и не стал настаивать. Ему так было сподобнее.

Похоронили мы с ним нашу Броню на Северном Парголовском кладбище, неподалёку от католической каплицы, вокруг которой в давнишние времена хоронили католиков «шведского разлива». Отторговать эту земельку удалось опять-таки торопецкому скобарю Трифону, тороватости и энергии которого даже ушлые кладбищенские служки отказать не смогли.

Дважды в год, в день похорон, в мае месяце, и в день её рождения, в ноябре, встречались мы с ним на Северном Парголовском кладбище подле гранитного камня, внутри которого вырублен был общехристианский крест. Каждый раз приносил он с собой матушкину иконку Ченстоховской Божией Матери и выставлял её вместе с зажжённой свечой на могилку нашей панночки Брони.

АНГЕЛОВА КУКЛА

Рассказы рисовального человека (2003)

Сразу после публикации в Издательстве Ивана Лимбаха в 2003 году первая книга рассказов Эдуарда Кочергина обратила на себя пристальное внимание критики и стала настоящей сенсацией в литературной жизни. Об авторе заговорили как об одном из лучших мастеров современной прозы. Время действия рассказов, составивших книгу, — первые десятилетия после Великой Отечественной войны. Это повествования об удивительных людях, отеснённых на обочину жизни: дети без отцов, юродивые и калеки, нищие и проститутки стали персонажами впечатляющего жизненного полотна, воссозданного пером «рисовального человека». Рассказы сопровождаются рисунками автора. В Издательстве Ивана Лимбаха книга выдержала три издания (2003, 2006 и 2007).

В 2009 году в издательстве «Вита Нова» вышло новое издание «Ангеловой куклы», куда кроме тридцати двух уже известных рассказов вошло два новых («Бармалей», «Вадно Палыч — островная жертва Великой французской революции»), в книжном формате ранее не публиковавшихся. В качестве иллюстраций в книге репродуцированы картины Бориса Заборова, одного из известнейших современных художников, чьи работы хранятся в крупнейших музейных коллекциях мира. Специально для этого издания были написаны статьи историка литературы Константина Азадовского и искусствоведа Василия Ракитина.

В 2011 году издательство «Вита Нова» выпустило «Ангелову куклу» в ином формате, поместив в качестве иллюстрационного приложения подборку фотографий из личного архива Кочергина («Хождения по Питеру и Русскому Северу»). В аналогичном формате с такой же обложкой в 2013 году вышло в свет (и в 2016-м было переиздано) следующее издание книги, но его состав был изменён. Из тридцати двух рассказов три («Ты кого принёс?!», «Пушистая рота», «Берегиня») были опубликованы впервые; исключён раздел «Записки Планшетной крысы», который перешёл в одноимённую книгу.

Книга переведена на польский и немецкий языки.

Судьбы «униженных и оскорблённых» новейшей российской истории, описанные в «Ангеловой кукле», легли в основу одноимённого спектакля режиссёра Дмитрия Егорова на Малой сцене Большого драматического театра имени Г. А. Товстоногова и в Тбилисском русском театре имени А. С. Грибоедова, а также «пластического» спектакля режиссёра Егора Дружинина.

Царскосельская художественная премия (2003).

КРЕЩЁННЫЕ КРЕСТАМИ

Записки на коленках (2009)

Книга основана на воспоминаниях автора о тяжёлых военных и послевоенных временах, когда он бежал из омского детприемника для детей «врагов народа» на родину в Ленинград, — о беге, длившемся более шести лет, со всеми перипетиями и скитаниями по Эссэрии с её тогдашними казёнными домами, детприемниками НКВД и колониями. В приложении воспроизведены географические карты, тексты песен и фотодокументы 1940–1950-х годов. Послесловие написано известным петербургским прозаиком и критиком Вадимом Левенталем. Рассказы «О matka Броня, возьми меня в шпионы», «Медный

всадник» и «Площадь Урицкого» перешли в «Крещённые крестами» из «Ангеловой куклы». Начиная со второго издания (2011) книга дополнена рассказом «Баллада о деревянном самолёте», прежде не публиковавшимся.

Вышли третье (2013) и четвёртое (2017) издания. Книга переведена на английский, французский, немецкий, польский, норвежский, эстонский и финский языки.

В 2015 году на Малой сцене Большого драматического театра имени Г. А. Товстоногова поставлен одноимённый спектакль (режиссёр Вениамин Фильштинский).

Премия «Национальный бестселлер» (2010).

Литературная премия имени Сергея Довлатова, номинация «За достижения в современной отечественной прозе» (2011).

ЗАПИСКИ ПЛАНШЕТНОЙ КРЫСЫ (2013)

Книга посвящена театральной жизни, артистам, режиссёрам, художникам, рабочим сцены — выдающимся профессионалам, с которыми автору довелось встречаться и работать. Талант, верность своему делу — вот что прежде всего обращает на себя внимание автора, поэтому он с одинаковым интересом описывает и знаменитостей, и незаметных тружеников театра. Кроме рассказов, в книгу включена повесть «Медный Гога» — о легендарном режиссере Георгии Товстоногове, с которым Кочергин проработал более двадцати лет. Рассказы «Топор вепса», «Островитянин», «Последний швальник императора», «Куроводец», «Реприза дядюшки Хасана» заимствованы автором из его первой книги «Ангелова кукла».

Книга проиллюстрирована документальными фотографиями, портретами героев книги, сценами из театральных постановок, эскизами костюмов.

В 2014 году вышло второе издание.

Повесть «Медный Гога» переведена на польский язык.

Премия «Театральный роман» (2014).

ЗАВИРУХИ ШИШОВА ПЕРЕУЛКА

Василеостровские сказы (2015)

В книге собраны рассказы о необычных жителях Васильевского острова, шишах – домовых, ведущих бурную, но не заметную непосвященным жизнь рядом с человеческим миром. Шиши – добрые духи, многие столетия соседствующие с людьми, не видимые ими, но разделяющие их судьбу.

Воспроизведены многочисленные рисунки автора, созданные специально для этой книги.

Ко второму изданию, вышедшему в 2016 году, прилагается аудиодиск с записью семи рассказов. Текст читает народный артист России Геннадий Богачёв.

Литературная премия имени Н. В. Гоголя, номинация «Вий» (2016).

КАТЕГОРИИ КОМПОЗИЦИИ. КАТЕГОРИИ ЦВЕТА

Практические исследования основных понятий (2016)

Книга представляет собой учебное пособие для будущих художников. Она сложилась в процессе многолетней преподавательской работы автора в стенах художественных и театральных вузов. Уникальная методика, обобщающая опыт обучения театральных художников, основана на практических исследованиях, призванных помочь студентам постичь главные категории композиции и колористики. Курс предназначен прежде всего для будущих сценографов и ориентирован на практическую работу в заданном пространстве сцены.

В качестве иллюстрационного материала использованы работы выдающихся европейских и отечественных художников, а также работы студентов, выполненные в мастерской Эдуарда Кочергина.

В 2017 году вышло второе издание.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
-------------------	---

РОССИЙСКИЕ БЫВАЛЬЩИНЫ

Ма-ка-ро-ны	13
Белозерский Мундикатор	16
Сухонские бывальщины	28
Платон и Платонида	38
Цена жемчуга	49
Россия, кто здесь крайний?	57

ДЕТИ МОСТА ЛЕЙТЕНАНТА ШМИДТА

Алкомулятор	71
Юккашные «лакобараки»	74
Свиная эпопея	95
Супостат окаянтовый	105
Наследник потрясателя	115

ПОДМОСТКИ ЖИЗНИ

Политрук Петроградской стороны	123
Царский ужин	126
Апрельская история	135
Сватовство в партию	147
Государева премия	158
История одной обзовухи	167
Пан-батюшка	175

ХРАНИТЕЛЬ ПАМЯТИ

Поцелуй	183
Соль	188
Русская фамилия	194
Хранитель памяти	199
Бывания Брошки-синеручки	203
Трифон из Торопца	222
Книги Эдуарда Кочергина	233

УДК 882
ББК 84(2Рос=Рус)6
К755

Ответственный редактор
Алексей Дмитренко

Художественный редактор
Марина Захаренкова

В оформлении обложки использован фрагмент картины
Бориса Заборова «Гумно», 2009

Кочергин Э. С.

К755 Россия, кто здесь крайний? — СПб.: Вита Нова, 2017. — 240 с.

ISBN 978-5-93898-630-5

Пятая по счёту книга рассказов Эдуарда Кочергина — главного художника Большого драматического театра им. Г. А. Товстоногова — развивает основные темы его творчества, намеченные в первом сборнике, «Ангеловой кукле». Это повествования об «незнаменитых», а порой и оттеснённых на обочину жизни людях, существовавших в удивительных условиях российской повседневности 1940–1970-х годов. В пёстрой галерее героев Кочергина — эксцентричный партийный бонза из провинции, собиратели жемчуга на Русском Севере, ссыльные «тунеядцы» в вологодской глубинке... Раздел «Дети моста Лейтенанта Шмидта» составили рассказы о буднях «сэхэшатиков» — учеников Средней художественной школы в Ленинграде. Почти невероятные сюжеты жизни питерских маргиналов и чудесные коллизии, связанные с театральной карьерой автора, составили раздел «Подмости жизни». В последний раздел «Хранитель памяти» включены рассказы о родителях и предках, в том числе о лагерных «бытованиях» матери автора книги, а также история старинного польского рода Одынцов.

УДК 882
ББК 84(2Рос=Рус)6

Любое воспроизведение настоящей книги или отдельной её части возможно только с письменного разрешения ООО «Вита Нова».

Эдуард Кочергин

РОССИЯ. КТО ЗДЕСЬ КРАЙНИЙ?

Над книгой работали:

*Алексей Андреев, Роберт Беспалов, Сергей Борин, Алла Борина, Ольга Габе,
Наталья Введенская, Людмила Глобус, Борис Голенищев, Наталья Дельгадо,
Александр Деревягин, Наталья Деревягина, Сергей Дымшаков, Вера Ермоленко,
Екатерина Жирнова, Вадим Зартайский, Алексей Захаренков, Илья Захаренков,
Анастасия Ковальчук, Лев Коннов, Вера Коробова, Дмитрий Краснов,
Андрей Лурье, Наталья Малькова, Наталья Мартынова, Дмитрий Огурцов,
Любовь Осокина, Елена Парфёнова, Елена Петрова, Сергей Плаксин,
Ольга Солобута, Ирина Стома, Сергей Ширав*

Корректоры *Наталья Солнцева, Елена Шнитникова*

Вёрстка *Марины Захаренковой*

Подписано в печать 26.06.2017

Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 15. Тираж 3000

Гарнитура NewBaskervilleC

Печать офсетная. Бумага офсетная

Отпечатано в типографии PNB Print, Латвия

www.pnbprint.eu

ООО «Вита Нова»

198097, Санкт-Петербург, Огородный пер., 23

Тел./факс: +7 (812) 747-26-35,

тел.: +7 (812) 747-26-41, +7 (812) 785-28-71 (редакция),

+7 (495) 774-55-95, +7 (499) 272-77-12 (представительство в Москве)

Эл. почта: spb@vitanova.ru

Сайт: www.vitanova.ru

Наши книги можно приобрести в интернет-магазинах:

www.vitanova.ru, www.ozon.ru, www.book1.ru, www.books.ru,

www.dom-knigi.ru (Москва), www.petropol.com (США и Канада),

www.sputnik2000.com (Германия)

ISBN 978-5-93898-630-5

9 785938 986305